

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 2 (48), 2017

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2017, 2 (48)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2017, 2 (48)

Association "Rus" (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Сочинский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Alexander Maiorov

St. Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodoi'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

Sochi State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". M. Kogalniceanu Street, 24, Ap. 1A,
Kishinev, MD 2001, Moldova. Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2015-2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора выпуска	7

III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ»

<i>Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И.</i>	
Русинский мир в поэтическом дискурсе Ивана Франко	13
<i>Дронова Л.П.</i>	
Утилитарная оценка в русинском языке (сопоставительный аспект)	31
<i>Дуличенко А.Д.</i>	
Славянская микролингвистика и славянская микрофилология	41
<i>Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А., Ференц П.</i>	
Художественные концепты <i>зависть</i> и <i>ревность</i> в повести Ю. Олеши «Зависть» и ее переводе на польский язык	51
<i>Копорова К.</i>	
К проблемам акцентології в русинськiм нормативнiм языку на Словакiї	69
<i>Мишанкина Н.А., Зильберман Н.Н.</i>	
Восточнославянские языки в рефлексии наивного носителя языка (контент-аналитическое исследование коммуникации интернет-сообществ) ...	78
<i>Плишкова А., Цитрякова З.</i>	
Русинський літературний язык у концепціях учених і стратегіях мовних конгресів	99
<i>Резанова З.И., Некрасова Е.Д.</i>	
Когнитивная обработка маркированных и немаркированных членов грамматических оппозиций в русском и болгарском языках	126
<i>Старикова Г.Н.</i>	
Ното Loquens в зеркале имен народной культуры (на материале русского и русинского языков)	140
<i>Казарова Н.А.</i>	
Историк-славист Иван Онуфриевич Панас	158
<i>Суляк С.Г.</i>	
А.С. Будилович и Карпатская Русь	166
<i>Толстик С.А.</i>	
Русинское прилагательное <i>шумный</i> как характеристика внешности человека	182
<i>Тубалова И.В., Молчанова П.А., Наземцева М.А.</i>	
Отражение дискурсивно стабилизированных смыслов советского политиче- ского дискурса в словарях русского, украинского и белорусского языков	192
<i>Конончук И.Я., Филь Ю.В.</i>	
Славянский мир в письмах А.В. Суворова	214

CONTENTS

Editorial	7
THE 3ND INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "SLAVIC LANGUAGES: RESPONDING TO NEW CHALLENGES"	
<i>Alefirenko N.F., Chumak-Zhun I.I.</i>	
The Rusinian Universe in Ivan Franko's Poetical Discourse	13
<i>Dronova L.P.</i>	
Utilitarian Evaluation in the Rusin Language: a Comparative Perspective	31
<i>Dulitchenko A.D.</i>	
Slavic Microlinguistics and Slavic Microphilology	41
<i>Bulygina E.Yu., Tripolskaya T.A., P. Ferenc</i>	
The Concepts <i>Envy</i> and <i>Jealousy</i> in Yu. Olesha's Novel "Envy" and Its Translation into Polish	51
<i>Koporova K.</i>	
On Some Issues of Stress Placement in Standard Rusyn in Slovakia	69
<i>Mishankina N.A., Zilberman N.N.</i>	
East Slavic Languages in the Reflection of a Naive Native Speaker (Content-Analytical Study of the Social Networks Communication)	78
<i>Plishkova A., Citriakova Z.</i>	
The Rusyn Literary Language in Concepts and Strategies of Language Congresses	99
<i>Rezanova Z.I., Nekrasova E.D.</i>	
Cognitive Processing of Marked and Unmarked Members of Grammatical Oppositions in the Russian and Bulgarian Languages	126
<i>Starikova G.N.</i>	
Homo Loguens Image in Dialectal Culture in the Russian and Rusin Languages	140
<i>Kasarova N.A.</i>	
The Historian and Slavist Ivan Onufrievich Panas	158
<i>Sulyak S.G.</i>	
A.S. Budilovich and Carpathian Rus'	166
<i>Tolstik S.A.</i>	
The Rusinian Adjective <i>Shumnyy</i> as a Characteristic of a Person's Appearance	182
<i>Tubalova I.V., Molchanova P.A., Nazemtseva M.A.</i>	
Discursively Stabilized Meanings of Soviet Political Discourse in Russian, Ukrainian and Belorussian Dictionaries	192
<i>Kononchuk I.Ya., Fil Yu.V.</i>	
The Slavic World in A.V. Suvorov's Letters	214

ОТ РЕДАКТОРА ВЫПУСКА

В мае 2017 г. в Томском государственном университете в партнерстве с общественной организацией «Русь» и редколлегией исторического журнала «Русин» прошла III Международная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» с использованием технологий вебинара, что позволило привлечь к удаленному участию целый ряд докладчиков и тем самым существенно расширить и круг рефлекслируемых проблем, и географию славистов, принявших участие в их обсуждении, по сравнению с предыдущими конференциями.

Как и на конференции 2016 г., одним из центров научной дискуссии в этом году оставался русинский язык, проблемы его современного состояния и исторического развития в широком лингвистическом и социокультурном контексте славянских или – шире – индоевропейских языков. При том, что внимание исследователей привлекли разные аспекты современного состояния и динамики русинского языка (отметим в связи с этим статью К. Копоровой, посвященную обсуждению кодификации акцентных норм в русинском языке в Словакии), в центре внимания находился лексический уровень языка, непосредственно связанный с историей и культурой народа.

На основе применения сравнительно-сопоставительного и лингвокультурологического анализа Г.Н. Старикова характеризует нормы народного речевого этикета и системы их лексической репрезентации, выявляя особенности данного аспекта русинской речевой культуры на фоне славянских соответствий. В статьях Л.П. Дроновой и С.А. Толстик в сфере исследовательского интереса находятся категории ценностного фрагмента языковой картины мира русинов, изученные в сопоставительном, этимологическом и культурологическом аспектах. Отражение русинской этноязыковой картины мира в художественном дискурсе стало предметом анализа в статье Н.Ф. Алефиренко и И.И. Чумак-Чжунь.

На конференциях дискуссии вокруг актуальных, но частных проблем какой-либо предметной области зачастую являются стимулом к обсуждению общего состояния, тенденций развития, базовой проблематики, роли школ, частных направлений, отдельных выдающихся личностей в становлении науки. Проведенная конференция в этом отношении не стала исключением, и данную линию ее тематики представляют историографическая статья С.Г. Суляка, в которой характеризуется научная и общественно-политическая деятельность известного русского слависта А.С. Будиловича, отстаивавшего идею

единства славянского мира, и обзорно-аналитическая публикация А. Плишковой и З. Цитряковой, посвященная проблемам практического использования и кодификации литературного языка карпатских русинов и аспектам их обсуждения на лингвистических конференциях.

Большое методологическое значение имеет статья А.Д. Дуличенко, представляющая концепцию развития и тематической ориентации микролингвистики и микрофилологии как отраслей наук, объектом анализа которых являются малые языки, обладающие статусом литературных, а также многоаспектную типологию славянских литературных микроязыков, в число которых входит и русинский язык.

При формировании концепции, отраженной в названии конференции – «Славянские языки в условиях современных вызовов», оргкомитет стремился не только к организации обсуждения динамических процессов современных славянских языков, реализуемых в условиях активной культурной, социальной, политической динамики, «запускающей» разнонаправленные тенденции их развития, но и к дискуссии о соответствии современной славистики тенденциям развития мировой науки о языке.

Современную научную лингвистическую парадигму принято называть функционалистской, или когнитивно-дискурсивной. Внутренняя форма данных терминов актуализирует сосредоточенность языкознания XXI в. на исследовании языковой системы, ее единиц и их связей в аспекте функциональной обусловленности, когнитивной и коммуникативной, непосредственно реализуемых в процессах дискурсивной деятельности. Работа двух секций конференции была посвящена анализу когнитивных и коммуникативных детерминаций онтологии и функционирования современных славянских языков.

Принципиальным при формировании новой лингвистической парадигмы является вопрос о расширении методологии лингвистических исследований, в том числе и за счет аспектов междисциплинарного взаимодействия с выходом в пределы наук не только гуманитарного, но и естественно-научного и математического циклов. Применение новой междисциплинарной методологии позволяет не только верифицировать на новом уровне полученные ранее результаты, но и выявить новые аспекты, стороны, свойства лингвистических объектов. Примером подобного междисциплинарного взаимодействия является представленное в статье З.И. Резановой и Е.Д. Некрасовой исследование когнитивных рефлексов оппозиции маркированности / немаркированности грамматических категорий, широко обсуждавшихся ранее в типологической и коммуникативной парадигмах. Экспериментальный анализ процессов бимодального восприятия лексических единиц русского и болгарского языков позволил выявить как интегральные, так и лингвоспецифичные особенности когнитивного отражения данного языкового феномена.

Междисциплинарная интегративность – одна из базовых тенденций

развития современного языкознания. В исследованиях этой направленности элементы языковой системы и тексты рассматриваются как эмпирическая основа моделирования феноменов, внеположенных языку и тексту, но отраженных в их семантике. В современных междисциплинарно ориентированных лингвистических работах текст зачастую рассматривается как эмпирическая основа выстраивания концептуальной картины мира ее автора. В данном выпуске журнала это направление современной славистики представлено рядом статей, по-разному реализующих эту общую актуальную тенденцию современного языкознания на основе разных типов текстов. В статье Ю.В. Филь и И.Я. Конончук моделируется образ славянского мира на основе анализа эпистолярия великого русского полководца А.В. Суворова. В статье Е.Ю. Булыгиной, Т.А. Трипольской и П. Ференца представлен сравнительный анализ текстовой репрезентации художественных концептов «зависть» и «ревность» в повести Ю. Олеши «Зависть» и ее переводе на польский язык. Текст перевода предстает как полигон моделирования метаязыкового сознания автора и переводчика, давая возможность перейти от авторской картины мира к ее детерминантам в соотносимых этноязыковых картинах мира. В статье И.В. Тубаловой, П.А. Молчановой и М.А. Наземцевой моделируется аксиологический аспект фрагмента дискурсивной картины мира (советский политический дискурс) на материале нормативных толковых словарей русского, украинского и белорусского языков. Статья Н.А. Мишанкиной и Н.Н. Зильберман посвящена характеристике образов современных восточнославянских языков, объективированных в текстах социальных сетей. Ранее неоднократно отмечалось, что особая среда интернет-коммуникации стимулирует ее участников к активным метаязыковым рефлексиям, что способствует формированию богатейшего эмпирического материала для исследований метаязыкового сознания как феномена, а также материала для выявления на этой эмпирической основе различных социально значимых аспектов языкового существования современного человека в его самооценках.

Таким образом, в статьях специализированного выпуска журнала отражены основные направления тематики конференции, соответствующие актуальным тенденциям современного языкознания. Интерпретация разнообразного эмпирического материала, текстового и словарного, современного и исторически удаленного, с применением традиционной и новой, собственно лингвистической и междисциплинарной методологии позволила получить интересные, заслуживающие внимания научной общественности результаты.

*З.И. Резанова,
профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой славяно-русского языкознания
и классической филологии*

EDITORIAL

In May 2017, Tomsk State University in partnership with the Association “Rus” and the Editorial Board of the International Historical Journal *Rusin* held the Third International Conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges.” The conference was held with the use of webinar technologies, which allowed distant participation of a greater number of speakers from different countries and significantly expanded the range of the problems discussed as well.

As at the Conference held in 2016, this year’s discussion was focused on the Rusin (Rusyn) language, the problems of its current state and historical development in the broad linguistic and sociocultural context of the Slavic and Indo-European languages. While the attention of researchers was drawn to various aspects of the current state and dynamics of the Rusin language (for example, K. Koporova devoted her paper to the codification of stress norms in the Rusin language in Slovakia), the focus was on the lexical level of the language as directly related to the history and culture of the nation.

On the basis of the comparative and linguocultural analysis, G.N. Starikova characterizes sed norms of the people’s speech etiquette and the system of their lexical representation, thus revealing the specificity of this aspect of the Rusin speech culture compared to Slavic correspondences. L.P. Dronova and S.A. Tolstik focused on the categories of the value fragment of the language picture of the Rusin world studied in comparative, etymological and cultural aspects. The Rusin ethnic and linguistic picture of the world in the artistic discourse was discussed in the paper by N.F. Alefirenko and I.I. Chumak-Zhun.

The conference discussions, which are often devoted to topical, though particular, problems, usually promote reflection on the general state of the science, its development trends, basic problems, the role of schools, particular trends, and outstanding personalities. This conference was not an exception, as it was obvious from the paper by S.G. Sulyak, where he described the scientific, social and political activities of a famous Russian Slavist A.S. Budilovich, a champion of the Slavic world unity. The paper by A. Pliskova and Z. Citriakova focused on the practical use and codification of the Carpathian Rusin literary language and its discussion at linguistic conferences.

The paper by A.D. Dulitchenko has a great methodological significance. It introduced a multidimensional typology of Slavic literary microlanguages, including Rusin, and the concept of development and thematic orientation of micro-linguistics and micro-philology as branches of philology focused on small languages with literary status.

When forming the idea of the conference reflected in its title – “Slavic

Languages: Responding to New Challenges” – the Organizing Committee intended to organise a discussion of not only the dynamic processes of modern Slavic languages in the context of active cultural, social and political dynamics that “launches” differently directed trends in their development, but also of the conformity of modern Slavic studies to the trends in the development of the world linguistics.

The modern linguistic paradigm is usually called functionalist or cognitive-discursive. The internal form of these terms demonstrates that linguistics in the 21st century is focused on the study of the linguistic system, its units and their connections in terms of cognitive and communicative functions realised in the discursive activity. These two sections of the conference were devoted to the analysis of cognitive and communicative determinations of ontology and functioning of modern Slavic languages.

The formation of a new linguistic paradigm is connected with an expanding methodology of linguistic research, including interdisciplinary interaction not only with Humanities, but also the natural sciences and mathematics. The new interdisciplinary methodology allows not only a more profound verification of the results obtained earlier, but also the discovery of new aspects and properties of linguistic objects. Such an interdisciplinary interaction is represented in the paper by Z.I. Rezanova and E.D. Nekrasova on the cognitive reflexes of the markedness/unmarkedness opposition of grammatical categories, widely discussed earlier in typological and communicative paradigms. The experimental analysis of bimodal perception of Russian and Bulgarian lexical units has revealed both integral and lingua-specific features of cognitive reflection of a given linguistic phenomenon.

Interdisciplinary integrity is one of the basic tendencies in the development of modern linguistics, within which the elements of the language system and texts are considered as the empirical basis for modeling phenomena outside the language and text, though reflected in their semantics. Modern interdisciplinary linguistic works often view the text as the empirical basis for creating a conceptual picture of the world. This tendency of modern Slavic studies is represented in this issue by a number of papers that differently implement this topical trend of modern linguistics on the basis of different types of texts. Yu.V. Fil and I.Ya. Kononchuk created the image of the Slavic world on the basis of the analysis of A.V. Suvorov's epistolary. E.Yu. Bulygina, T.A. Trypilska and P. Ferenc provided a comparative analysis of the text representation of the artistic concepts “envy” and “jealousy” in Y. Olesha's “Envy” (“Zavist”) and its translation into Polish. The text of the translation is a field for modeling the metalanguage consciousness of the author and translator, which makes it possible to move from the author's picture of the world to its determinants in the correlated ethnolinguistic world pictures. In the paper by I.V. Tubalova, P.A. Molchanova and M.A. Nazemtseva, the

axiological aspect of the discursive world picture fragment (Soviet political discourse) is modeled on the material of Russian, Ukrainian and Belarusian normative explanatory dictionaries. The paper by N.A. Mishankina and N.N. Zilberman is devoted to characterisation of the images of modern East Slavic languages in the texts of social networks. It has already been noted that a special environment of Internet communication stimulates its participants to active metalanguage reflections, which contributes to the formation of the richest empirical material for the studies of metalanguage consciousness as well as for the identification of various socially significant aspects of the linguistic existence of modern man in his self-assessments.

Thus, the papers in this special issue reflect the main topics of the conference, corresponding to the current trends in modern linguistics. The interpretation of empirical material – modern and historically remote texts and dictionaries – using traditional and contemporary methodology, both purely linguistic and interdisciplinary, has yielded interesting results that deserve the attention of the academic community.

*Head of the Organizing Committee,
Professor, Head of the General Slavonic-Russian Linguistics
and Classical Philology Department of Tomsk State University,
Member of the Rusin Editorial Board
Z.I. Rezanova*

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/2

РУСИНСКИЙ МИР В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИВАНА ФРАНКО

Н.Ф. Алефиренко¹, И.И. Чумак-Жунь²

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

¹E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

²E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Авторское резюме

В центре внимания находятся феномен русинского поэтического дискурса, его генетическая связь с поэтическим текстом. Поэтический дискурс не отождествляется с анализируемым текстом, созданным самобытной языковой личностью поэта, поскольку он находится в тексте как его некий порождающий мыслекод, преобразующий язык метафорической мысли в живое этнически окрашенное поэтическое слово. Представленное исследование поэтического дискурса выдающегося украинского поэта XIX в. Ивана Яковлевича Франко направлено на палитру русинской этнокультуры. Этому способствует выделение в индивидуально-авторской картине мира автора трех уровней: 1) глубинного (мировоззренческого) слоя, отражающего фрагмент общекультурной (общечеловеческой) картины мира; 2) слоя национальной украинской интерпретации этнической (русинской) составляющей индивидуально-авторской картины мира художника слова; 3) поверхностного этнического слоя, связанного с русинским мировидением поэта. Неповторимая магия языковой личности И. Франко объясняется воплощением в ней этоса (нрава, характера, душевного склада народа), логоса (универсальной осмысленности, ритма и соразмерности русинского бытия, напоминающей первостихию «огня поэтического мышления») и пафоса (страстной увлеченности идеей поэтизации русинского мировосприятия) в рамках художественно-речевой реализации доминантной дискурсивной стратегии столь неординарной языковой личности поэта.

Ключевые слова: поэтический дискурс, русины, языковая личность, лексикон, тезаурус, прагматикон, этнокультура.

RUSINIAN UNIVERSE IN IVAN FRANKO'S POETIC DISCOURSE

N.F. Alefirenko¹, I.I. Chumak-Zhun²

Belgorod State National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia

¹ E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

² E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Abstract

The research focuses on the phenomenon of Rusinian poetic discourse and its genetic connection with the poetic text. The poetic discourse cannot be identified with the text under analysis created by the poet's unique linguistic personality, as it is integrated into the text as a generating mental code to transform the language of metaphorical thought into the living ethnically coloured poetic word. This research of the poetic discourse of Ivan Yakovlevych Franko, an outstanding Ukrainian nineteenth-century poet, demonstrates the palette of the Rusinian ethnic culture. The author identifies three levels in the poet's individual picture of the world: 1) deep (worldview) level representing a part of the global (universal) cultural picture of the world; 2) the level of national Ukrainian interpretation of the ethnical (Rusinian) component in Franko's picture of the world, which is considered to be a part of a different culture; 3) a surface ethnic level connected with the poet's Rusinian worldview. The unique magic of I. Franko's linguistic personality formed by Ethos (temper, nature, mentality of the nation), Logos (universal meaning, rhythm and harmony of Rusinian life reminiscent of the "fire of poetic thinking") and Pathos (passionate enthusiasm for the poetic idealization of the Rusinian worldview) manifests itself in artistic and speech forms of his dominant discursive strategy.

Keywords: poetic discourse, rusins, linguistic personality, lexicon, thesaurus, pragmatic communication strategies, ethnic culture.

Поэтическое слово Ивана Франко – гениального *мастера репрезентации* вселенского смысла сквозь призму восприятия русинского мира, талантливо преломленного в его авторском языковом сознании, стало выразителем общественно-политических идеалов русинской демократической интеллигенции, а его поэзия – это своеобразное видение поэтом жизни глазами русина. Его двуликий поэтический дискурс, порождавший самобытные образцы словесно-художественного искусства, одновременно является моделью двух объектов: ре-

альной действительности, отражающей жизнь прикарпатских русинов XIX в., и авторской субъективно-личностной картины русинского мира (Лотман 1964: 29). Причем личностная составляющая поэтической модели напрямую зависит от синергии этнокультурного и *личностного* метафорического мышления автора, оригинальности концептосферы его картины мира, создаваемой самобытными языковыми средствами. Самобытность поэтического дискурса И. Франко формировалась дихотомией двух речевых стихий: общенациональной (украинской) и этноязыковой (русинской).

В его поэтических текстах наряду с украинскими вполне органично соседствуют русинские формы, что придает его поэзии неповторимое этнокультурное своеобразие. По мнению исследователей творчества И. Франко, одни только его публикации могут служить подтверждением существования отдельной русинско-украинской литературы: «Поэт был главной фигурой русинско-украинского культурного производства в обеих империях: до 1886 г. он уже входил в двадцатку наиболее продуктивных авторов, а после 1895 г. ему просто не было равных по продуктивности» (Грыцак 2009: 40).

Интерес к языковой личности И. Франко обусловлен тем, что проникновение в творчество этого выдающегося классика украинской лингвокультуры дает уникальную возможность наблюдать в поэтическом идиолекте отражение не одной, а двух этнических картин мира (общенациональной и этнической – украинской и русинской). Ценность его поэтического дискурса, несомненно, не ограничивается рамками национальной украинской поэзии, да и национальной культуры в целом. В мелодике его поэтического языка ярко звучит русинский акцент, вошедший в его дискурсивное сознание от рождения. Русинское происхождение И. Франко зафиксировано в его паспорте, да и сам поэт упоминал о нем неоднократно. И все же уникальность поэтического мышления Франко – не в русинской речевой обособленности и не в украинском языковом шовинизме. Она – в конвергентной соборности его речи. В украинском культурном сознании поэтический дискурс И. Франко обрел совершенно особый статус, отличающий его от неувядающего словесного искусства других мастеров украинского слова, например Тараса Шевченко или Леси Украинки. И это в немалой степени связано с этническими особенностями его поэтического дискурса, питавшего истоки его образной речи, восходящей своими корнями к общеукраинской и этнической (русинской) лингвокультуре. Первая обеспечила его поэтическому слову общенациональное признание. Вторая стала своеобразным полилингвальным донором в формировании и совершенствовании украинского литературного языка.

Наличие в лексике русинского языка большого количества общекарпатских полонизмов и словакизмов, мадьяризмов и германизмов, «отличающих лексику русинского языка от лексики остальных восточнославянских языков» (Мусорин 2007: 336), обогатило словарный состав формировавшегося украинского литературного языка, который должен был стать общим для всей Украины. И.Я. Франко стремился, чтобы его поэтическая речь была не только одинаково понятной различным этносам, но и принятой в качестве родной полтавчанином и гуцулом, полешуком и буковинцем, слобожанином и носителем закарпатских говоров (Погребной 2017). При этом он сознательно отстаивал автономность русинского языка, несмотря на то что сам хорошо владел и другими европейскими языками, в частности немецким и польским. Ведь *государственным языком* в Галиции был *немецкий*, а затем польский. Не случайно он осуществил переводы многих украинских народных песен на *немецкий язык*. Тем не менее в стихотворении «Пісня руського бурсака», посвященном о. Костецкому, автор позиционирует лирического героя как убежденного («сознательного») русина, который с насмешкой относится к стремлению подражать всему немецкому:

<i>Я, щасний, руську матір маю,</i>	<i>Над все мені мила руська мова.</i>
<i>І русином mein Vater ist,</i>	<i>Но, щоб кар'єри ся добить,</i>
<i>Я тим над все ся величаю,</i>	<i>Волю по-руськи ані слова,</i>
<i>Що-м є німецький гімназист!</i>	<i>Лиш по-німецьки говорить.</i>
<i>До руської пісні мої груди,</i>	<i>Я русин, але по-німецьки</i>
<i>Супротив всіх ворожих стріл, –</i>	<i>Наломую і ум, і рот, –</i>
<i>Doch dann nur werden з мене люди,</i>	<i>Бо так нам каже ксьондз Костецький,</i>
<i>Коли з німецьких вийду шкіл.</i>	<i>Преславний руський патріот!</i>

(Франко 1986)

Здесь и далее тексты произведений И. Франко цитируются по изданию (Франко 1986).

Так как в индивидуально-авторской поэтической картине мира (метафоре, концепте) И. Франко доминирует этнический компонент, можно говорить о народном поэте русинского этноса (как в России о С. Есенине или в Польше об А. Мицкевиче). Как истинно народный поэт он черпал свое вдохновение из *этноязыковой картины мира* и народной речевой стихии, сумев в поэтической форме передать его изящную простоту. Для читателя, соотечественника (русина / украинца) словесное искусство «народного поэта» – это поэтически представленный в ценностно-смысловых координатах родного языка русинский мир, для читателя-иностранца – знакомство с иной картиной мира, поэтически оформленной посредством вторичной

моделирующей системы – перевода. Важно понять, почему для большинства русскоязычных читателей русинское происхождение И. Франко – тайна за семью печатями, несмотря на то, что своеобразие его поэзии объясняется русинским мировосприятием поэта. Для русскоязычного читателя поэзия И. Франко и Т. Шевченко различается скорее не стилистически, а мировоззренчески (идеологически), в соответствии с внутренней формой их национальных прозвищ (*Кобзар* и *Каменяра*). Художественный мир И. Франко, так же как и Т. Шевченко, для русского читателя – своеобразное воплощение духа украинского народа. Конвенциональные признаки их поэзии отмечает Павло Тычина, когда пишет, что на место прометеизма Шевченко с крестьянскими повстанческими косами и ножами пришел прометеизм Франко с рабочим молотом. Идиостиловое различие поэтического мышления Кобзаря и Каменяра остается за рамками восприятия русского читателя, так как знакомство с творчеством поэта происходит преимущественно посредством вторичной моделирующей системы – перевода. Известно, что поэтические переводы в целом не могут дать полного представления о национальном своеобразии картины мира поэта, а в нашем случае задача переводчика осложняется тем, что в переводах поэтических текстов И. Франко необходимо (хотя практически невозможно) отразить «вторичную, этническую составляющую» – р у с и н с к у ю.

Принято считать, что основная сложность перевода связана с передачей стилистических особенностей текста-источника. Сложность же передачи особенностей концептосферы поэтического текста И. Франко средствами другого языка обусловлена иным: ценностно-смысловой многослойностью представленной в нем индивидуально-авторской картины мира. В ней содержатся: 1) глубинный (мировоззренческий) слой, отражающий фрагмент общекультурной (общечеловеческой) картины мира; 2) слой национальной украинской культуры; 3) поверхностный этнический слой, который связан с русинским мировидением поэта.

Эти три слоя индивидуально-авторской картины мира И.Я. Франко своеобразно коррелируют с концепцией трехуровневого устройства языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым:

1) Когнитивный уровень языковой личности И. Франко соответствует мировоззренческой составляющей индивидуально-авторской картины, отражающей иерархию общечеловеческих ценностей поэта:

***Борітеся! Терпіть! По всій землі
Рівняйте стежку правді! Де застали
Лиш гложця, терня, там по вас нехай
Зазеленіє жито, наче гай!***

2) Коммуникативно-прагматический уровень языковой личности поэта в наибольшей степени соотносится с ментальной частью индивидуально-авторской картины мира, отражающей национально-культурное видение действительности:

Голос духа чути скрізь:

По курних хатах мужицьких,

По верстатах ремісницьких,

По місцях недолі й сліз.

І де тільки він роздасться,

Щезнуть сльози, сум, нещастя,

Сила родиться й завзяття.

3) Своеобразие вербально-семантического уровня определяет русинская составляющая его лексикона, которая, в сущности, и оформляет национально-своеобразную форму художественного мышления в литературный идиостиль:

Дивувалась зима:

Чом се тають сніги,

Чом леди присли всі

На широкій ріці?

Дивувалась зима:

Чом так слабне вона,

Де той легіт бересь,

Що теплом пройма?

Дивувалась зима:

Як се скріпла земля

Наливаєсь теплом,

Оживає щодня?

Разумеется, выделенные слои не существуют в поэтических текстах И.Я. Франко изолированно: осуществляется определенная фильтрация, при которой мировоззренческие основания пропускаются через ценностно-смысловой слой украинской и русинской лингвокультуры.

Определяющей при характеристике поэта в литературно-художественной критике является революционная, «оппозиционная» составляющая его творчества. Для украинского и русского читателя Иван Франко в первую очередь *каменярь* (какой-либо перевод этого прецедента на русский язык, кажется, невозможен). Это и поэт-гражданин, и поэт-трибун, девизом которого служат следующие строки:

– Ми ломимо скалу, рівняем правді путі,

І щастя всіх прийде по наших аж кістках

(мы разобьем скалу, чтоб правде путь открыть).

Во франковедении в качестве доминирующей идеи поэзии И. Франко называются «борьба за изменение среды», «формирование равноправного общества индивидов»: «Франко пишет о необходимости “переустройства” общественной жизни, духовного преображения личности, <...> осуждает пассивность жизненных воззрений человека, зовет к действенному вмешательству в жизнь, **к борьбе за ее изменение**» (выделено нами. – Н.А., И. Ч.-Ж.) (Калениченко 1994: 131).

Дихотомия *жизнь / борьба* указывает на идейную сущность творчества И. Франко – уподобление жизни вечной борьбе является основным метафорическим кодом его поэзии, определяющим отношения сферы предметного бытия и пространства субъективных переживаний. Все творчество И. Франко построено на основе базовой общечеловеческой метафоры *жизнь – борьба*, которая, как и любая другая фундаментальная операция лингвокреативного мышления, обеспечивает как создание образов, так и их употребление и понимание в конкретных поэтических текстах. Эта метафора представляет собой образную проекцию бытия человека в мире, в которой область-источник концептуализации (*борьба*) включает элементы (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО – движение, цель, препятствие, (агрессия?), сопротивление, победа / гибель), позволяющие спроецировать его в реципиентную зону *жизнь* (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО – движение, цель, преодоление, победа / гибель). Это одна из глобальных общечеловеческих метафор, проникновение которой в семиотическую, образно-символическую сферу культуры неизбежно приводит к тому, что она интерпретируется художественным сознанием и превращается в образное средство словесного искусства. В творчестве И. Франко этот образ – *борьба* – представлен как область-источник при поэтической реализации множества новых метафорических образов (*поэзия – борьба, любовь – борьба, счастье – борьба*).

Классической иллюстрацией этого положения является программное стихотворение И. Франко «Товаришам із тюрми», в котором:

1) жизнь представлена как **движение** через волны несчастья и неволи в святую страну, где царствуют любовь и согласие;

2) **цель** определена как человеческое счастье, воля, свободный разум;

3) на пути героям предстоит вступить в **жестокый бой** с врагом, который не предполагает пощады ни для кого.

*Обриваються звільна всі пута,
Що в'язали нас з давнім життєм;
З давніх брудів і думка розкута –
Ожиємо, брати, ожием!
Ожиємо новим ми, повнішим
І любов'ю оґрітим життєм;
Через хвилі мутні та бурливі
До щасливих країв попливем.
Через хвилі нещаст'я і неволі,
Мимо бур, пересудів, обмов,
Попливем до країни святої,
Де братерство, і згода, й любов.*

*Ми ступаєм до бою нового
Не за царство тиранів, царів,
Не за церков, попів, ані бога,
Ні за панство неситих панів.
Наша ціль – людське щастя і воля,
Розум владний без віри основ,
І братерство велике, всесвітнє,
Вільна праця і вільна любов!
Треба твердо нам в бою стояти,
Не лякаться, що впав перший ряд,
Хоч по трупах наперед ступати,
Ні на крок не вертатися назад.
Се ж остання війна! Се до бою
Чоловіцтво зі звірством стає,
Се приборює воля неволю,
«Царство боже» на землю зійде.
Не моліться вже більше до бога:
«Най явиться нам царство твоє!»
Бо молитва – слаба там підмога,
Де лиш розум і труд у пригоді стає.
Не від бога те царство нам спаде,
Не святі його з неба знесуть,
Але власний наш розум посяде,
Сильна воля і спільний наш труд.*

(«Товаришам із тюрми»)

Образное моделирование когнитивной метафоры отражает человеческую способность создавать образ мира, вбирающий в себя информацию из физического мира или ранее созданной модели идеального мира. Образ *жизнь – борьба* представлен в поэзии И. Франко большим количеством метафорических вариантов, которые достаточно прозрачны и без труда поддаются истолкованию. Именно поэтому эта фундаментальная общечеловеческая метафора лежит в основе перевода любого произведения Ивана Франко на русский язык. Суть подобного рода уподоблений такова: если цель поэзии – постичь суть бытия и смысл жизни человека, то эта цель достижима только в борьбе. Так как каждый из текстов представляет собой развернутую метафору, то несложно соотнести прямые метафорические уподобления, которые характерны для каждого из текстов и перевода.

Приведем в подтверждение несколько фрагментов поэтических переводов текстов И. Франко Анной Ахматовой, в которых переводчик

стремился сохранить метафорику И. Франко:

– призыв к борьбе ради будущего (область-источник – *грозная и мутная волна обновит землю и сделает ее плодородной*):

*Будь, мов та хвиля! Хоч грізна й мутна,
Та де вал верг ї – там по ній осівся
Осад новий, живий – земля плідна.*

(«В снах юності так сквапно ми шукаєм...»)

*Пучина життя! Ты темным-темна,
Но где пробилась мы, где устояли –
Земля живою силою полна.*

(перевод А. Ахматовой)

– призыв к борьбе для разрушения старого мира (область-источник – *последний бой разрушит старое здание*):

*Знов час прийде, до найтяжчого бою,
Остатнього, за правду й волю милу
Ти поведеш народи і прогнилу
Стару будову розвалиш собою.*

(«Пісня будущини»)

*Настанет час решающего боя,
Когда в борьбе за волю дорогу
Ты поведешь народы и, ликуя,
Разрушишь ветхий храм живой грозю.*

(перевод А. Ахматовой)

Примечательно, что эта метафорическая модель характерна не только для гражданской лирики поэта. *Жизнь – борьба* – обязательное условие достижения человеческого счастья, в том числе и в любви:

*І в серці своїм знов я чую силу
Розсіяти туман той, теплотою
Чуття і жаром думки поєднати
Теб з життям – і в відповідь тобі
Я кличу: «Надійсь і кріпись в борбі!»*

(«Не надійся нічого»)

Однако своеобразие художественного текста И. Франко как объекта исследования заключается в том, что он, имея самостоятельную значимость, опирается на исторически сложившиеся культурные ценности русинов, пропущенные через языковую личность писателя. К его поэзии в полной мере относятся слова К.Ф. Седова о том, что «ход превращения мысли в слово предстает перед нами как драматический конфликт между личностными смыслами и значени-

ями, которые навязывает говорящему национальный язык» (Седов 1999: 8). В поэтическом тексте метафора помещается в определенную идиостилевую среду, в которой она, с одной стороны, подчиняется общим законам языка и идиолекта, с другой стороны, расширяя, обогащает их. «Метафорическое смыслообразование базируется на системе “тонких смыслов”, культурных ассоциаций, архетипических образов» (Резанова 2003: 35) и формирует личностную систему отражения мира, которая тем не менее находится в соответствии с этнокультурными традициями и имманентной способностью языка называть мир тем или иным способом. Концептуальное пространство текста отражает национальную и авторскую картины мира.

Сам И. Франко отмечал несомненную и безусловную роль этнокультурного компонента в словесно-художественном творчестве: «Каждый выдающийся современный писатель – будь он славянин, немец, француз, скандинав – подобен дереву, которое своими корнями вырастает как можно глубже и крепче в родную, национальную почву, стараясь вобрать и переварить как можно больше ее живительных соков, а стволом и кроной распускается в интернациональной атмосфере идейных интересов, научных, общественных, эстетических и нравственных стремлений» (Калениченко 1994: 124).

Этнокультурная составляющая порождается прежде всего когнитивной метафорой.

Как отмечалось выше, метафора является одним из самых употребительных средств стилистической архитектоники И. Франко, которые не только усиливают силу выражения русинского компонента его поэтической речи, но и способствуют проявлению этнической ментальности русинов. «Ретроспективное исследование механизмов образования метафоры непосредственно связано с изучением различных психологических процессов, в частности с анализом ментальных репрезентаций» (Алефиренко 2009: 169). Метафорическая картина русинского мира И.Я. Франко этнокультурно маркирована: в основе большинства метафорических образов лежат элементы народных таксономий (сложившиеся в русинской этнической общности классификации предметов и явлений окружающего мира).

Как уже упоминалось, метафора позволяет осмыслить познаваемое через уже познанное. Основное образное средство в текстах И. Франко – это развернутая метафора, предполагающая формирование *нового знания* о познаваемой реалии. Разумеется, *новое знание* в смысловой структуре поэтического текста не тождественно понятию *новая информация*, поскольку особенность поэтического дискурса заключается в том, что тексты практически никогда не содержат действительно «новой» информации, просвещающей и обогащающей

щей читателя специальными знаниями. Вновь и вновь обращаясь к «вечным темам» (а значит, к соответствующим поэтическим концептам), поэт стремится познать мир и себя и выразить в поэтической форме свое отношение к миру. Творческое поэтическое воображение, в отличие от репродуктивного, не столько воспроизводит, сколько (вос)создает образ посредством трансформаций образов опыта, т.е. «сравнивает два мысленных комплекса, вновь познаваемого (X) и прежде познанного (A) посредством представления (a), как *tertium comparationis*» (Потебня 1976: 301). Иными словами, творческое воображение «представляет нечто не так, как оно есть эмпирически» (Мамардашвили 2000: 315). Поэтическое воображение И. Франко не только обеспечивает «возможность скачка, без которого не представить далекого и не оторваться от того, что рядом», но и заставляет ум «оторваться от мира, перенестись с помощью вымысла туда, где ему уже не важно, соотносится он с происходящим или нет» (Старобинский 2002: 70).

Таким образом, продуктивное поэтическое воображение по своему назначению может быть как «опережающим», так и «игрой, выдумкой, чистой очарованностью» (Старобинский 2002: 69, 70). В метафорической картине мира И. Франко мысленные комплексы преимущественно соотносятся так: образ, культурно освоенный (*сонеты*, например), и образ, представляющий этническую картину мира (русинскую). Соответственно, читатель должен познать скорее не новый образ, а специфические представления, связанные с русинской картиной мира. Чаще всего перевод не предоставляет читателю такой возможности. Это явно прослеживается при сопоставлении поэтических текстов И. Франко с переводами А. Ахматовой.

Ахматовские переводы текстов И. Франко дают очень яркое представление о проблемах сохранения в целостности того фрагмента русинской картины мира, который отражен в тексте оригинала. Иногда создается впечатление, что перевод поэтического текста на родственный язык – совсем несложная задача. Увы, это иллюзия. Так, А. Гозенпуд, воспроизводя опыт деятельности А. Ахматовой, заключившей в 1959 г. договор с издательством «Советский писатель» на перевод стихов И. Франко для сборника его стихотворений, издававшихся в Большой серии «Библиотеки поэта», писал: «Переводить с родственного языка куда сложнее, чем с французского или английского, – хочется сохранить максимальную верность, даже сберечь рифмы, но оказывается, что эта близость иллюзорна. Слова, звучащие по-украински и по-русски почти одинаково, на самом деле относятся к разному стилистическому ряду. Я не говорю уже о том, что они на самом деле нередко отличны по смыслу. Так, признание

героя: “я – нелюд” – сначала перевела: “я нелюдим”, хотя мы уже об этом говорили. Потом вспомнила, что “нелюд” значит бесчеловечный зверь, и написала – “преступник я”» (Гозенпуд 1990: 313).

Особенный интерес представляет обращение к ахматовским переводам «Вільних сонетів», которые, на первый взгляд, вследствие своей «заведомой книжности» не предполагают особой «народности». Сонеты – традиционно книжный жанр, предполагающий классическую интерпретацию. Известно, что к сонетной форме обращались Петрарка, Данте, Шекспир, для сонетов характерна изысканная поэтическая форма, и в XX в. это популярный жанр философской и любовной лирики. В текстах сонетов И. Франко доминирующая метафора *жизнь – борьба* сохраняется (в этом цикле форма поэзии – *сонеты* – представлена как орудие борьбы), что отражено в ахматовских переводах:

*Лиш праця ржу зотре, що груди зїдає,
Чуття живе, неткнуте заховає,
Непросихаючу нору жити.*

(«Як те залізо з силою дивною...»)

*Лишь труд сгоняет ржавчину, что гложет
Нам сердце, и лишь труд единый может
Зияющую рану заживить.*

(перевод А. Ахматовой)

А. Ахматова в переводах сонетов остается в рамках книжности, заданной жанром. Она создает самостоятельные лирические шедевры, которые насыщены изысканными литературными формулами, полупредикативными книжными конструкциями, стилистически возвышенной лексикой:

*Взгляни на ключ, что из камней гробницы
Бежит по степи чистою слезой,
В нем солнце блещет днем, и бирюзой
Сияет ночью месяц яснолицый.*

(«Народная песня», перевод А. Ахматовой)

Однако ее переводы напрочь лишены той основы, на которой строится источник. Метафорика И. Франко опирается на русинскую и – шире – украинскую картину мира, которая формируется на ментальном уровне.

Так, в поэтических источниках в метафоре *жизнь – борьба* в качестве объекта выступают *паны*. Образ *панства*, столь важный для носителя украинской национальной картины мира, – сквозной образ

его произведений. В ахматовских переводах образ врага, против которого и направлен народный гнев, размыт – это *господин, хозяин* или *царь*. Для И. Франко именно *паны* – угнетатели в их крайне нелицеприятном выражении: 1) лживые и бесплодные, 2) народные угнетатели (противопоставлены царям), 3) ощущающие себя не только властителями мира, но и целью всего существующего:

*Сонети – **се пани**. В них мисль від роду
Приглушено для форм; вони вигоду,
Пожиток кинуть, щоб ловити моду:
Се гарний цвіт, що не приносить плоду.*

(«Сонети – се раби. У форми пута...»)

*Замість валити **панський гніт і царський**,
Ти скрився в поетичні закамарки!*

(«Чого ти, хлопе...»)

*То мала б доста для потреби свої!
Смішний сей світ! Неробів горсть мала
Себе вважає світом, **паном всьої**
Землі і ціллю всього, що на світі!*

(«Смішний сей світ! Смішніший ще поет...»)

Кстати, именно пан-угнетатель – отрицательный персонаж украинских и русинских паремий: *Робітники працюють, а пани з їх праці живуть та танцюють; З панами не мірайся чубами, бо як довгий, то підстрижуть, як короткий – витягнуть; Пан добрий, як отець: взяв корову і овець, а пані – як мати: наказала й теля взяти; Цар любить карати, чиновники – хабар брати, пани – шкуру драти; Чорт душу вийме, а пан шкуру зніме; Пани будуть у котлі кипіть, а бідний дрова носить.*

Другие «национальные элементы» базовой метафоры также утрачиваются. *Панам* противопоставляются *хлопы*, которые в переводе представлены лексемой *атлеты*, ни этимологически, ни семантически не коррелирующей с источником. В результате ее использование переводит весь текст в другую ментальную плоскость: *атлеты* – это отнюдь не борцы «на пространстве русинства»:

*«Простуйся! В ряд!» Хлоп в хлопа, плечі в плечі
Гнуть стануть, свідомі одної мети,
Живі, грізні, огро́мні сонети...*

(«Сонети – се раби. У форми пута...»)

*Постройся! Сдвой ряди! Гляди в затылок!
И вот стоят могучие атлеты –
Живые, злые, грозные сонеты.*

(перевод А. Ахматовой)

По отношению к поэзии И. Франко проблема перевода осложняется тем, что, как уже отмечалось нами, в архитектуру его поэтической речи гармонически вплетается мощный русинский колорит. Именно характерные для поэзии Франко русинские языковые средства, так же, как и специфическое ударение, которое организует просодику его поэтического слога, обеспечивает ее неповторимую интонационно-мелодическую полифонию, коренным образом отличающую его поэзию от творчества других украинских классиков.

Многочисленные знаки русинского мира преимущественно остались за рамками переводов А. Ахматовой: практически отсутствует просторечная лексика, характерная для сонетов И. Франко: *ухнута, сварки, закамарки, бухне, вертівся, дармоїдів, запхати, гарка*; утрачены некоторые символические восточнославянские знаки (*криниця*); не сохраняются диминутивные формы – *личко місяця*. Русинский язык вплетается в поэтическую украинскую речь И. Франко очень органично, реализуясь на всех языковых уровнях. В процессе перевода невозможно компенсировать не только собственно русинскую лексику (*екстрем* – экстремум, крайность; *гнеть* – сейчас, скоро, сразу, немедленно, тотчас; *колот* – кутерьма, суматоха, неприятности, невзгоды), но грамматические формы – местоимение *ся*, которое используется после местоимения или глагола (*Раби й пани! Екстремися стрічають. О бозі, духах мож ся сумнівати І небо й пекло казкою вважати*), специфические формы глаголов на -*єсь* (*І промінь сонця миєсь в її срібній хвили, Так пісня та з джерел таємних ллєсь* слезою, *Прийдєсь нову зробити перекову*).

Все тексты И. Франко А. Ахматова переводит в более высокий поэтический регистр. Так, народно-поэтический образ *Се гарний цвіт, що не приносить плоду* представлен как *Их пышный цвет бесплоден год от года*.

Несоблюдение семантических и символических соответствий переводимых лексем влекут за собой утрату базового метафорического образа. Так, доминантная в сонете «Народна пісня» лексема *криниця* переводится как *родник* или *ключ*. В тексте И. Франко *криниця-песня* – живое существо, душа народа, что вполне соответствует комментарию к толкованию слова в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где указано, что слово *криница* в верованиях малорусского народа означает источник ключевой воды, где обитают богини плодородия и обилия. Этот метафорический образ разворачивается в соответствующих атрибутах: вены – жилы (*На дні її щось б'ється, мов таємні жили...*), сердце – речь (*співа до серця серцем, мовою живою*), живая вода (*Криниця та з живою, чистою водою – То творчий дух народу*), слезы (*Так пісня та з джерел таємних ллєсь слезою*). В

переводе А. Ахматовой эти соматизмы утрачены, и народная песня – в рамках общекультурной метафорики – сравнивается с бегущей, оплодотворяющей водой. Выбор образа воды связан в данном случае со стереотипизацией удачной когнитивной находки.

Однако Великий Каменьяр влияет на сознание читателя, не только воссоздавая действительность как определенную данность, но и со свойственной ему глубиной мысли и блестящей эрудицией, рифмованной суггестией воздействует на эмоции, подсознание. Этому в процессах синестезии, устанавливающей синтез и взаимодействие различных видов восприятия, подчиняются не только символическое и метафорическое мышление, но и логически неуловимые, оксюморонные сочетания, лишь намекающие образные, ритмические, звуковые ассоциации.

*Та слави людської зовсім ми не бажали,
Бо не герої ми і не богатирі.
Ні, ми **невольники**, хоч **добровільно** взяли
На себе **пута**. Ми **рабами волі** стали:
На шляху поступу ми лиш каменярі*

(«Каменярі»).

Препозиционное соположение логически несочетаемых слов *невольники, добровільно, пута* – смысловая синестезия, порождающая в тексте оксюморон *раби волі*. Поэтическая синестезия, возникающая в результате употребления слов, значения которых связаны с разными категориями состояния личности (типа **добровільні невольники, добровільні пута, раби волі**), вводит читателя в неповторимый русинский мир. Такая ретрансляция этнической картины мира не только выявляет характер *авторского* миропонимания, но и трансформирует русинские демократические идеи в *поэзию*. Таким образом, анализируя в тексте структуру авторской модели мира, мы не только «сканируем» контуры авторского сознания, но и, в соответствии с художественной «логикой» построения поэтического текста, постигаем этнокультурное видение действительности, поэтическую картину мира русина.

В поэзии И. Франко представлен особый метафорический образ русинского мира, обусловленный, с одной стороны, свойствами поэтической дискурсивной среды, а с другой – индивидуальной концептосферой автора. Необходимо согласиться, что, к сожалению, величие И. Франко как поэта национального, народного сложно осознать через перевод. Так, метафоры А. Ахматовой, даже сходные внешне, представляют другую реальность – книжную, классическую. При всем желании и ее незаурядном таланте в силу объективных причин всю

полифонию русинского мироощущения языковыми средствами русского языка воспроизвести просто невозможно. За ее поэтическим словом стоит не менее притягательная, но все же иная этноязыковая картина мира. Кажется, что «объяснить» все своеобразие поэзии И. Франко можно только с помощью лингвокультурного комментария, который может содержать информацию о том, что лингвистическое многообразие Галиции не могло не наложить отпечаток на язык поэзии И. Франко. Как и все население Галиции, И. Франко не только говорил, но и свободно писал на трех языках: украинском, польском и немецком. Вместе с тем И. Франко считается безусловным лидером формирования современной украинской идентичности и украинского литературного языка, связанного с превращением русинов из преимущественно безграмотного, аграрного и самодостаточного крестьянского сообщества в образованный, мобильный и интегрированный этнос. И. Франко поднялся до статуса украинского национального поэта не вопреки, а благодаря межэтническим и межкультурным факторам. Важнейшим из них следует считать русинско-украинское языковое взаимовлияние, что, с одной стороны, позволяет считать Франко великим украинским поэтом, с другой – обязывает читателя знать о его русинских корнях и понимать его роль в этой выдающейся, но малоизвестной культуре.

Поэтический дискурс И. Франко представляет собой субстанцию, не имеющую логически четкого контура и объема, поскольку пребывает в постоянном поиске совершенной и изящной модели метафорического выражения, переживаемой в художественных образах картины русинского мира. Поэтический дискурс, разумеется, не является самым анализируемым текстом, созданным самобытной языковой личностью поэта, но он находится в тексте имплицитно как его некий мыслекод, проецирующий пути преобразования языка метафорической мысли в живое этнически окрашенное поэтическое слово. Поэтому исследование поэтического дискурса поэта позволяет рассматривать ассоциативно-образное пространство его поэзии как высшую форму креативности элитной языковой личности русина. Неповторимая магия языковой личности И. Франко объясняется воплощением в ней этоса (нрава, характера, душевного склада народа), логоса (универсальной осмысленности, ритма и соразмерности русинского бытия, напоминающей первостихию «огня поэтического мышления») и пафоса (страстной увлеченности идеей поэтизации русинского мировосприятия) в рамках художественно-речевой реализации доминантной дискурсивной стратегии столь неординарной языковой личности поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко 2009 - *Алефиренко Н.С.* «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта-Наука, 2009.

Гозенпуд 1990 - *Гозенпуд А.* Неувядающие листья // Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л.: Лениздат, 1990. С. 311–327.

Грыцак 2009 - *Грыцак Я.* Национализируя многоэтническое пространство: История Ивана Франко и Галиции // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 23–50.

Калениченко 1994 - *Калениченко Н.Л.* Украинская литература (на рубеже XIX и XX веков) // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1994. Т. 8. С. 123–133.

Лотман 1964 - *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1964. Вып. 1: Введение, теория стиха.

Мамардашвили 2000 - *Мамардашвили М.* Эстетика мышления. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000.

Мусорин 2007 - *Мусорин А.Ю.* Из наблюдений над лексикой русинского языка // Актуальные проблемы словообразования и лексикологии. Новосибирск, 2007. Вып. X. С. 332–336.

Погребной 2017 - *Погребной А.Г.* Языковые концепции Ивана Франко и украинская современность. URL: http://www.vashchenko.lviv.ua/textes/va_franko2.html (дата обращения: 20.02.2017).

Потебня 1976 - *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.

Резанова 2003 - *Резанова З.И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. Ч. 1.

Седов 1999 - *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999.

Старобинский 2002 - *Старобинский Ж.* К понятию воображения: веки истории // Поэзия и знание: История литературы и культуры: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 69–84.

Франко 1986 - *Франко І.Я.* Вибрані твори. Львів: Каменярь, 1986.

REFERENCES

Alefrenko, N.S. (2009) "Zhivoe slovo": *problemy funktsional'noy leksikologii* [The Living Word: Problems of Functional Lexicology]. Moscow: Flinta-Nauka.

Gozenpud, A. (1990) Neuvyadshie list'ya [Unfading leaves]. In: Kralin, M.M. (ed.) *Ob Anne Akhmatovoy. Stikhi, esse, vospominaniya, pis'ma* [About Anna Akhmatova. Poems, essays, reminiscences, letters]. Leningrad: Lenizdat. pp. 311–327.

Grytsak, Ya. (2009) Natsionaliziruya mnogoetnichnoe prostranstvo: Istoriia Ivana Franko i Galitsii [Nationalizing a multi-ethnic space: The stories of Ivan Franko and Galicia]. *Ab Imperio*. 1. pp. 23–50.

Kalenichenko, N.L. (1994) *Ukrainskaya literatura (na rubezhe XIX i XX vekov)* [Ukrainian literature (at the turn of the 20th century)]. In: Vipper, Yu.B. et al. (eds) *Istoriya vsemirnoy literatury: V 9 t.* [The History of World Literature: In 9 vols]. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 123–133.

Lotman, Yu.M. (1964) *Lektsii po struktural'noy poetike* [Lectures on Structural Poetics]. Issue 1. Tartu: Tartu State University.

Mamardashvili, M. (2000) *Estetika myshleniya* [Aesthetics of Thinking]. Moscow: Moscow School of Political Studies.

Musorin, A.Yu. (2007) *Iz nablyudeniy nad leksikoy rusinskogo yazyka* [From observations on the vocabulary of the Rusin language]. In: Panin, L.G. (ed.) *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Topical Problems of Word Formation and Lexicology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 332–336.

Pogrebnoy, A.G. (n.d.) *Yazykovye kontseptsii Ivana Franko i ukrainskaya sovremennost'* [Ivan Franko's language concepts and Ukrainian modernity]. [Online] Available from: http://www.vashchenko.lviv.ua/textes/va_franko2.html (Accessed: 20th February 2017).

Potebnya, A.A. (1976) *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow: Iskusstvo.

Rezanova, Z.I. (2003) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [Metaphorical Fragment of Russian Language Picture of the World: The key concepts]. Voronezh: Voronezh State University.

Sedov, K.F. (1999) *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti* [Formation of the Language Personality Discourse Thinking]. Saratov: Saratov State University.

Starobinski, J. (2002) *Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kul'tury: V 2 t.* [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture: In 2 vols]. Vol. 1. Translated by I. Staf, G. Shumilova. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 69–84.

Franko, I.Ya. (1986) *Vibrani tvori* [Selected Works]. Lviv: Kamenyar.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Alefirenko Nikolai - Belgorod State University (Russia).

E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Chumak-Zhun Irina - Belgorod State University (Russia).

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/3

УТИЛИТАРНАЯ ОЦЕНКА В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Л.П. Дронова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: lpdronova@mail.ru

Анотское резюме

Анализируются лексические способы выражения утилитарной оценки (положительной и отрицательной) в русинском языке в сопоставлении с соответствующим лексико-семантическим полем представления этой оценки в русском языке. На основе данных лексикографических источников определяются формальная и семантическая структура лексико-семантического поля «польза – вред», генетические связи единиц этого поля, что позволяет говорить о глубине и особенностях формирования лексики утилитарной оценки. Делаются выводы, что, во-первых, русинский язык как наследник древнеславянских диалектов сохраняет следы праславянского этапа формирования утилитарной оценки и, во-вторых, лексика утилитарной оценки русинского языка сохраняет историю региональных связей разной исторической глубины.

Ключевые слова: утилитарная оценка, лексика, русинский язык, славянские языки, сопоставительный аспект.

UTILITARIAN EVALUATION IN THE RUSIN LANGUAGE: A COMPARATIVE PERSPECTIVE

L.P. Dronova

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

The paper analyses the lexical means of expressing utilitarian evaluation (both positive and negative) in the Rusin language and compare them with the corresponding lexical semantic field in Russian. Using various lexicographic sources, the author outlines the formal and semantic structure of the lexical semantic field “Good – Harm” and the genetic links among its units, which allows determining the historical depth and

specificity of the formation of the lexis of utilitarian evaluation. The author concludes that, inheriting the Old Slavonic dialects, the Rusin language preserves the traces of the Proto-Slavic means of utilitarian evaluation and that the Rusin lexemes that express utilitarian evaluation reflect the history of regional links of varying historical depth.

Keywords: utilitarian evaluation, lexis, Rusin language, Slavic languages, comparative perspective.

Постановка проблемы, аспект исследования

Утилитарная оценка представлена в языке семантической оппозицией «полезное – вредное». Утилитарная оценка – это частная оценка. В семантике ее выражающих лексических единиц наряду с оценочным значением сохраняется, как правило, и дескриптивный компонент, что позволяет увидеть круг мотивировочных признаков, их изменение в исторической перспективе, изменения в аксиологических установках этноса на определение полезного и вредного. Определение генетических связей лексики утилитарной оценки дает основание для определения исторической глубины формирования понятий «польза» и «вред», историко-культурная значимость которых позволяет ориентироваться в одновременных контактах этноса.

В русском языке ядро лексико-семантического поля, представляющего утилитарную оценку, составляют лексемы *вред* и *польза*. Обе лексемы, как известно, являются церковнославянизмами, что свидетельствует о значительности влияния церковных канонов и старославянского на формирование аксиологических установок носителей древнерусского языка. Значительность влияния старославянского в данном случае определяется и тем, что в других славянских языках значение понятия «польза» выражается иначе и чаще всего словом, соответствующим рус. *корысть* (Черных 1994: 54). Разные аспекты пользы представляют в русском языке, наряду с *польза*, такие лексемы, как *выгода*, *корысть*, *выигрыш*, разг. *прок*, *толк*, *расчет*, устар. разг. *нажива*, *барыш*. Отрицательную утилитарную оценку – неблагоприятный результат для кого-л., чего-л. – выражают лексемы *вред*, *порча*, *ущерб*, *урон*, *убыток*, *изъян*, прост. *школа*, *пакость*, устар. *наклад* (МАС 2: 109; МАС 3: 277; ССРЯ 1971: 79).

Материал русинского языка в сравнении с другими славянскими языками

Обращение к русинскому языку показывает явно иную историко-культурную детерминированность в формировании лексики, выражающей утилитарную оценку. Прежде всего следует отметить, что

ядерные лексемы в ЛСП утилитарной оценки в русском языке – *польза*, *вред* – видимо, отсутствуют в русинском языке (по крайней мере, в словарях не отмечены), хотя однокорневые слова *веред* ‘болячка, нарыв’, *вередити* ‘мешать, препятствовать; капризничать’ словарь Керчи отмечает (Керча 1: 118–119). Понятие «польза» выражается в русинском языке чаще всего лексемами *хосен*, *корысть*, а также *пожиток*, *проснів*, *придаток*, *пригода*, для обозначения вреда употребляются слова *нехосен*, *шкода*, *квар*, а также *псутя* (Керча 1: 137; 2: 170, 231), глагольная лексика, связанная с этими понятиями, – *хосновати*, *корыстати*, *шкодити*, *вадити*, *кварити*, *казити*, *псути* (Керча 1: 107, 393, 405, 437; 2: 231, 546, 588). Мы не касаемся здесь вопроса вариативности (фонетической, словообразовательной: *корысть* / *користь*, *пожиток* / *пожиток*; *проснів* / *просніх* и т. п.) рассматриваемой лексики, которая имеет место в силу некодифицированности в целом языка Прикарпатской Руси. Эта вариативность не имеет принципиального значения для рассмотрения заявленной проблемы.

Как видно из сравнения лексико-семантических полей со значением «польза» русского и русинского, у них есть только одна общая единица – *корысть* / *користь*, но это та лексема, которая известна всем славянским языкам, за исключением серболужицких, ср. ст.-слав. *користь* ‘добыча, трофей’, ‘корысть’, с.-хорв. *kòrist* ‘польза’, ‘выгода’, привилегия, чеш. *kořist* ‘добыча’, ‘улов’, ‘трофей’, ‘выгода’, словц. *korist* ‘(награбленная) добыча’, ‘военные трофеи’, ‘улов’, польск. *korzyść* ‘прибыль, выгода, польза’, (стар.) ‘добыча, военные трофеи’, др.-рус. *користь*, *корысть* ‘польза’, ‘выгода’, ‘добыча’, укр. *користь*, *корисний* ‘полезный, выгодный’ и др. (ЭССЯ 11: 71). Учет семантики и места ударения в соответствующих лексемах контактных с русинским языков объясняет наличие вариантов в русинском: *корысть* ‘добыча, трофей’, *корысть* ‘выгода, расчет’ (Керча 1: 437). Вероятно, *корысть*, как уже было сказано выше, является наиболее ранним сохранившимся обозначением пользы на пространстве славянских языков. Иначе говоря, исторически русин. *корысть* и ее производные *корыстати*, *корыстливый* – наследники ядерной лексемы ЛСП положительной утилитарной оценки праславянского уровня.

Вторая и наиболее употребительная лексема со значением «польза, прок, выгода» – это *хосен* и большой ряд производных от нее слов: *хосенность* ‘полезность’, *хосенный* ‘полезный, выгодный’, *хоснованный* ‘поддержанный, бывший в употреблении’, *хосновати* ‘употреблять, использовать’, *хосножадник* ‘корыстолюб’ и др. (Керча 2: 546–547). Это слово – результат тесных контактов русинского с венгерским (венг. *haszon* ‘корысть, выгода’) и известно также украинскому, польскому, словацкому языкам (ЕСУМ 6: 204).

Остальные лексемы, связанные с понятием «польза / полезный», являются поздними и локальными образованиями с прозрачной внутренней формой (мотивировочным признаком): *пожиток* ‘польза, выгода’ (*Дай вам боже на пожиток, што сьте обідали*), *пожиточность* ‘полезность’, *пожиточный* ‘полезный’ (ср. ст. польск. *pożytek*, ст.-чеш. *požitek*, словц. *úžitok* ‘польза, прок’ (Сл. ст.-укр.: 173; Словац.-рус. сл. 1975: 578)); *пригода* ‘прок, пригодность’ (ср. рус. *выгода*), *придаток* ‘прибавка, польза’ (*быти на придаток* ‘быть на пользу’), *придатный* ‘полезный, пригодный’; *проснів* ‘польза, прок, выгода’, *просніваня* ‘польза’, *проснівати* ‘приносить пользу, благоприятствовать’ (ср. словц. *prospievat* ‘идти на пользу; успевать’) (Керча 2: 108; Словац.-рус. сл. 1975: 409).

Лексико-семантические поля, представляющие в русинском и русском языках понятие «вред», также имеют лишь одну общую единицу – лексему *шкода* и ее производное *шкодити* (*бўльше шкоды, ги хосну*). Причем если в русинском это одно из основных средств выражения данного понятия, то в русском языке, где это также заимствование, употребление данной лексической единицы стилистически ограничено (разговорное), по своему происхождению лексема *шкода* является заимствованием через чешский и польский из др.-в.-нем. *scado*, ср. нем. *Schade(n)*, польск. *szkoda*, чеш., словц. *škoda* ‘убыток, ущерб, вред’, чеш. разг. *škoda* ‘жаль, жалко’, *škoditi* ‘вредить (здоровью)’, *škodlivý* ‘вредный, опасный для здоровья, пагубный’, рус. *шкода* ‘вред, ущерб’, стар. *шкота*, диал. (*при*)*шкóтити* ‘вредить’, *пошкотилось* ‘испортилось’ (в украинском, белорусском, древнерусском эта лексема особенно частотна в XV–XVI вв.) (Фасмер 4: 449–450; Machek 1957: 502; ČRS: 824).

Кроме слова *шкода*, со значением «вред» употребляются лексемы *нехосен* ‘не-польза’, производное от *хосен*, и *квар* ‘ущерб, убыток; пагуба, вред, порча’, его производные *кварити* ‘шкодничать, портить, наносить вред’, *кварник* ‘шкодник’, *кварливый* ‘шкодливый, вредоносный’ (Керча 1: 405). Если лексема *шкода* является заимствованием в русинском, а *нехосен* – производным от заимствования, то *квар* имеет собственно славянские корни, и аналогичные лексемы известны другим славянским языкам: болг. *квар* ‘порча, болезнь’, с.-хорв. *kvār* м.р. ‘недостаток, изъян; ущерб, урон’, (стар. диал.) ‘вред; вина, проступок; блуд’, *kvâr* ж.р. ‘вред, порча’, словен. *kvâr* ‘вред, ущерб; недостаток, изъян’, словц. диал. *kvár* ‘потрава в поле’, гуцул. *квар* ‘болезнь; беспокойство; тяжелая работа’, *кварувати* ‘болеть’ (перен. про животных). По мнению этимологов, праслав. *kvarь производит впечатление весьма старого образования по своей словообразовательной структуре, по остаточному характеру отношений (ср. ареал распространения), отдельные звенья которых рано изолированы и восстанавливаются с трудом (ЭССЯ 13: 149–150; Гуцульські говірки: 92).

В значении «вредить» реже, чем *шкодити*, употребляется слово *вадити* ‘мешать, препятствовать; вредить’, второе значение которого ‘ругаться, ссориться’, ср. *вада* ‘брак, недостаток пороков’ и ‘ссора’ (Керча 1: 107). Подобное сближение значений «ссориться» и «мешать, вредить» отмечается в чешском, словацком, польском языках; судя по генетическим связям *вадити*, старшее значение здесь ‘ссориться’, а ‘мешать, вредить’ – производное значение. Следовательно, развитие значения *вредить* – ареальная лексико-семантическая новация (Фасмер 1: 205–206; ЕСУМ 1: 318–319).

Близкими лексемами со значением «вред, вредить» (прежде всего для *кварити*) в русинском языке являются лексемы *казити* ‘портить’, *казитель* ‘тот, кто портит’ и *псути* ‘портить’, *псутя* ‘порча’ (Керча 1: 393–394; 2: 231; Онышкевич 1984: 304). По происхождению, по исторической глубине возникновения эти лексемы, можно сказать, поллярны. Глагол *казити* имеет соответствия во всех славянских языках, т. е. обнаруживает глубокие исторические корни: ср. ст.-слав. *казити* ‘портить, вредить’, с.-хорв. *kaziti* ‘уничтожать, губить, портить’, словен. *kaziti* ‘портить, искажать’, чеш. *kaziti* ‘портить, разрушать, вредить’, слвц. *kaz* ‘недостаток, изъян’, *kazit* ‘портить’, др.-рус. *казити* ‘приводить в негодность, портить; калечить’ (*молев ризы казитъ, а печаль умъ челоувьку*), ‘наводить порчу на кого-л.’ (*есть въ нашемъ селѣ древо, идеже живетъ бѣсъ кумира нечистаго, и казитъ члвѣкъ и село* [вар.: и скоты]), ‘искажать, извращать, изменять к худшему что-л.’, укр. *казити* ‘искажать, портить’, рус. устар. диал. *казить* ‘портить, повреждать, искажать’ и др. (ЭССЯ 9: 171; СРЯ 7: 21; Словац.-рус. сл. 1975: 146; СРНГ 12: 319).

Регионализмом, метафорическим по своему происхождению (и относительно поздним), является глагол *псути* ‘портить’ как производное от *пес* (*псюк*) ‘собака, пёс’. Собака, ее «способ общения» и «образ жизни» стали символом при обозначении плохих отношений между людьми, плохой, тяжелой жизни, невзгод человека: ср. русин. *псути* ‘портить’ (*Чого вшиткой то псує? Зачем он все портит?*) и *псити* (перен.) ‘хаметь, наглеть’, *псоветь* ‘перебиваться прозябать’, *псованик* ‘изгнанник, отверженный’, *псовати* ‘ругать, поносить’, *псововати* ‘терпеть невзгоды’, *псота* ‘неприятность, беда, невзгоды’ (Керча 2: 230–231). Близкие по форме и значению известны однокорневые образования в украинском языке (*псити* ‘жить убого (по-собачьему)’, *псити* ‘болеть (про скот)’, *псувати* ‘охотиться с собаками’ и *псувати* ‘портить’, *псування*, *попсув* ‘порча’, *псотний* ‘собачий; испорченный, пагубный’ *псотник* ‘каверзник’ и др. (ЕСУМ 4: 358–359)), и, вероятно, под их влиянием (преимущественно) в юго-западных диалектах русского языка известны глаголы *псить* ‘портить, губить’, *псуть*, *псовать* ‘портить, приводить в негодное состояние’ (*Попроси кого холстину*

скроить, а то ты только вещь псуешь) (СРНГ 33: 99–100), им подобны ст.-польск. *psować* ‘violare, совершать насилие, приносить вред’, рус. (XVII в.) *псовати* ‘бесчестить, оскорблять’ (СРЯ 21: 37).

Сходно по экспрессивности и оценке образ «собачьего» представлен и в древнерусском языке, русском, ср. др.-рус. *лая, лаяние* ‘брань, поношение, оскорбление’ (XII–XIII вв.), ‘козни’ (XV в.), *лаяти* ‘бранить, поносить кого-л.’ (XIV в.), ‘злостововать, неистовствовать’ (XI в.), рус. *лаяться, собачиться* (о грубой перебранке), *жизнь собачья* (о тяжелой жизни) (СРЯ 8: 181–182).

Выводы

Анализ лексики утилитарной оценки в русинском языке в сопоставлении с другими славянскими языками позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, русинский язык как наследник древнеславянских диалектов сохраняет следы праславянского этапа формирования утилитарной оценки: русин. *користь* является наиболее ранним сохранившимся обозначением слова «польза» на пространстве славянских языков, а *казити*, судя по представленности в славянских языках и оценке генетических связей, представляет собой продолжение раннеславянского обозначения действия и процесса порчи, вреда, приведения в негодное состояние. Этимологический анализ генетических связей, позволяющий соотнести *kaziti и *kazati в формальном плане, дает основание для их семантического соотнесения как ‘портить’ ← ‘метить в дурном смысле’ (ЭССЯ 9: 171). То есть, вероятно, *kaziti обозначало у ранних славян разные действия (символические, ритуальные), которые наводили порчу на людей, животных (ср. самое распространенное до сих пор – *сглазить* ‘навести порчу’).

Во-вторых, лексика утилитарной оценки русинского языка сохраняет историю региональных связей разной исторической глубины. Так, что касается русинской лексемы *квар* (*кварити*), которая входит в состав южнославянско-словацкой изоглоссы, то ее происхождение, как всей изоглоссы, относится к ранней славянской истории, хотя не до конца ясна ее глубина. Глагол *вадити* в значении ‘портить, вредить’ – это русинско-западнославянская семантическая инновация. Остальная лексика утилитарной оценки русинского языка представляет собой либо регионализмы (западно-, восточнославянские: *пожиток, пригода, придаток, проснів; псутя, псути*), либо заимствования, но с немалой историей (*хосен* из венгерского, *шкода* через западославянские из древневерхненемецкого).

Выявленный широкий исторический диапазон формирования лексики утилитарной оценки в русинском языке, специфика лексики, ее

выражающей, не случайны: утилитарная оценка как рационалистическая оценка непосредственно связана с практической, исторически меняющейся деятельностью человека, она фиксирует (и позволяет выявить) аксиологические установки относительно понятий *польза* и *вред* в разные периоды истории русин.

СОКРАЩЕНИЯ

болг. – болгарский; венг. – венгерский; гуцул. – гуцульский; диал. – диалектное; др.-в.-нем. – древневерхненемецкий; др.-рус. – древнерусский; нем. – немецкий; польск. – польский; праслав. – праславянский; рус. – русский; русин. – русинский; словац. – словацкий; словен. – словенский; стар. – старое; ст.-польск. – старопольский; ст.-чеш. – старочешский; ст.-слав. – старославянский; с.-хорв. – сербохорватский; укр. – украинский; устар. – устаревшее; чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

Гуцульські говірки 1997 - Гуцульські говірки. Короткий словник / Відповід. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

ЕСУМ 1 - Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ, 1982. Т. 1. 631 с.

ЕСУМ 4 - Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ, 2003. Т. 4. 656 с.

ЕСУМ 6 - Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ, 2012. Т. 6. 568 с.

Керча 1 - Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1.

Керча 2 - Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2.

МАС 2 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1982. Т. 2.

МАС 3 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1983. Т. 3.

Онышкевич 1984 - Онышкевич М.Й. Словник бойківських говірок: В 2 ч. Київ: Наукова думка, 1984.

Словац.-рус. сл. 1975 - Коллар Д., Доротьякова В., Филкусова М., Васильева Е. Словацко-русский словарь. М.-Братислава: Русский язык, Словацкое педагог. изд-во, 1976. 767 с.

СРЯ 7 - Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7 (К–Крагуяр). 403 с.

СРЯ 8 - Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8 (Крада–Лящина). 351 с.

СРЯ 21 - Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 21 (Прочный – Раскидати). 280 с.

ССРЯ 1971 - Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / Гл. ред. А.П. Еврењева. Л.: Наука, 1971. Т. 2. 856 с.

Сл.ст.-укр.-Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: В 2 т. Київ: Наукова думка, 1978. Т. 2. 591 с.

СРНГ 12 - Словарь русских народных говоров. Вып. 12.

СРНГ 33 - Словарь русских народных говоров. Вып. 33.

Фасмер 1 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: М., 1964. Т. 1. 562 с.

Фасмер 4 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: М., 1973. Т. 4. 852 с.

Черных 1994 - Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 2. 560 с.

ЭССЯ 1 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 1974. Вып. 1 (А–*besъdъlivъ). 214 с.

ЭССЯ 9 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 1983. Вып. 9 (*jъz–*klenъje). 197 с.

ЭССЯ 11 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 1984. Вып. 11 (*копьсь–*котьна(я). 220 с.

ЭССЯ 13 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 1987. Вып. 13 (*kromežirь–*kyžiti). 285 с.

ČRS - Česko-ruský slovník / Pod ved. K. Horálka, B. Ilka, L. Kopeckého. 3, opravené vydání. Praha, 1970. 1242 с.

Machek 1997 - Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. 627 с.

REFERENCES

Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki govorki. Korotkiy slovník* [The Guzul Dialects. A Short Vocabulary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniiy slovník ukráins'koï movi: V 7 t.* [The Etimological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichniiy slovník ukráins'koï movi: V 7 t.* [The Etimological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2012) *Etimologichniiy slovník ukráins'koï movi: V 7 t.* [The Etimological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'*: V 2 t. [The Rusin-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'*: V 2 t. [The Rusin-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 2. Uzhgorod: PoliPrint.

Evgenieva, A.P. (ed.) (1982) *Slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. [The Dictionary of the Russian Language: In 4 vols.]. Vol. 2. Moscow: Russian Academy of Science.

Evgenieva, A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. [The Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Vol. 3. Moscow: Russian Academy of Science.

Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykivskikh govirok*: V 2 ch. [The Dictionary of Boykovsky Dialects. In 2 vols]. Kyiv: Naukova dumka.

Kollar, D., Dorotyakova, V., Filkusova, M. & Vasilyeva, E. (1976) *Slovatsko-russkiy slovar'* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow; Bratislava: Russkiy yazyk.

Bogatova, G.A. (ed.) (1980) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 7. Moscow: Nauka.

Bogatova, G.A. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 8. Moscow: Nauka.

Bogatova, G.A. (ed.) (1995) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 21. Moscow: Nauka.

Evgenieva, A.P. (ed.) (1971) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka*: V 2 t. [The Dictionary of the Synonyms of the Russian Language]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.

Gumetska, L.L. (ed.) (1978) *Slovník staroukraiinskoi movy XIV–XV st.*: v 2 t. [The Dictionary of the Old Ukrainian Language of the 14th – 15th centuries: In 2 vols.]. Kyiv: Naukova dumka.

Filin, F.P. (ed.) (1977) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of the Russian Popular Dialects]. Vol. 12. Leningrad: Nauka.

Sorokoletov, F.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of the Russian Popular Dialects]. Vol. 33. Leningrad: Nauka.

Vasmer, M. (1973) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 4. Moscow: Progress.

Vasmer, M. (1964) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 1. Moscow: Progress.

Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*: V 2 t. [The Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1983) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov.*

Praslavyanskiy leksicheskiy fond [The Etymological Dictionary of the Slavic Languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 9. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1984) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic Languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 11. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1987) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic Languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 13. Moscow: Nauka.

Horálka, K. (ed.) (1970) *Česko-ruský slovník* [The Czech-Russian Dictionary]. 3rd ed. Prague: Státní pedagogické nakladatelství.

Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [The Etymological Dictionary of the Czech and Slovenian Languages]. Prague: Nakladatelství Československé akademie věd.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Dronova Liubov - Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru

УДК 81

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/4

СЛАВЯНСКАЯ МИКРОЛИНГВИСТИКА И СЛАВЯНСКАЯ МИКРОФИЛОЛОГИЯ

А.Д. Дуличенко

Тартуский университет

Эстония, 50090, г. Тарту, Юликооли, 18

E-mail: aleksd@list.ru

Авторское резюме

Славянские литературные микроязыки – категория, которая разрабатывается нами с 70-х гг. XX в. Первоначально было выделено 12 микроязыков, а также указывалось на наличие попыток по созданию некоторых других микроязыков. Однако по мере изучения данной проблематики наш материал расширился, и в настоящее время нами насчитывается приблизительно два десятка микроязыков или попыток их создания. Ареальный принцип в сочетании с этнолингвогенетическим и литературно-языковым дал возможность классифицировать их следующим образом: 1) автономные (верхне- и нижнелужицкие, кашубский); 2) островные (югославо-русинский, градищанско-хорватский, резьянский и др.); 3) периферийно-островные (карпато-русинский, эгейско-македонский, помакский и др.); 4) периферийные, или региональные (чакавский, кайкавский, прекмурско-словенский и др.). Все они возникли в разные периоды истории, при этом не все из них развились в микрофилологии (лингвистическо-литературоведческая сторона характерна для лужицких, югославо-русинского, кашубского, градищанско-хорватского и некоторых других микроязыков). Однoboкость функционального развития так и будет сопровождать их дальнейшее развитие. Однако в целом это процесс развивающийся, так что в недалеком будущем мы станем свидетелями пополнения данной категории новыми прецедентами.

Ключевые слова: славянское языкознание, славянская филология, славянские литературные микроязыки, изучение, современная классификация, славянская микролингвистика, славянская микрофилология, русинский язык.

SLAVIC MICROLINGUISTICS AND SLAVIC MICROPHILOLOGY

A.D. Dulitchenko

University of Tartu
18 Ülikooli, Tartu, 50090, Estonia
E-mail: aleksd@list.ru

Abstract

Slavic literary microlanguages are a category that has been developed since the 1970s. Initially, we identified 12 microlanguages and attempts to create some other microlanguages. However, as the problem has been studied, we can identify approximately twenty micro-languages or attempts to create them. The area principle combined with ethno-linguo-genetic and literary-linguistic ones brought about the following classification: 1) autonomous (Upper and Lower Sorbian, Kashubian); 2) island (Yugoslavian-Rusinian, Burgenland Croatian, Resian dialect, etc.); 3) peripheral-island (Carpathian Rusin (Rusyn), Aegean-Macedonian, Pomak, etc.); 4) peripheral, or regional (Chakavian, Kajkavian, Prekmurje Slovene, etc.). They all originated in different periods of history, and not all of them developed in microphilology (the linguistic-literary aspect is characteristic of Sorbian, Yugoslavo-Rusin, Kashubian, Burgenland Croatian and some other microlanguages). The one-sidedness of the functional development will accompany their further development. However, in general, this process is developing, so that in the near future we will witness the replenishment of this category with new precedents.

Keywords: Slavic linguistics, Slavic philology, Slavic literary microlanguages, study, modern classification, Slavic microlinguistics, Slavic microphilology, Rusin language.

Славянское языкознание конца XX – начала XXI в. представляет собой сформировавшуюся научную дисциплину классического типа, где достаточно четко обозначено содержательное пространство, а для исследования его проблем разработаны (в содружестве с другими дисциплинами) определенные приемы и методы. Ядром славянского языкознания, как известно, является лингвистическая палеославистика, т. е. наука о праславянском языке, в то время как другие его разделы так или иначе связаны с этим первоисточником, постоянно получая от него различного рода импульсы.

В отличие от исторической фонетики и грамматики, история славянских литературных языков – это дисциплина, сформировавшаяся

позднее на основе учета очевидных неязыковых (письменность) и собственно языковых (норма и стиль) фактов. Как история, так и теория литературного языка развивались преимущественно в течение XX в. с главной опорой на вопросы нормирования литературно-языковой страты, уже наличествовавшей к тому времени у всех крупных славянских народов. Список из 12 славянских языков, каждый из которых выступал также в виде литературного языка, стал привычным, войдя во все справочники, энциклопедии и университетские учебники. Правда, здесь нужно сделать некоторое пояснение: в одних изданиях в этот список включается литературно-письменный старославянско-церковнославянский язык, в таких классификациях серболужицкий выступает как единый язык; в других единый старославянско-церковнославянский, а серболужицкий делится на верхне- и нижнелужицкий. Добавим также, что македонский как литературный язык формируется лишь с середины XX в.

В целом в XX в. в славянском языкознании и лингвистике возобладало мнение о том, что языковая Славия достаточно плотно покрыта литературными языками (как, впрочем, и неславянские регионы Европы). Однако при пристальном взгляде выяснилось, что «крыша» в виде литературного языка не везде одинаково плотно покрывает соответствующее ей этноязыковое пространство, что плотность языковой Славии не абсолютна и она еще дает некоторые возможности для появления новых «ростков» в виде литературно-языковых образований, т. е. литературных языков. И, хотя все это стояло на периферии в географическом смысле и в плане внимания исследователей, все же возникало ощущение неполноты славянской литературно-языковой картины (картины уровня литературного языка). В середине XX в. о «теневых» литературно-языковых образованиях, формировавших такую неполноту, в научной литературе практически ничего нельзя было прочесть.

Категория славянских микроязыков (на социолингвистическом уровне – славянских литературных микроязыков) стала разрабатываться с середины 70-х гг. XX в. и получила свое более или менее цельное оформление лишь в начале 1980-х гг., знаменуя собой новое направление в славянском языкознании, реализуемое в основном в рамках формировавшейся к тому времени Тартуской школы славянской микролингвистики (Славянские литературные микроязыки 2006). Первоначально объектом исследования был югославо-русинский (южнорусинский) литературный микроязык в бывшей Югославии, посредством которого постепенно открывалась и другая часть Микрославии. В ту пору был собран, описан и типологически проанализирован материал 12 литературных микроязыков и их проектов, т. е.

того же количества, что и традиционно включаемых в генетическую классификацию славянских языков.

К феномену славянских литературных микроязыков был отмечен интерес широких славистических кругов. Достаточно сказать, что на монографию автора настоящего сообщения «Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития)» 1981 г., посвященную этой категории языков, в разных странах в научных изданиях было опубликовано более десятка рецензий. Однако потребовалось примерно четверть века для того, чтобы категория славянских литературных микроязыков заняла свое место в славянском языкознании. Эта проблема была озвучена уже на XI Международном съезде славистов (МСС) в Братиславе в 1993 г. На XII съезде в Кракове в 1998 г. работал специальный блок по малым славянским языкам. Проблематика микроязыков широко была представлена и на съезде в Любляне в 2003 г. Специальный тематический блок «Малые славянские языки (микроязыки): статус, проблемы нормы и функционирования», собравший огромную аудиторию, работал и на XIV съезде славистов в Охриде в 2008 г. (Славянское языкознание 2008: 54–208). Там же была сформирована Комиссия по славянским микроязыкам (Лингвокультурное пространство 2011).

В ряде стран исследователями написаны или готовятся диссертации, посвященные тем или иным микроязыкам. Эти языки представлены теперь в лекционных курсах некоторых европейских университетов – например, такой курс читается десятки лет в Тартуском университете для тех студентов и докторантов, специализирующихся по славистике; соответствующие курсы читались или читаются также в Уппсальском (Швеция), Геттингенском, Тюбингенском, Трирском, Дрезденском и в иных университетах Германии и ряда других стран. Есть сведения о микроязыках и в университетских учебниках. Данной проблематикой успешно занимаются и многие крупные слависты Белоруссии, Словакии, Сербии, Хорватии, Словении, Германии, Швеции, Австрии, Польши, Италии, Канады и других стран. Эту категорию языков стали включать в справочники и энциклопедии. В 2005 г. кафедра славянской филологии Тартуского университета и Королевская Шведская академия литературы, истории и древностей провели в Тарту международную конференцию под эгидой Международного комитета славистов на тему «Славянские литературные микроязыки и языковые контакты» (Славянские литературные микроязыки 2006).

Микроязыки характерны не только для Славии. В Романии роль самостоятельных микроязыков играют аромунский (македоно-румынский) в Греции, Болгарии, бывшей Югославии и Албании, меглено-

румынский в Греции и сильно славянизированный истро-румынский. Литературно-языковая практика имеется на сардинском и фриульском. В Швейцарии бытует близкий к итальянскому ретороманский, состоящий из сурсельвского, сутсельвского, сурмиранского, верхнеэнгадинского и нижнеэнгадинского, мюнстерского, – каждый со своим культурным центром. В германском мире известны фарерский, фризский, так называемый швейцарско-немецкий (лингвоним *Schwitterdütsch*) и т. д. В Европе в целом изменилось соотношение больших и малых языков, что также является немаловажным фактором для формирования, функционирования и перспектив развития литературных микроязыков.

Мы делим славянские литературные микроязыки на четыре группы на основе учета ареально-географического принципа в сочетании с этнолингвогенетическим и литературно-языковым. Вот как выглядит состав современных славянских микроязыков (со сведениями о территории распространения, начале письменности, системе письма и первых кодификациях, об отношении к микрофилологии):

1) Автономные

Верхнелужицкий: Германия (земля Саксония, ист. обл. Верхняя Лужица), г. Будышин (в.-луж. *Budyšin*, нем. *Bautzen*); письменность с XVI в. – латиница; кодификация с 1679 г.; развитая, поливалентная микрофилология.

Нижнелужицкий: Германия (земля Бранденбург, ист. обл. Нижняя Лужица), г. Коттбус (н.-луж. *Chóšebuz*, нем. *Cottbus*); письменность с XVI в. – латиница; кодификация с 1650 г.; слаборазвивающаяся микрофилология.

Кашубский: Польша (Гданьское воев., ист. обл. Поморье Гданьское и восточная часть Западного), Картузы, Гданьск (польск. *Kartuzy, Gdańsk*); письменность с 40-х гг. XIX в. / 1879 г. – латиница; кодификация с 1879–1919 гг.; активно развивающаяся микрофилология.

2) Островные

Югославо-русинский (южнорусинский): Сербия (автономная обл. Воеводина) и Хорватия, Руски Керестур (серб. Руски Крстур), Нови Сад / Загреб (хорв. *Zagreb*); письменность с XVIII в. – церковная и гражданская кириллица; кодификация с 1923 г.; развитая, поливалентная микрофилология.

Градищанско-хорватский: Австрия (земля Бургенланд), Эйзенштадт (град.-хорв. *Željezno*, нем. *Eisenstadt*); письменность с XVI в. – латиница; кодификация с 1919 г.; среднеразвивающаяся микрофилология.

Молизско-славянский: Италия (обл. Молизе, пров. Кампобассо, итал. *Molise, Campobasso*); письменность с XIX в. – латиница; кодификация с 1968 г.; слаборазвивающийся микроязык.

Резьянский: Италия (пров. Венеция-Джулия, итал. Venezia-Giulia, долина Резья); письменность с XVIII в. – латиница; кодификация с 1999–2005 гг. (частичная); среднеразвивающийся микроязык.

Банатско-болгарский: Румыния (ист. обл. Банат); в XIX в. центр – Винга (рум. Vinga); письменность с XIX в. – латиница; кодификация с 1866 г.; среднеразвивающаяся микрофилология.

3) Периферийно-островные

(Карпато)русинский: Украина (Закарпатская обл. – Подкарпатская Русь, Восточная Словакия – Пряшевская Русь; Польша, Венгрия (Румыния); письменность с XV в. – церковная и гражданская кириллица, спорадически также латиница; кодификация преимущественно с XX в.; активно развивающаяся микрофилология.

Эгейско-македонский: Греция (Эгейская Македония); письменность с XVIII–XIX вв. – кириллица, спорадически греческое письмо и латиница; кодификация с 1953 г.; слаборазвивающийся микроязык.

Помакский: Греция (номы Ксанти, Родопи, Эврос, ист. Западная Фракия), Комотины (?); письменность с XX в. – греческое письмо, латиница; кодификация с 90-х гг. XX в.; слаборазвивающийся микроязык.

Венецианско-словенский: Италия (обл. Фриули – Юлийская Краина, Терская и Недижская долины); письменность с конца XVIII в. – латиница; кодификация (?); слаборазвивающийся микроязык.

Буневский: Сербия и приграничные р-ны Венгрии, Суботица (серб.-хорв. Суботица / Subotica); письменность с XX–XXI вв. – латиница; кодификация (?); слаборазвивающийся микроязык.

4) Периферийные (региональные)

Чакавский: Хорватия (Адриатическое побережье и острова), г. Сплит, Риека (хорв. Split и Rijeka); письменность с XI–XII вв. – глаголица, с XV в. – латиница; кодификация с 1604 г.; односторонне развивающаяся микрофилология (в основном литературное творчество).

Кайкавский: Хорватия (северо-запад и средняя часть), Загреб, Вараждин (хорв. Zagreb и Varaždin (?)); письменность с XV–XVI вв. – латиница; кодификация с 1783 г.; односторонне развивающаяся микрофилология (в основном литературное творчество).

Прекмурско-словенский: Словения (обл. Прекмурье), г. Мурска Собота (словен. Murska Sobota); письменность с XVII в. – латиница; кодификация (?); слаборазвивающийся микроязык.

Ляшский: Чехия (Силезия), г. Фридек-Мистек (чеш. Frýdek-Místek); письменность с XX в. – латиница; кодификация (?); угасающий микроязык.

Востоchnословацкий: Восточная Словакия; письменность с XVIII в. – латиница; кодификация с 1875 г.; слабый, угасающий микроязык.

Западнополесский: Белоруссия, Минск (?), частично Украина; письменность с XIX–XX вв. – кириллица, спорадически латиница; кодификация (?); угасающий (?) микроязык.

Силезский: Польша, частично Чехия; письменность с XX в. – латиница; кодификация – учебная с 2010 г.; активно развивающийся микроязык.

Более половины микроязыков (13 из 20) идут по тому же пути, что и «большие» славянские литературные языки. Иными словами, это микрофилология с двумя сторонами – микроязыками и микролитературами. Таковых оказалось 8: верхнелужицкий и нижнелужицкий, кашубский, (южно)русинский, градищанско-хорватский, банатско-болгарский, карпаторусинский, силезский. Добавляются еще 5 микроязыков, у которых по-разному отражается наполняемость сфер использования: резьянский и буневский постепенно выравнивают обе стороны микрофилологий; современные чакавский и кайкавский прежде всего развивают свои литературы, хотя по ним появляются и работы лингвистического плана (в XIX в., до эпохи национального возрождения, оба эти микроязыка имели грамматики); что касается западнополесского, то этот микроязык в последние годы, в связи с переездом из Белоруссии в Россию его инициатора Н.Н. Шеляговича, стал постепенно сдавать свои позиции.

Литературно-языковой феномен под названием *Микрославия* переживает на рубеже XX–XXI вв. подъем (Дуличенко 2011: 315–434). Активизировалось функционирование не только литературных микроязыков с длительной письменной традицией, но и возникших недавно. Более того, мы являемся свидетелями появления ростков литературно-языковых образований, которым в будущем суждено стать литературными микроязыками. А это значит, что «природная» речь, на которой они основываются, сохранит свое существование. Это также означает, что усиливается связь с малой родиной и как-то удовлетворяется ностальгия нынешнего поколения по языку своих предков и т. д. Современная Славия еще располагает некоторыми потенциальными возможностями для возникновения новых ростков в виде литературных микроязыков, которые будут сосуществовать и функционировать в согласии и гармонии с литературными языками крупных славянских (и не только славянских) народов.

Действительно, на рубеже XX–XXI вв. наблюдаются процессы создания новых литературных микроязыков. Так, например, в Воеводине (Сербия) буквально на наших глазах рождается так называемый буневский литературный микроязык. Буневцы проживают в исторической области Бачка – Суботица, Сомбор, Чентавир, Баймок, Чонопля и др., а также – незначительно – в исторических областях

Баранья и Банат. Часть их поселений оказалась также в Венгрии. В бывшей Югославии их насчитывалось примерно 80 тыс. чел., в Сербии (по переписи 2002 г.) – 20 тыс. Вероятно, их предки были выходцами из Далмации. В Сербии буневцы квалифицируются как национальное меньшинство; иногда о них пишут как о народности, имевшей в качестве предков сербов-католиков. Тем не менее часть буневцев относит себя к хорватам, другая часть считает себя самостоятельным этносом. Как бы то ни было, но у них уже существуют Национальный совет буневского этнического меньшинства и даже «Буневская матица» («Bunjevačka Matica»). Одной из задач возрождения является создание буневского литературного языка. Вводятся уроки буневского в некоторых начальных школах. Издающийся «Буневский журнал (-ая газета)» («Bunjevačke novine») уже печатает тексты по-буневски. В эти же годы в Польше возникло и ныне активно развивается движение за создание силезского, а также гуральского (подгальского) литературных микроязыков. Несмотря на разобщенность инициаторов и обществ, участвующих в этом движении, уже появляются тексты, напечатанные по-силезски и по-гуральски. Так, издан в формате книги перевод на гуральский Евангелия, выходят некоторая периодика и другие издания, в том числе в электронном виде в Интернете. Такие эксперименты можно назвать литературными микроязыками *in statu nascendi*, т. е. «в состоянии рождения». Очевидно, еще предстоит большая работа по унификации как графики и орфографии, так и грамматики и словаря. Однако таково начало почти любого литературного языка. Будущее покажет, сформируется ли в Силезии литературно-языковой процесс по созданию указанных микроязыков и как он будет развиваться. Появляются и другие попытки оформить литературные языки небольших этнических и культурно-языковых групп.

Что касается Интернета как средства коммуникации и стимулирования микроязыков, то его роль в настоящее время неопределима. Прежде всего следует отметить, что большинство современных литературных микроязыков успешно используют Интернет: в некоторых случаях в основном через этот канал развивается идея литературного микроязыка. Так, например, серболужицкие, южнорусинский, градищанско-хорватский, кашубский, силезский и другие успешно используются во Всемирной паутине, т. е. с ними можно познакомиться и таким путем.

Развитие литературных микроязыков не проблемно, однако оно объективно. Литературные микроязыки – факт современной Славии и, шире, Европы. На социолингвистическом уровне феномен литературных микроязыков разнообразит и обогащает и Славию, и

Европу в целом. Не случайно в 1992 г. в Страсбурге была принята Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, согласно которой государства, в которых есть такие языки, обязуются проявлять заботу об их поддержании и развитии. Некоторые недоразумения в связи с этой категорией языков могут быть разрешены при понимании сказанного выше и при осознании того непреложного факта, что не существует и не может существовать запретов на свободу языкового выражения и свободу на языковое различие, тем более если для того имеются объективные предпосылки и возникает общественная необходимость.

Таким образом, есть все основания говорить о новой славистической дисциплине, названной в 2005 г. на Международной конференции в Тарту «Славянские литературные микроязыки и языковые контакты» **славянской микролингвистикой**. На XV MCC в Минске в 2013 г. уже был поставлен вопрос о формировании **славянской микрофилологии** как особой ветви славяноведения (Дуличенко 2013: 17–30).

ЛИТЕРАТУРА

Дуличенко 2011 - Дуличенко А.Д. Основы славянской филологии. Opole, 2011. Т. II: Лингвистическая проблематика. С. 315–434.

Дуличенко 2013 - Дуличенко А.Д. Феномен славянских микрофилологий в современном славяноведении // *Slavica Tartuensia X: Славистика в Эстонии и за ее пределами*. Tartu, 2013. С. 17–30.

Лингвокультурное пространство 2011 - Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков (*Slavica Tartuensia IX*). Tartu, 2011. 443 с.

Славянские литературные микроязыки 2006 - Славянские литературные микроязыки и языковые контакты: материалы междунар. конф., организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном комитете славистов (Тарту, 15–17 сентября 2005 г.). (*Slavica Tartuensia VII*). Tartu, 2006. 411 с.

Славянское языкознание 2008 - Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). (*Slavica Tartuensia VIII*). Tartu, 2008. 405 с.

REFERENCES

Dulichenko, A.D. (2011) *Osnovy slavyanskoy filologii* [Fundamentals of Slavic Philology]. Vol. 2. Linguistic issues]. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej. pp. 315–434.

Dulichenko, A.D. (2013) Fenomen slavyanskikh mikrofilologiy v sovremennom slavyanovedenii [The phenomenon of Slavic microphilology in modern Slavic studies]. In: Dulichenko, A.D. (ed.) *Slavica Tartuensia X: Slavistika v Estonii i za ee predelami* [Slavica Tartuensia X: Slavic Studies in Estonia and Abroad]. Tartu: University of Tartu Press. pp. 17–30.

Abisogomyan, A.D. (ed.) (2011) *Lingvokul'turnoe prostranstvo sovremennoy Evropy cherez prizmu malykh i bol'shikh yazykov* (Slavica Tartuensia IX) [Linguocultural space of modern Europe through the prism of small and large languages (Slavica Tartuensia IX)]. Tartu: University of Tartu Press.

Dulichenko, A.D. (ed.) (2006) *Slavyanskije literaturnye mikroyazyki i yazykovye kontakty* [Slavic Literary Micro Languages and Language Contacts]. Proc. of the International Conference. Tartu, September 15–17, 2005. Tartu: University of Tartu Press.

Dulichenko, A.D. (ed.) (2008) *Slavyanskoe yazykoznanie: pokidaya XX vek. K XIV Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov (Okhrid, 10–16.09.2008)* [Slavic Linguistics: Leaving the 20th century. For the 14th International Congress of Slavists (Ohrid, September 10–16, 2008)]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Дуличенко Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор отделения славянской филологии Тартуского университета (Эстония).

E-mail: aleksd@list.ru

Dulitcenko Alexandr - University of Tartu (Estonia).

E-mail: aleksd@list.ru

УДК 81'0+81'37+81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/5

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ ЗАВИСТЬ И РЕВНОСТЬ В ПОВЕСТИ Ю. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ» И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Е.Ю. Булыгина¹, Т.А. Трипольская², П. Ференц³

Новосибирский государственный педагогический университет

Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Выборная, 28

¹E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

²E-mail: tatianatripolskaya@gmail.com

³E-mail: pawelferenc2@gmail.com

Авторское резюме

Процессы языковой категоризации, связанные с обозначением концептов *зависть* и *ревность* в славянских и романо-германских языках, коррелируют друг с другом по целому ряду позиций: эмотивная семантика, являясь производной, формируется на основе лексики со значением интенсивных физических действий или лексики зрительного восприятия; логика развития семантики слова – от физической сферы к эмоциональной – оказывается универсальной для индоевропейских языков. Однако интерпретация таких эмоций, как зависть, ревность и ненависть, разными языками отражает собой различные смысловые конфигурации, демонстрирующие представления говорящих о каузальных связях между разными эмоциональными состояниями: для каждого чувства – специализированная эмотивная лексема в русском и английском языках, призванная дифференцировать смежные эмоции; напротив, в польском и французском языках эмоции ревности и зависти отражены одним словом (*jealousie, zazdrość*). В настоящей статье представлено исследование языковой презентации художественных концептов *зависть* и *ревность* в текстах оригинала и перевода повести Ю. Олеши «Зависть». Сложности переводческой деятельности заключаются в отсутствии в русском и польском языках полного лексического соответствия и полного параллелизма синтаксических конструкций для интерпретации эмоциональных состояний. Задачей переводчика было передать эмоциональные состояния в высокой степени их проявления и качественную характеристику

персонажей-завистников. Отказ автора от наречно-предикативных конструкций с семантикой 'невольность охватившего чувства' и предпочтение глагольных конструкций свидетельствуют, как нам кажется, о его намерениях исследовать эмоциональный мир завистника, несущего ответственность за чувства-отношения к окружающим. Эта авторская интенция находит адекватное воплощение в тексте перевода. Переводчик, следуя замыслу Ю. Олеши показать чувство в высокой степени проявления, предпочитает метафорические конструкции, актуализирующие компоненты 'интенсивность', 'опасность', 'всеохватность'.

Ключевые слова: художественная картина мира, языковая концептуализация эмоций, русский и польский языки, теория перевода.

THE CONCEPTS *ENVY* AND *JEALOUSY* IN YU. OLESHA'S NOVEL "ENVY" AND ITS TRANSLATION INTO INTO POLISH

E.Yu. Bulygina¹, T.A. Tripolskaya², P. Ferenc³

Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vybornaya Street, Novosibirsk, 630126, Russia

¹E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

²E-mail: tatianatripolskaya@gmail.com

³E-mail: pawelferenc2@gmail.com

Abstract

The processes of language categorisation associated with the designation of the concepts *envy* and *jealousy* in Slavic and Romance-Germanic languages are correlated with each other in a number of positions. Being derivative, emotive semantics is formed on the basis of the lexicon of intense physical action or visual perception. The logic of the development of the word semantics from the physical to the emotional sphere is universal for Indo-European languages. However, the language interpretation of such emotions as envy, jealousy and hatred represents different semantic configurations that demonstrate the speaker's perception of causal links between different emotional states. Russian and English have a special emotive word for each sense to distinguish the related emotions. On the contrary, in Polish and French jealousy and envy are represented by one word (*jealousie*, *zazdrość*). This article contains the analysis of

the linguistic presentation of the artistic concepts *envy* and *jealousy* in the original and translation of the novel "Envy" by Yu. Olesha. The translation was a challenge as there is no complete lexical correspondence and syntactical parallelism in Russian and Polish to express emotional states. The translator's task was to convey the emotional states and qualitative characteristics of envious characters with the help of lexical and grammatical language tools. The author preferred verbal constructions to predicative adverbial constructions with the semantics of 'involuntary feelings', which is indicative of his intentions to explore the emotional world of the envious character responsible for feelings and attitudes towards others. This intention has been adequately translated, as the translator prefers metaphorical structures with such components as 'intensity', 'danger' 'all-embracing', following Olesha's plan to show the highest degree of emotion.

Keywords: language picture of the world, linguistic conceptualisation of emotions, Russian and Polish, theory of translation.

Настоящая статья является продолжением работы, посвященной сопоставительному описанию концептов *зависть* и *ревность* в русском, польском, французском и английском языках (Булыгина, Трипольская 2015), и предполагает исследование языковых способов художественной интерпретации эмоциональных концептов в оригинале повести Ю. Олеши «Зависть» (Олеша 1999) и ее переводе на польский язык Адама Галиса (Olesza 1959). Мы исходим из того, что художественная картина мира анализируется на фоне национальной – это позволяет обнаружить специфические черты авторского мировидения.

Результаты сопоставительных исследований, касающиеся русского и чешского, русского и польского, русского и английского, французского, итальянского языков, позволяют сформировать общее представление о категоризации определенного фрагмента эмоциональной картины мира в близкородственных (славянских) и неблизкородственных (романских и германских) языках.

Вслед за предшественниками – психологами и лингвистами (Рубинштейн 1984; Стефанский 2008), мы исходим из представлений об изначально нерасчлененном (или слабо расчлененном) эмоциональном комплексе в эмотивной картине мира человека. Дальнейшее развитие эмоциональной сферы предполагает дифференциацию эмоций.

В европейских неславянских языках эти смежные эмоции представлены двумя номинациями – *jalousie / envie* (фр.), *jealousy / envy* (англ.), одна из которых сохраняет семантику зрения / видения (от лат. *invidia*), а вторая (*jalousie, gelosia, jealousy*) восходит к понятиям ревнения, стремления, старания и является полисемантом, совмещая во французском языке лексико-семантические варианты 'зависть' и 'ревность', как и лексема *zazdrość* в польском языке.

Отметим еще одну общую черту, характерную для концептуализации этих эмоций в разных языках: зависть – чувство, обычно скрываемое (*тайная зависть*, *głęboko skrywana zawiść* / глубоко скрываемая зависть), ревность же может быть как скрываемой (выказывается лишь раздражение, причем происходит подмена каузатора эмоции), так и предьявляемой (*сцены ревности* / *sceny zazdrości*).

Процессы языковой категоризации, связанные с обозначением концептов *зависть* и *ревность* в славянских и романо-германских языках, коррелируют друг с другом по целому ряду позиций: эмоциональная семантика, являясь производной, формируется на основе лексики со значением интенсивных физических действий или лексики зрительного восприятия; логика развития семантики слова – от физической сферы к эмоциональной – оказывается универсальной для индоевропейских языков.

Однако языковая интерпретация эмоций зависти, ревности и неизбежно сопутствующей ненависти отражает разные смысловые конфигурации, демонстрирующие представления говорящих о каузальных связях между разными эмоциональными состояниями: 1) для каждого чувства – специализированная эмотивная лексема в русском и английском языках, призванная дифференцировать смежные эмоции; 2) в польском и французском языках, напротив, эмоции ревности и зависти отражены одним словом (*jalousie* и *zazdrość*). Кроме того, связь с исторически родственным словом *ненависть* в современных языках оказывается в разной степени актуализированной, так же как и синкретичные отношения между завистью, скупостью и жадностью, характерные для русского языкового сознания XI–XVII вв.

Таким образом, этимологические данные позволяют увидеть вектор осмысления эмоциональной ситуации говорящих на разных языках. Этимологический анализ эмотивных концептов позволяет в дальнейшем вскрыть и объяснить образно-метафорическую составляющую концептов *зависть* и *ревность* в русском языке, *zawiść* и *zazdrość* – в польском языке, *envie* и *jalousie* – во французском и *envy* и *jealousy* – в английском.

Обратимся к материалам польских толковых словарей. Словарь В. Дорошевского, включающий языковые факты со второй половины XVIII до 60-х гг. XX в., может быть полезен в анализе взаимосвязи таких эмоций, как ненависть, зависть и ревность. Ср. толкование слова **zawiść** и его дериватов: *zawiść* «uczucie silnej niechęci do osoby, której się czegoś zazdrości» – «чувство сильной неприязни к человеку, к которому испытывают ревность»; *zawidzieć* (в современном языке не употребляется): а) «czuć do kogo zawiść, zazdrościć komu» – «чув-

ствовать зависть, ревность к кому-либо» <...>; б) «nienawidzić kogo, czego» (Słownik języka polskiego 1958–1969).

В польской эмотивной картине мира недифференцированно отражен эмоциональный комплекс *зависть* + *ревность*, представленный лексемой *zazdrość*, и **сильное** чувство зависти, обозначаемое как *zawiść* (Стефанский 2008). Кроме того, как видим, *zawiść* обозначает всегда сильное чувство, связанное с желанием навредить обладателю того, чего не имеет субъект эмоции; *zazdrość* же обозначает чувство, не всегда связанное с ненавистью и стремлением навредить (ср. *белая и черная зависть*). Таким образом, актуальным для говорящих оказывается зафиксировать каузальную связь между эмоциями зависти и ревности и сформировать представление об эмоциях, проявляемых с разной степенью интенсивности. Польское слово *zawiść* и в современном языке связано с эмоцией ненависти и вражды. В польских словарях присутствует такой признак, как ‘желание отомстить’.

В тексте-оригинале Ю. Олеши (Олеша 1999) слово *зависть* и однокоренные с ним слова повторяются 20 раз, из них *зависть* и его словоформы использованы 13 раз (автор исследует природу зависти), *завидовать* – 6 раз, *завистник* – 1 раз, *завидно* – 1 раз. Известно, что неоднократное употребление слова в тексте часто приводит к приращению смысла. В таких случаях следует обратить внимание на «те новые смысловые и коннотативные компоненты, которыми оно “обрастает” по мере своего употребления» (Купина 1983: 91).

Лексема *зависть* используется в качестве заглавия произведения, являющегося «важной частью начального стимула, который, как учат психологи, определяет ход и исход всякой человеческой деятельности» (Арнольд 1999: 225). Заглавное слово актуализирует связь всех своих значений и относящихся к ним коннотаций, оно вызывает многочисленные ассоциации, образуя в тексте семантические комплексы из однокоренных и близких по значению слов и таким образом формируя ассоциативно-смысловое поле текста. Ключевое слово *зависть* является репрезентантом базового концепта произведения. Что касается концепта *ревность*, то слово, номинирующее данный концепт, встречается в тексте значительно реже (8 словоупотреблений) по сравнению со словом *зависть* и другими лексемами, обозначающими эмоции.

Определим, какие смыслы концепта актуализированы в произведении Ю. Олеши.

Ю.Д. Апресян, вслед за современными психологами (например, К. Изард), выделяет следующие пять фаз развития эмоций, представленных в языке. По сути, это каркас ментального сценария эмоции:

1) первопричины эмоции – обычно физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей;

2) непосредственная причина эмоции – как правило, интеллектуальная оценка этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного;

3) собственно эмоция, или состояние души;

4) желание продлить или пресечь существующие причины, которые вызывают эмоцию;

5) внешнее проявление эмоции:

а) неконтролируемые физиологические реакции тела;

б) контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию (Апресян 1995: 49).

Зависть относится к сложным (вторичным) эмоциям, которые опираются на предварительную интеллектуальную обработку информации о внеязыковой ситуации: человек делает вывод о том, что некто обладает какими-либо ценностями, которых у него нет, но которые он хотел бы иметь. Такое положение дел вызывает чувство зависти. Это сценарий сложной вторичной эмоции, опирающийся на оценочную интерпретацию события субъектом (возможен и другой эмоциональный сценарий, например чувства отвращения, когда ментальная составляющая оказывается существенно ниже).

В настоящей статье сосредоточимся на исследовании языковой презентации концептов *зависть* и *ревность* в текстах оригинала и перевода повести Ю. Олеши «Зависть».

Как показывает представленный выше сценарий проживания эмоции, зависть не возникает сама по себе. Человек начинает завидовать лишь в определенных условиях, осознавая невозможность достижения лучшего / желаемого. В тексте реализованы два параллельных эмоциональных сценария двух главных героев, вполне соотносимых с моделями реализации эмоций, которые предложены психологами и подтверждены лингвистами. Эти сценарии в художественном тексте включают:

– сравнение себя с объектом зависти по разным основаниям (черты характера, внутренние качества, внешность, умственные способности, сила, положение в обществе, благосостояние, известность). При этом отрицательно оцениваются внешность и внутренний мир объекта зависти (Ивана Бабичева), в то время как квартира и прочие материальные блага оцениваются героем положительно. Николай Кавалеров считает, что объект его зависти не заслуживает тех благ, которыми он обладает, отсюда и чувство зависти, провоцирующее ненависть и желание нанести вред;

– переживание унижения по этому поводу: Кавалеров намеренно принижает себя, не считая способным достичь тех же успехов, которые есть у Бабичева; чтобы компенсировать отсутствие того, чему герой завидует, он пытается вызвать жалость окружающих;

– проявление неприязни, ненависти, вражды к тому, кто превосходит в чем-либо Кавалерова (он открыто говорит, что ненавидит Бабичева и объявляет ему войну);

– желание причинения вреда: Кавалеров не стремится к достижению того успеха и известности, которые есть у Бабичева, он пытается отыскать его слабую сторону, чтобы впоследствии отомстить ему;

– стремление скрыть чувство зависти: герой никогда не называет себя завистником, не определяет свои чувства как зависть и ревность, о зависти говорит всеведущий автор; при описании своих переживаний герой актуализирует эмоции злобы, обиды, страха, вражды, негодования, которые обычно сопровождают чувство зависти; переживания героя, как правило, интенсивны.

Итак, можем заключить, что Николай Кавалеров является истинным завистником: в его речевом поведении и психологическом состоянии постоянно проявляется множество компонентов, присущих сценарию зависти.

Переживание чувства зависти в произведении Ю. Олеши свойственно не только Николаю Кавалерову, но и Ивану Бабичеву. Его зависть складывается из следующих смысловых компонентов:

– социальное сравнение с объектом зависти – девочкой, признанию и славе которой завидует герой. Критериями сравнения становятся творческие способности (умение петь, танцевать, придумывать игры). Отметим, что эпизод проживания эмоции отнесен в прошлое, к детству героя;

– неприязнь и ненависть к тому, кто превосходит субъекта состояния. Иван признается в том, что ненавидит девочку;

– причинение вреда и лишение предмета зависти его превосходства. Иван поймал ее в коридоре и поколотил, лишив девочку кудрей, атласных лент, блеска, т. е. всего того, что вызывало восхищение у окружающих и тем самым провоцировало зависть героя.

Взрослый герой иначе переживает чувство зависти, в котором уже нет конкретного объекта, отсутствует чувство ненависти и желание нанесения вреда. Зависть здесь модифицируется в чувство восхищения и «обязательного энтузиазма»: ***Мы завидуем** грядущей эпохе. Если хотите, тут **зависть** старости. Тут **зависть** впервые состарившегося человеческого поколения.*

Концепт *ревность* представлен в тексте как самостоятельный и как сопутствующий *зависти*, хотя слово-номинант концепта *ревность* и

его словообразовательные дериваты намного реже употребляются в тексте. В произведении представлены следующие составляющие концепта *ревность*:

- ситуация соперничества (соперником Николая Кавалерова является Володя Макаров. Они борются за «место на диване» в доме Андрея Бабичева, за его внимание);

- ситуация любовного треугольника в финале, участниками которого являются Николай Кавалеров, Иван Бабичев, вдова Прокопович.

Оба эти чувства – ревность и зависть, по мнению Мелани Кляйн, почти всегда присутствуют в ситуации соперничества, явного или скрытого. В польском переводе эту связь демонстрирует полисемант **zazdrość**. Ревность в большей мере «озабочена той любовью, которую субъект чувствует своей, но которую отбирает, или опасается, что отберет соперник или соперница» (Кляйн 1997: 19). П. Куттер разграничивает эти эмоции следующим образом: «Ревность непременно вовлекает в свою орбиту трех участников, первый из которых – ревнующий, второй – тот, кого ревнуют, и третий – тот, к кому ревнуют. Зависть же предполагает наличие двух индивидов, один из которых завидует другому (Куттер 1998: 70–71). При чувстве зависти у субъекта присутствует желание завладеть тем, что принадлежит другому, в то время как при ревности – желание сохранить за собой право обладания тем, кого можно потерять. Таким образом, основным различием зависти и ревности является вектор желания (Воркачев 1998: 42).

В художественном тексте персонажами переживаются гиперболизированные, доведенные до абсурда эмоциональные состояния, вызывающие иронию и сарказм.

Концепты *zawiść* и *zazdrość* в тексте перевода

Представив языковую реперзентацию концептов *зависть* и *ревность* в тексте оригинала произведения Ю. Олеши «Зависть», обратимся к его переводу на польский язык, выполненному Адамом Галисом (Olesza 1959). Предпочтение ключевого слова *zawiść* в качестве заглавия обусловлено, как кажется, компонентами 'интенсивность', 'ненависть', 'стремление причинить вред' в его семантике.

Выбор данных лексем в качестве предмета исследования мотивирован их несовпадающим интерпретационным потенциалом. В первую очередь это связано с проблемой межкультурных несовпадений, которые в целом широко представлены в области эмотивной лексики: «эквивалентные» слова могут быть различны по объему семантики, возможным коннотациям и особенностям функционирования.

Обратимся к переводу лексем *зависть* и *ревность* в художественном тексте Ю. Олеши. Напомним, что «переводчику важно сопоставление не отдельных грамматических форм или синтаксических конструкций, а структурно-семантических “узлов”, составляющих единое “понятийное поле”» (Рецкер 1974: 7).

Попытаемся выявить специфику перевода в области интерпретации эмоциональных состояний.

Первое – это, конечно, отсутствие полного лексического соответствия (наличие лексемы, которая одновременно обозначает ревность и зависть в польском языке и позволяет представлять разные эмотивные ситуации недифференцированно), которое ставит перед переводчиком непростую задачу.

Другая трудность связана с отсутствием полного параллелизма синтаксических конструкций для интерпретации эмоциональных состояний.

По замечанию С.Н. Цейтлин, современный русский синтаксис располагает широкими возможностями для передачи психического состояния субъекта. Существующие в речи конкретные предложения, передающие данные значения, могут быть сведены к ряду основных моделей (типов): глагольная, наречно-предикативная, субстантивная, адъективная, причастная, предложно-падежная и метафорическая (Цейтлин 1976: 161).

Применительно к исследуемой сфере эмоциональных состояний (ревность и зависть) отметим, что в русском и польском языках существуют не все перечисленные модели: это устанавливается в процессе «внутреннего» (способы выражения разных состояний в русском языке) и «внешнего» сопоставления с польским языком. Общим для двух языков является наличие глагольной модели: *я завидую / ревную* – *zazdroszczę*; адъективной: *я завистлив / ревнив* – *jestem zawistny / jestem zazdrosny*; метафорической: *меня гложет, берет зависть / меня мучает ревность* – *ogarnia (охватывает) mnie zawiść / zżera mnie zazdrość*.

Наиболее характерной конструкцией для русского языка является наречно-предикативная модель (хотя, как отмечает С.Н. Цейтлин, наиболее частотна глагольная конструкция): *мне завидно*, но нет подобной конструкции от слова *ревновать*. В польском языке слов категории состояния совсем немного (например, *mnie smutno* и некоторые другие), предикативно-наречной конструкции применительно к эмоциям *ревность* и *зависть* нет. В связи с этим предпочтение отдается глагольной модели (Rudomina, Maela 2008: 79), причем задействован только один глагол ***zazdrościć***.

В тексте Ю. Олеши наблюдается парадоксальная ситуация: наречно-предикативная модель, предназначенная для передачи психиче-

ского состояния как безотчетного и произвольного (*мне завидно*) и ожидаемая в данном контексте, употребляется лишь один раз. Ср.: «*Слушайте, хозяйки, ждите! Мы обещаем вам: кафельный пол будет залит солнцем, будут гореть медные чаны, лилейной чистоты будут тарелки, молоко будет тяжелое, как ртуть, и такое поплывет благоухание от супа, что **станет завидно цветам на столах***». В польском переводе *kwiaty na stołach będą zazdrościć* на месте слова категории состояния появляется глагол *zazdrościć* (от слова *zawiść* нет глагольной формы, поэтому в случае необходимости используется глагол, однокоренной с *zazdrość*). Слово категории состояния, обычно передающее эмоцию, в которой субъект выражен дательным падежом, «уведен в тень», инактивен, интерпретирует в оригинале чувство зависти, не имеющее отношения к человеку, чувство, как бы делегированное неживой природе.

Возможно, автор намеренно в тексте о зависти избегает специализированной наречно-предикативной конструкции для выражения состояния: ему важнее предъявить субъекта переживания, который *испытывает зависть и ревность, чувствует зависть, завидует*, а также обозначить саму эмоцию, обычно скрываемую под маской других переживаний. Польский перевод вполне адекватно отражает эту авторскую интенцию. Невозможность / трудность побороть эмоцию передается с помощью метафорических средств языка.

Таким образом, в произведении Ю. Олеши «Зависть» доминируют синтаксические модели со значением чувства ревности и зависти: глагольная, адъективная и метафорическая.

Адъективные предложения специализируются в языке на выражении качеств, но, по замечанию В.Г. Гака, «качество, ограниченное во времени, переходит в другую семантическую категорию – состояние» (Гак 1970: 785).

Рассмотрим возможности соотнесения разных грамматических конструкций в оригинале и переводе:

Она (Офелия) влюбляется, **ревнует**, плачет, видит сны – *zakochuje się, **jest zazdrośna**, płacze, ma sny*. В данном случае в оригинале представлена глагольная модель в полипредикативной моносубъектной конструкции с глаголами несовершенного вида со значением вневременного действия (свойства) субъекта.

Адъективная модель реализована в тексте следующим образом: Он завидует всем, что касается жранья. Он жаден и **ревнив** – *On zazdusza wszystkim, co dotyczy żarcia. Jest chciwy i **zazdrośny***.

Обратим внимание на формы прилагательных в переводе.

В тексте оригинала в адъективной модели употреблена краткая форма прилагательного. Между краткими и полными формами имен

прилагательных есть тонкие смысловые отличия, которые далеко не всегда укладываются в противопоставление временного и постоянного качества (*она весела* и *она веселая*): в краткой форме имени прилагательного значение качества модифицируется в семантику качественного состояния, в то время как в полной форме заложено значение качества. Однако в паре *он ревнив* и *он ревнивый* обозначается качество, которое присуще человеку постоянно: нельзя быть ревнивым сейчас или потом (ср.: *она вчера была весела*). Мы подобного противопоставления не находим: в обоих случаях актуализируется наличие постоянного свойства.

В современном польском языке далеко не все прилагательные образуют краткую форму, отсутствуют краткие прилагательные и от *zazdrosny, zawistny* / 'ревнивый' и 'завистливый', в связи с чем в переводе используется полная форма и реализуется семантика постоянного качества. В тех случаях, когда краткая форма прилагательного имеется, в женском роде в именительном падеже и единственном числе она совпадает с полной (Klemensiewicz, Lehr-Spławiński, Urbańczyk 1964: 324–329). Если говорить о тексте в целом, то для переводчика семантика постоянного качества весьма существенна для характеристики завистника.

Вторая трудность перевода связана с образными представлениями эмоций в двух языках, хотя в этих представлениях немало общих характеристик в русском и польском.

Интерес представляет перевод метафорических моделей. С.Н. Цейтлин называет метафорический способ изображения ситуации метафорической моделью, так как отличие данной модели от всех остальных не подлежит сомнению: трудно указать четкие структурные характеристики данной модели, строение предложения зависит в каждом случае от того, как фигурально представлено состояние. Степень лексической связанности метафорической модели очень велика (Цейтлин 1976: 172).

Кроме сценарной составляющей, в тексте, как и в национальной картине мира, репрезентированы образно-метафорические составляющие концептов *зависть* и *ревность*: они представлены как густая, интенсивная, органическая субстанция, жидкость (*Вы **сгусток зависти** погибающей эпохи. Погибающая эпоха **завидует** тому, что идет ей на смену – **Jesteście *skrzepem zawiści* ginącej epoki. Ginęca epoka *zazdrości* temu, co nadchodzi, by ją zastąpić***); как дикий зверь, терзающий человека; как тяжкое бремя; тяжелая болезнь, оказывающая разрушающее воздействие на личность завистника / ревнивца. Зависть, как и многие другие чувства, достигшие вселенского масштаба, как будто поглощает самих героев.

Переводческие трансформации в данных моделях могут осуществляться как на лексическом, так и на грамматическом уровне. При грамматической замене единица оригинала преобразуется в единицу перевода с другим грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа, что ведет к замене одной модели на другую, в нашем случае – метафорической на неметафорическую (например, глагольную).

В тексте перевода мы можем наблюдать следующую лексико-грамматическую трансформацию: *Zawistą взяла к машине – Czuję zawiść do maszyny* (я чувствую зависть к машине). В данном случае происходит смещение грамматического субъекта: вместо чувства зависти им становится персонаж (Кавалеров). В переводе происходит разрушение метафорической модели: 'чувствую зависть к машине'. В этом примере представлена глагольная модель с модификацией расщепления, т.е. основная лексема – слово, выражающее состояние, расщепляется на две, в предложение вводится особое слово вспомогательного характера *чувствую*; при этом количество синтаксических компонентов не увеличивается, лишь один из них, компонент со значением состояния, получает расчлененное выражение (ср.: *я завижую – я чувствую зависть*). По замечанию С.Н. Цейтлин, аналитические варианты глагольных предложений получили широкое распространение в художественной литературе и переводоведении. Употребление аналитического варианта часто помогает преодолеть лексическую связанность модели (Цейтлин 1976: 174).

Изменения грамматической структуры рассматриваемой модели влекут за собой изменения и на лексическом уровне. Так, при разрушении метафорической модели исчезает ее метафорическое наполнение: в тексте оригинала представлена антропоморфная метафора – зависть является активным субъектом, способным совершать действие, характерное для человека. Человек, в свою очередь (в данном случае Володя Макаров), является пассивным субъектом, подвластным зависти. В переводе же метафорическое наполнение отсутствует, активным субъектом является герой. При данной трансформации происходит также изменение временного плана: прошедшее время меняется на настоящее, что подчеркивает активность переживающего чувство. Зависть уже не интерпретируется как живое существо, способное совершать действие и полностью подчинять себе человека.

Следует отметить, что как в русском, так и в польском языке присутствует похожий вариант метафорической модели: *zawistą берет / bierze mnie zawiść* (в польском корпусе найден всего 21 пример с глаголом *wziąć* и 1 пример с глаголом *brać*). Однако чаще используется

другой глагол: *ogarnia go gniew / zawiść / zazdrość* (Его охватывает гнев, зависть).

Таким образом, переводчик пожертвовал компонентом *невольность / неконтролируемость эмоционального состояния*, предпочтя глагольную расщепленную конструкцию.

В остальных примерах употребления метафорической модели, которая встречается в тексте, изменения в переводе затрагивают только лексический уровень. Во всех случаях позицию активного субъекта занимают номинации эмоций *зависть* и *ревность*.

Для выявления расхождений в интерпретации эмоционального состояния субъекта в оригинале и переводе обратимся к примерам.

Образ дикого зверя. Это вполне соответствующая национальным картинам мира метафора зависти и ревности: *звериная, дикая, свирепая ревность* (словарь эпитетов); *зависть / ревность душит, терзает; зависть: гложет, съедает, дикая; ревность: злая змея, звериная* (РАС 2002).

Ср.: Иван Бабичев говорит Кавалерову: *Нас гложет зависть. Мы завидуем грядущей эпохе. Если хотите, тут зависть старости. Тут зависть впервые состарившегося человеческого поколения. Поговорим о зависти – Nas zżera zawiść. Zazdrościmy nadchodzącej epoce. Jeśli wolicie, jest to zawiść starości. To zawiść pokolenia ludzkości, które zestarzało się po raz pierwszy. Pomówmy o zawiści <...>.*

Отметим глагол *zazdrościmy*, который появляется в случаях, когда переводчику нужна глагольная конструкция.

Глагол *гложет* имеет значение *‘грызть, объедая, обкусывая мякоть зубами’* (Ожегов 1990: 152), *грызть*, в свою очередь, трактуется как *‘раскусывать зубами что-нибудь твердое’*. Глагол *zżerać*, использованный переводчиком, трактуется как *‘есть жадно, в большом количестве’ – zjeść coś łączywie, w dużej ilości* (Słownik języka polskiego 1978–1981: 220). Как видим, семантика интенсивности присутствует в оригинале и переводе, но имеет разную мотивацию: в русском тексте актуализируется продолжительность действия / процесса, требующего усилий, в польском семантика интенсивности выражается в количестве съедаемой пищи и способе поглощения (*жадно*).

Эквивалентом глагола *глотать* в польском языке является глагол *gryźć* со значением *‘грызть, обгрызать что-нибудь твердое’* (Słownik języka polskiego 1978–1981: 220), у этого же глагола есть значение *‘укусить’* (комариный укус, то есть укус неопасный, незначительный). Переводчик предпочитает глагол *zżerać*, в значении которого присутствуют компоненты *‘жадно’* и *‘целиком’*, что указывает на более интенсивное действие и согласованность с лексемой *зависть*, обозначающей опасную эмоцию, которая уничтожает жадного и завистливого

человека. Смена глагола меняет и зоообраз: из зверя, который мучает человека (ср.: *тоска гложет*), он превращается в грозного хищника, целиком пожирающего жертву. Происходит приращение семантики интенсивности и незащитности человека перед чувством зависти.

Такая метафорическая интерпретация характерна и для чувства ревности. Ср.: *Гонениям подвергается коммунист, ужаленный змеей ревности* – *Prześladowany jest komunista ukąszony przez zmię zazdrości* (укушенный *гадюкой* ревности).

В данных примерах реализуется зооморфная метафора. В переводе сохраняется представление о ревности как о диком животном, причиняющем вред человеку, но наблюдаются некоторые семантические различия: в тексте Ю. Олеши ревность предстает в образе змеи, в переводе подчеркивается ее ядовитый характер, ревность называется *гадюкой* (змея, в отличие от гадюки, не всегда ядовита), что усиливает представление о ней как о разрушающей силе, которая оказывает деструктивное воздействие на личность, испытывающую данное чувство.

Образ болезни. В современных русских и польских дискурсах имеются контексты, актуализирующие образ сильной эмоции как болезни: *Мама, ваш сын прекрасно болен <...>; приступ гнева, лихорадочная страсть, муки ревности, давящая ревность, жгучая ревность, мучительная, слепая* и др.

В повести зависть трактуется как болезнь, спазм, перехватывающий дыхание, как мучительная изжога:

Позор упал на меня... Так впервые я познал зависть. Ужасная изжога зависти. Как тяжело завидовать! Зависть сдавливают горло спазмом, выдавливают глаза из орбит – *Hańba spadła na mnie. <...>. W ten sposób poznałem zawiść po raz pierwszy. Potworna zgaga zawiści. Jak ciężko jest zazdrościć. Zawiść jak spazm dławi gardło, wypycha oczy z orbit.*

Общим для двух текстов является реализация метафоры болезни, однако имеются и семантические нюансы. Соответствием глагола *сдавливает* в польском языке является глагол *ściskać*, но переводчик употребил глагол *душит* – *dławi*, в то время как в польском оба глагола равноправны по отношению к эмоциям в метафорических моделях: ср.: *strach sciska mi gardło, strach dławi mi gardło* (страх сдавливает горло, страх душит горло). Глагол *dławi* имеет значение 'вызывать остановку дыхания, душить' (что приводит к смерти).

В переводе *зависть* в образе болезни имеет более тяжелый характер, увеличивается интенсивность воздействия чувства на его носителя.

Таким образом, в версии переводчика наблюдаются способы интерпретации эмоциональных состояний зависти и ревности, которые,

как нам кажется, можно рассматривать как пример смысловой и прагматической эквивалентности.

Эмотивные концепты реализуются в виде образа и сценария (скрипта), которые, безусловно, связаны друг с другом. Задачей переводчика было передать эмоциональные состояния и качественную характеристику персонажей-завистников с помощью лексических и грамматических средств языка. Отказ автора от наречно-предикативных конструкций с семантикой 'невольность охватившего чувства' и предпочтение глагольных конструкций свидетельствуют о его намерениях исследовать эмоциональный мир завистника, несущего ответственность за чувства-отношения к окружающим. Эта авторская интенция находит адекватное воплощение в тексте перевода. Кроме того, переводчик, следуя замыслу Ю. Олеши показать чувство в высокой степени проявления, предпочитает метафорические конструкции, актуализирующие и усиливающие компоненты 'интенсивность', 'опасность', 'всеохватность'.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995 - *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры». Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 1995. 767 с.

Арнольд 1999 - *Арнольд И.В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 223–238.

Булыгина, Трипольская 2015 - *Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.* Динамические процессы в содержании эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в славянских и романо-германских языках // Русин. 2015. № 3 (41). С. 191–209. DOI: 10.17223/18572685/41/14

Воркачёв 1998 - *Воркачёв С.Г.* Зависть и ревность: к семантическому представлению моральных чувств в естественном языке // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57, № 3. С. 39–45.

Гак 1970 - *Гак В.Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. URL: <http://www.twirpx.com/file/1877011> (дата обращения: 05.05.2017).

Кляйн 1997 - *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / Пер. с англ. А. Ускова. СПб.: Б.С.К., 1997. 100 с.

Куттер 1998 - *Куттер П.* Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей / Пер. с нем. С.С. Папкина. СПб.: Б.С.К., 1998. 120 с.

Купина 1983 - *Купина Н.А.* Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. Красноярск: Краснояр. ун-т, 1983. 160 с.

- Ожегов 1990 - *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.
- Олеша 1999 - *Олеша Ю.К.* Зависть. М.: Вагриус, 1999. 413 с.
- РАС 2002 - Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 1: От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. 784 с.
- Рецкер 1974 - *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1974. 216 с.
- Рубинштейн 1984 - *Рубинштейн С.Л.* Эмоции // Психология эмоций. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 152–161.
- Стефанский 2008 - *Стефанский Е.Е.* Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. 302 с.
- Цейтлин 1976 - *Цейтлин С.Н.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 161–181.
- Olesza 1959 - *Olesza Ju.* Zawieść, przeł. Adam Galis. Warszawa: Państwowe Instytut Wydawniczy, 1959. 196 s.
- Klemensiewicz, Lehr-Spławiński, Urbańczyk 1964 - *Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S.* Gramatyka historycznej języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe (PWN), 1964. Wyd. 2. 596 s.
- Rudomina, Mamela 2008 - *Rudomina Ju., Mamela M.* Gramatyka języka polskiego. Warszawa: Literat, 2008. 96 s.
- Словник języка polskiego 1958–1969 - Словник języка polskiego / red. W. Doroszewski. T. I–XI publikowano w latach 1958–1969. URL: <http://sjp.pwn.pl/szukaj/zawi%C5%9B%C4%87.html> (дата обращения: 05.05.2017).
- Словник języка polskiego 1978-1981 - Словник języка polskiego / red. M. Szymczak. Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1981. T. 1–3.

REFERENCES

- Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Arnold, I.V. (1999) Znaczenie sil'noy pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo teksta [The importance of a strong position for interpreting an artistic text]. In: Bukharkin, P.E. (ed.) *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'. Intertext* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 223–238.
- Bulygina, E.Yu. & Tripolskaya, T.A. (2015) Dynamic processes in the content of

emotional concepts of envy and jealousy in Slavic and Romance-Germanic languages. *Rusin*. 3 (41). pp. 191–209. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/14

Vorkachev, S.G. (1998) *Zavist' i revnost': k semanticheskomu predstavleniyu moral'nykh chuvstv v estestvennom yazyke* [Envy and jealousy: to the semantic representation of moral senses in the natural language]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*. 57 (3). pp. 39–45.

Gak, V.G. (1970) *Problemy leksiko-grammaticheskoy organizatsii predlozheniya (na materiale frantsuzskogo yazyka v sopostavlenii s russkim)* [The problems of the lexico-grammatical organisation of the sentence (on the basis of French compared with Russian)]. Philology Dr. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://www.twirpx.com/file/1877011> (Accessed: 5th May 2017).

Klein, M. (19975) *Zavist' i blagodarnost'. Issledovanie bessoznatel'nykh istochnikov* [Envy and Gratitude. A Study of Unconscious Sources]. Translated from English by A.Uskov. St. Petersburg: B.S.K.

Kutter, P. (1998) *Lyubov', nenavist', zavist', revnost'. Psikhoanaliz strastey* [Love, Hatred, Envy, Jealousy. Psychoanalysis of Passions]. Translated from German by S.S. Papkov. St. Petersburg: B.S.K.

Kupina, N.A. (1983) *Smysl khudozhestvennogo teksta i aspekty lingvo-smyslovo-go analiza* [The Meaning of the Fiction and Aspects of Linguistic and Semantic analysis]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

Olesha, Y.K. (1999) *Zavist'* [Envy]. Moscow: Vagrius.

Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Yu.A. & Tarasov. E.F. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [The Russian Associative Dictionary in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Astrel': AST.

Retsker, Ya.I. (1974) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevod* [Theory of Translation and Translation Practice: Essays on the Linguistic Theory of Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Rubinstein, S.L. (1984) *Emotsii* [Emotions]. In: Vilyunas, V.K. & Gippenreiter, Yu.B. (eds) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. Moscow: Moscow State University. pp. 152–161.

Stefansky, E.E. (2008) *Emotsional'nye kontsepty kak fragment mifologicheskoy i sovremennoyazykovykh kartin mira (na materiale kontseptov, oboznachayushchikh negativnye emotsii v russkoy, pol'skoy i cheshskoy lingvokul'turakh)* [Emotional concepts as a fragment of mythological and contemporary language pictures of the world (based on the concepts denoting negative emotions in Russian, Polish and Czech language cultures)]. Samara: Samara Academy for the Humanities.

Tseytlin, S.N. (1976) *Sintaksicheskie modeli so znacheniem psikhicheskogo sostoyaniya i ikh sinonimika* [Syntactic models with the meaning of the mental state and their synonymy]. In: Zolotova, G. A. (ed.) *Sintaksis i stilistika* [Syntax

and Stylistics]. Moscow: Nauka. pp.161–181.

Olesza, J. (1959) *Zawiść* [Envy]. Translated into Polish by A. Galis. Warsaw: Państwowe Instytut Wydawniczy.

Klemensiewicz, Z., Lehr-Splawiński, T. & Urbańczyk, S. (1964) *Gramatyka historycznej języka polskiego* [Historical Grammar of the Polish Language]. 2nd ed. Warsaw: PWN.

Rudomina, Ju. & Mamęta, M. (2008) *Gramatyka języka polskiego* [Grammar of the Polish Language]. Warsaw: Literat.

Doroshevsky, V. (ed.) (1958–1969) *Słownik języka polskiego* [The Dictionary of the Polish Language]. [Online] Available from: <http://sjp.pwn.pl/szukaj/zawi%C5%9B%C4%87.html> (Accessed: 5th May 2017).

Szymczak, M. (ed.) (1978–1981) *Słownik języka polskiego* [The Dictionary of the Polish Language]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Bulygina Elena - Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Tripolskaya Tatiana - Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: tatianatripolskaya@gmail.com

Ференц Павел – преподаватель кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Ferenc Pavel - Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: pawelferenc2@gmail.com

УДК 81

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/6

К ПРОБЛЕМАМ АКЦЕНТОЛОГІЇ В РУСИНЬСЬКІМ НОРМАТИВНІМ ЯЗЫКУ НА СЛОВАКІЇ

К. Копорова

Пряшівська універзіта у Пряшові - Інштітут русиньского языка і културы
ул. 17. новембра, 15, Пряшів, 08005, Словенско
E-mail: kkorov@gmail.com

Резюме

За основу кодифікації русиньского нормативного языка на Словакії была выбрана група діалектів, в котрых ся заховав вольный і погыбливый акцент. Про дакотрых вживателів нормативной подобы русиньского языка є такий акцент неприродный, бо під впливом западного языкового ареалу (передовшыткым польского языка) мають западны русиньскы діалекты призвук сталый, фіксований на передпоследнім складі у слові (на пенултімі). В статі сьме попробовали вытворити дакілько правил, котры бы помогли вживателям русиньского языка на Словакії у правилній акцентації.

Ключовы слова: русиньскый язык на Словакії, вольный і погыбливый акцент, фіксований акцент.

К ПРОБЛЕМАМ АКЦЕНТОЛОГИИ В РУСИНСКОМ НОРМАТИВНОМ ЯЗЫКЕ В СЛОВАКИИ

К. Копорова

Пряшевский университет в Пряшеве –
Институт русинского языка и культуры
Словакия, 08005, Пряшев, ул. 17 ноября, 15
E-mail: kkorov@gmail.com

Авторское резюме

В качестве основы для кодифицированной формы языка русинов в Словакии была принята группа диалектов, в которых сохраняется свободное и перемещенное ударение. Для некоторых пользователей нормативной формы русинского языка кодифицированная акцентуация является проблемной, поскольку в западной части русинского диалектного ареала под влиянием западных славянских языков (прежде всего польского) имеется постоянное ударение, закрепленное на предпоследнем слоге. Предпринята попытка определить некоторые правила, которые помогут носителям русинского языка в Словакии в выборе правильных акцентных форм.

Ключевые слова: кодифицированная форма языка русинов в Словакии, свободное и перемещенное ударение, постоянное ударение.

ON SOME ISSUES OF STRESS PLACEMENT IN STANDARD RUSYN IN SLOVAKIA

K. Koporova

University of Preshov – Institute of Rusyn Language and Culture,
Slovakia

17 November Street, 15, Prešov, 08005, Slovakia

E-mail: kkoporov@gmail.com

Abstract

The codified form of the Rusyn (Rusin) language in Slovakia is based on a group of dialects that preserve the free and shifting stress. Certain users of the normative form of the Rusyn language consider the codified stress placement difficult, because being influenced by the western Slavic languages (especially Polish), their dialects have a fixed stress on the penultimate syllable. In this paper, the author attempts to develop some guidelines to help users of the Rusyn language to employ correct stress.

Keywords: Rusyn (Rusin) language in Slovakia, free and shifting stress, fixed stress.

Вступны позначкы

Кодифікацій русинського мови (1995) слов'янський світ прийняв до своєї мовної родини четвертий виходослов'янський мови, попри трьох існуючих: російським, українським і білоруським. В рамках об'єктивної класифікації слов'янських мов виділюємо три основні

групи: вихідні, західні і південні слов'янські мови. Пригадуємо, що єдині з ознак, котрі лінгвісти вживали як критерій (попри інших критеріях в межах різних мовних рівнів) на розмежування західної групи слов'янських мов од вихідної групи. Той критерій належить до супrasegmentальних явищ в слов'янських мовах, а це наголос, котрим ми будемо замишати в нашій статті. Термін **акцентологія** (з латинського *accentus* – наголос/притиск і грецького *logos* – слово) ми вживаємо на означення науки про акцентні (прозодаїчні) засоби мови. Як перший увів до науки той термін Р.Ф. Брандт у публікації «Начертание славянской акцентологии» (1880). Знаходимо його так само в публікації: Російська мова. Енциклопедія. М., 1979 (Російська мова 1979: 16–17).

Західна група слов'янських мов має наголос **фіксований** на конкретній складі у слові, навпроти того, про вихідну групу слов'янських мов, (враховано русинського списовного мови), є характерний **вольний** (різномісний) і **погнбливий** (двигнний) наголос, то значить, що ми не фіксуємо на однакій складі в кожному слові. Так як про вихідну групу слов'янських мов, так ай про русинський нормативний мови має акцентологія і наголос спеціально значення (Korotová 2012: 54–87).

Погляд до історії бадання в області акцентології

Так як фонетика і фонологія, ай акцентологія має свої початки в 19. сторочу, російська акцентологія аж в другій половині 19. стороча, наукове бадання акцентології русинських діалектів ми датуємо на кінець 19. стороча. Притиск вихідних слов'янських мов ми став об'єктом наукового вивчення російського лінгвіста А.Х. Востоківа, пізніше ми даємо проблематіку заїмали А.А. Потєбня, Л.В. Щєрба, Р.І. Аванєсов, польський лінгвіст Е. Куріловіч і др. Акцентологів у русинських діалектах ми заїмали О. Брех (Брех 1900: 70–116), І. Верхратський, Г. Геровський (Gerovski 1934: 460–466), пізніше І. Панькевич, В. Латта і др. З вислїдків їх бадань ми можімо дізнати, що русинський діалектний ареал (карпатські русинські діалекти) северовихідної частини сучасної Словенської републіки ми подля акцентологічної специфічності ділити на дві основні частини – **вихідну** і **західну**. **Вихідну** частину характеризує **вольний** (різномісний) і **погнбливий** (двигнний) наголос, який в общім є типічний, як саме ми вже згадали, про виходослов'янську групу мов. **Західну** групу русинських діалектів характеризує **сталый** (або фіксований) наголос (характерний про західну групу слов'янських мов), котрий ми стабілізував на другій складі од кінця, на тзв. пароксітоні або пенультимі. Такий притиск є типічний і про виходословацькі діалекти, з винятком сотацьких (Латта

1979–1981 : 149). Кідь у виходій ґрупі русинських діалектів притиск мать і діштінктивну (змыслорозлишуючу) функцію, што значить, же він є **фонологічно релевантний**, то в западній він стратив тоту особитость, внаслідку чого ся став **фонологічно ірелевантним**, подобно як то є в ґрупі западославянських языків. З высшеуведженого выпливать, же западну ґрупу карпатських русинських діалектів мож поважовати подля акцентологічного опису як шпеціфічний діалектний масив в рамках теріторії виходославянських языків. Інакше повіджено, тота ґрупа діалектів з погляду акцентології набрала на себе в значній мірі вплив сусіднього западного языкового ареалу, главно польского языка, в котрім є притиск на передпоследнім складі слова.

З дакотрых правил акцентования в русиньскім норматівнім языку

За основу кодифікованой подобы русинського языка був взятий переходный говор міджі двома теріторіально найросшыренішыма діалектами – **западоземплінським** і **выходоземплінським**, котры ся поважують за переходны діалекты од лемківських ку середнєкарпатським з перевагов языковых явів підкарпатських діалектів, де суть захованы виходославянськы языковы явы, враховано явів акцентологічных. То значить, в кодифікованій подобі языка є **акцент вольный (різномістный) і погыбливый (движный)**, а мать, як сьме высше спомянули **змыслорозлишуючу** (*му'ка* і *'мука* – од часолова *мучіти ся*) і **форморозлишуючу** (*же'ны* – ґен. сінґ., *'жены* – номін. пл.) **функцію** (Ябур, Плїшкова 2004: 160). Вольность або різномістность притиску є в тім, же не є зафіксований на єднім складі слова (наприклад, як в словеньскім ці чеськім языку на першім складі, або в польскім языку на передпоследнім складі у слові), але в розлічных словах він може быти на розлічных подля порядку складах (на першім – *'вода*, *'нава*, на другім – *пу'сати*, *мо'тати*, на третім – *поли'вати*, *начі'нати*, але і на четвертім – *попере'нисувати*, *попере'кручувати*...).

У звязи з позиціов акцента у слові, в языкознательстві суть знамы такы тіпы акцентів:

- **ініціалный** – на першім складі слова (*'покладок*, *'ховзанка*);
- **пенултімовый** або **пароксітонічний** – на передпоследнім складі слова (*пу'сати*, *спі'вати*);
- **оксітонічний** – на последнім складі слова (*ля'чі*, *нача'тый*).

Ініціалный, пароксітонічний і оксітонічний акцент вказують на вольность (різномістность) акцента в розлічных словах, котра є тіпічна про виходну ґрупу славянських языків. Лемже у виходославянських языках, враховано русинського, суть припады, де притиск в парадігмі

або і у словозміні переходить з єдної частини того самого слова на іншу, що вказує на його погнотливотсь (двигнотсь), напр. у парадігмі: *‘нога – на ‘нозі, але (копнути) з но‘гов, ‘штири – о шти‘рех*; у словозміні: *пи‘сати – ‘выписати – вы‘писовати – поза‘писовати*. Тим вживателям нормативной подобы русиньского языка, котрым є властный такий тип акцента (вольный і погнотливый) не є проблем правильно, подля нормы ставляти акценты у словах, бо про них то є природне, так акцентують у своїй каждоденній комунікації. Тяжше є привыкати на вольне і погнотливе акцентованя вживателям западного русиньского діалектного ареала, котры фіксують акцент на передосліднім складі у слові (пенултімі), причім пенултімовый акцент ся не мінить ани у парадігмі, ці словозміні, або словотворіню. Зато ся зве **фіксым акцентом**. Порівнай: *‘стріляти – стрі‘ла, ‘выстрілити* протів: *стрі‘ляти – ‘стріла – выстрі‘лити; пе‘чі – пе‘чу – пече‘ме* протів: *‘печи – ‘печу – пе‘чеме*;

3 высшеуведженого можеме зроби́ти слі́дуючі высновкы

В діалектах, котры были взяты за основу кодифікації русиньского списовного языка, суть у великій мірі захованы правила акцентованя. Мож їх згорнути до слі́дуючі́х тез.

Акцент може быти на розлі́чнім складі́ у слові́, причім в діалекті́, взятім за основу кодифікації́, є значно росшырений акцент **ініціалный** і **оксітонічний**. Ініціалный акцент (попри оксітоні́чним акценті́) ся в языкознательстві́ поважує за єден з найстаршых славянських акцентів (Панькевич 1938: 329). Тот факт нам дає право конштатовати, же русиньский язык, респ. русиньскы діалекты належать к єдным з найстаршых славянських діалектів, котры суть в скоро незмінений подобі́ захованы до днешніх днів. Кодифікаторы взяти за основу кодифікації́ якраз ґрупу діалектів з вольным (різномістным акцентом в розлі́чньх словах) і погнотливим (двигнотным – в рамках словозмін і словотворі́ня), в котрых суть даны акценты все живы.

Різномістность акцента в єднотливых словах в рамках розлі́чньх частей речі́ была зафі́ксована як выслі́док научного баданя в живых русиньських діалектах, взятых за основу кодифікації́ русиньского нормативного языка. В рамках словозміны сьме зазначі́ли переход акцента з єдного складу на іншый (характерізований ся як двигнотсь акцента). Тот переход має свої логічны правила, звязаны з прибыванєм суфі́ксів при словозміні́, або префі́ксів при словотворі́ню. Звычайно ся так акцент посувать на дашый склад подля порядку, або ся посувать аж о два склады (даколи і на конець слова, главні́ при суфі́ксалнім словотворі́ню, кідь на себе тот акцент притягують тзв. силны суфі́ксы).

Можемо сконштатовати, же движность акцента в русиньскім языку є спрічинена флективностѣв языка, то значить, же акцент у словозміні, або при творіню новых слов переходить на морфемы, котры слова приберають в єднотливых падах, або видах, ці змінах часу... Праві з той причіны є аплікований высшеуведжений прінціп означованя акцента (першый подля порядку – ініціалный, передпоследній – пенултімовый і акцент на последнім складі у слові, або першім од заду – оксітонічний). Кідь зволиме такый ключ, можемо конштатовати же і єднотливы части речі в русиньскім списовнім языку мають свої логічны правила акцентованя.

Кедь приступиме к становлїню правил акцентованя подля частей речі, найкомплікованішыма односно акцентованя суть назывники, де є тяжко встановити точны правила про вшыткы роды і деклінації. Треба знати, же якраз лексікална ровина є із вшыткых языковых ровин найменше певна і до нѣй найскорше проникають новы лексеми (в першім ряді новы поменованя), котры даколи із собов приносять ай нове, перебрате з іншого языка акцентованя (не бісідуючі о впливах западного языкового ареалу, як і впливах історічной палаталізації при склонёваню назывників; порівнай: *пу́ляк* – *пуля́кы* – *пу́ляци*, *бор су́к* – *борсу́кы* – *бор су́ци*). Менше компліковане акцентованя є у часослов, у котрых ся нам подарило вытворити дакотры акцентологічны ґрупы. У містоменників, придавників, присловників і чісловників є акцентованя дость єднозначне, бо множина тых частей речі є лімітована. На ілустацію уводиме дакотры правила акцентованя, котры были вытворены як выслідок баданя русиньскых діалектів, взятых за основу кодифікації русиньского норматівного языка на Словакії.

І. В часословах сьме вышпеціфіковали такы акцентологічны ґрупы:

а) кідь є акцент в інфінітиві часослова ініціалный, зістає такый і в конъюгації, або при зміні часу, напр.: *‘відіти*, *‘віджу*, *‘видиш*, *‘видите*, *‘відять*, *‘віділа*, *‘віділи*; *‘знати*, *‘знаю/знам*, *‘зна(є)ш*, *знав*, *‘знали*, *‘зна(є)ме*, *‘зна(є)те*, *‘знають*; *‘кликати*, *‘клічу*, *‘клічеш*, *‘клічеме*, *‘кликав*, *‘кликала*, *‘кликали*; *‘чітати*, *‘чітам*, *‘чіташ*, *‘чіта(є)ме*, *‘плакати*, *‘плачеш*, *‘плачу*, *‘плаче*, *‘плачеме*, *‘плачете*, *‘плачуть*, *‘плакала*, *‘плакали*;

б) кідь є акцент в інфінітиві тройскладового часослова на другім складі. (пенултімовый акцент, або пароксітон), зістане пенултімовым і в конъюгації, або при зміні часу, напр.: *пи́сати*, *са́дити* – *‘пишу*, *‘саджу* – *‘пишуть*, *‘садять* (але *‘пишеме*, *‘пишете*, *‘садиме*, *‘садите* – як видно, прибывають ту далша морфема, зато ту, хоць і акцент не мінить своє місто, уж го не можемо назвати пароксітоном – одражать ся флективность языка);

в) кідь є акцент в інфінітиві штирискладового часослова на третім складі (کیدь рахуєме одпереду), респ. на другім складі одзаду (пену-

лтімовий), зістане пенулітмовим ай в коньюгації, або при зміні часу, напр.: *поли'вати, мале'вати, – по'ливам, ма'люю – по'ливаш, ма'люєш – поли'ваме – поли'вають;*

г) в п'ятьскладових, припадно шість- і вецескладових часословах акцент при коньюгації і при зміні часу зістає на тім самім складі, на котрім є в інфінітиві (бывають то звичайно одводжені часослова за помочи префіксів або творінєм незавершеного виду одводжених часослов) напр.: *вы'писувати, вы'писую, вы'писуєме, вы'мітовати, вы'мітуєте, за'капчувати, за'капчуєме, повы'ділєвати, повы'ставлєвати, попере'кручувати, поза'мітовати (од ме'тати);*

д) кидь є акцент в інфінітиві часослов оксітонічний (на посліднім складі у слові), зістає такий і в коньюгації, ці при зміні часу. Напр.: *пе'чі – пе'чу – пе'чеш – пе'чуть.*

II. В рамках новоутворених слов із слов базових сьме визначили тзв. **силны префікси**, котры фіксують акцент, а то суть префікси, **вы-** (в називниках – при словотворіню і в часословах при творіню завершенного виду од незавершеного: *'выставка, 'выдумка, 'вылагода; пи'сати – 'выписати, ла'мати – 'выламати, 'думати – 'выдумати*), префікс **'за-** (*'запяток, 'запортот*), **'по-** (*'покладок, 'помыток*), префікс **'най-** (в суперлативі і елативі придавників і присловників: *'найстрашніший – 'найстрашніше, як'найліпший – як'найліпше...*)...

– **Силныма словотворныма суфіксами**, фіксуючіма акцент, суть в русиньскім языку такы: **'ан, -ян, (-'чан), (Пар'їжан, Біл'ян, Белгі'чан, Пряшів'чан), -'інь (высо'чінь, шыро'чінь), -'ія, -е'ня (ручі'ня, каче'ня), -'ина (коча'нина, поло'нина).**

– **Напівсилныма суфіксами** (они суть носителями акценту, но в парадігмі ся акцент посувають на закінчіння, респ. зістає все оксітонічним, то значить, же ся не мінить на пароксітон, як в сильних суфіксах) суть: **'ак, -'як (Пра'жак, пуй'дяк, ванд'рак, чуд'ак, серед'няк, але: Пажа ка, пуйдя ка, чуда ка, середня ка), -'ырь (пас'тырь, прова'дырь, мі хы'рь, але: пасты'ря, провады'ря, міхы'ря), -'арь (пе'карь, корч'марь, але: пека'ря, корчма'ря), -'аль (ват'раль, ко'валь, але: з ватра'лём, з кова'лём), -'ач, -'яч (боро'дач, сі'яч, але: од борода'ча, од сія'ча), -'ух, -'юх (ле'жух, ва'люх, але: дам валю'хови, лежу'хови).**

Представили сьме ходем в назнаках акцентування в русиньскім нормативнім языку, но тота тема сі выжадує омного шырше баданя.

ЛІТЕРАТУРА

Брохь 1900 - Брохь О. Угрудорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). Санкт-Петербургъ: Типографія императорской Академіи наукъ, 1900. 116 с.

Koporová 2012 - *Koporová K.* Орфоепічна характеристика русинського мови на границі виходославянських і западославянських лінгво-культурних контактів. З основних принципів русинської виразності: dizertačná práca. Prešov, 2012. С. 54–87.

Латта 1979–1981 - *Латта В.* Система наголосу українських говірок Східної Словаччини // Наукові записки. Пряшів: КСУТ, 1979–1981. Ч. 8, 9. С. 149–155.

Панькевич 1938 - *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. З приложенням діалектологічних карт. Частина I. Звучня і морфологія. Praha: Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze. Orbis, 1938. 545 s.

Русский язык 1979 - Брандт Р.Ф. Начертание славянской акцентологии // Русский язык: энциклопедия. М., 1979. С. 16–17.

Ябур, Плішкова 2004 - *Ябур В., Плішкова А.* Русинський мови. Пряшівська Русь // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський мови / P.R. Magocsi (red. naukowy) Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2004. С. 147–209.

Gerovskij 1934 - *Gerovskij G.* Jazyk Podkarpatské Rusi. // Československá vlastivěda, díl III. Jazyk. Praha, 1934. S. 460–466.

REFERENCES

Brandt, R.F. (1979) Nachertanie slavyanskoy aktsentologii [The inscription of Slavic stress placement]. In: Filin, F.P. (ed.) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [The Russian Language. An Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 16–17.

Brokh, O. (1900) *Ugrorusskoe nar"chie sela Ubli (Zemplinskago komitata)* [Ugrorussian dialect in Ubli (Zemplinsky County)]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Koporova, K. (2012) *Orfoepichna kharakteristika rusin'skogo yazyka na granitsi vykho-doslavyan'skykh i zapadoslavyan'skykh lin'vo-kulturnykh kontaktiv. Z osnovnykh printsipiv rusin'skoy vyslovnosti* [Orthoepical characteristics of the Rusyn language on the border of the East and West-Slavic linguocultural contacts. The main principles of Rusyn expressiveness]. Diss. Prešov. pp. 54–87.

Latta, V. (1979–1981) Systema naholosu ukraiynskikh hovirok Skhidnoyi Slovachchyny [The system of accentuation of Ukrainian dialects in Eastern Slovakia]. In: Novak, M. (ed.). *Naukovi zapysky* [Research Notes]. 8–9. Prešov: KSUT. pp. 149–155.

Pankevich, I. (1938) *Ukrayinski hovori Pidkarpatskoyi Rusy i sumeznykh oblastey. Z prylozennam dialektologichnykh map* [The Ukrainians dialects of Subcarpathian Rus' and adjacent regions. With the dialectological maps]. Part 1. Prague:

Knihovna Sboru pro vizkum Slovenska a Podkarpatske Rusi pri Slovanskem ustavu v Praze.

Filin, F.P. (ed.) (1979) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Yabur, V. & Plishkova, A. (2004) Rusin'skyi yazyk. Pryashivska Rus' [The Rusyn language. The Presov Rus']. In: Magocsi, P.R. (eds) *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Rusynskyi yazyk* [The latest history of Slavic languages. The Rusyn language]. Opole: University of Opole - Institute of Polish Philology. pp. 147–209.

Gеровский, G. (1934) *Yazik Podkarpatske Rusi* [The Language of Subcarpathian Rus]. Prague: Československa vlastivěda. pp. 460–466.

Копорова Кветослава – філософії доктор, одборный асистент Інституту русинського языка і культури Пряшівської університету у Пряшові (Словенско).

Копорова Кветослава – доктор філософії, лінгвіст, асистент Інституту русинського языка и культуры Пряшевського університету в Пряшеві (Словакия).

Koporova Kvetoslava - Institute of Rusyn Language and Culture – University of Prešov (Slovakia).

E-mail: kporov@gmail.com

УДК 81'27: 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/7

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В РЕФЛЕКСИИ НАИВНОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА (КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАЦИИ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ)

Н.А. Мишанкина^{1,2}, Н.Н. Зильберман²

¹Томский политехнический университет

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 30

E-mail: mna@tpu.ru

²Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: zilberman@ido.tsu.ru

Авторское резюме

В статье представлены результаты контент-аналитического исследования рефлексии образов восточнославянских языков (и близких к ним образований) наивными носителями языка, участниками сетевых сообществ «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook». Количественный анализ позволил определить, что наиболее активными в этом отношении являются пользователи сети «ВКонтакте», русский язык используется в качестве рабочего значительно чаще, чем другие восточнославянские, академически признанные языки (русский, украинский, белорусский) рефлексиируются более последовательно. Качественный анализ показал, что образ языка зависит от языковой среды Сети. В русскоязычной среде русский тесно связан с образом коммуникативного инструмента, что можно сказать также и об украинском. Украиноязычная и белорусскоязычная среда фокусируется на осмыслении языка как культурного феномена, при этом актуализируется противопоставление «своего» и «чужого» языка, в качестве чужого осмысляется, как правило, русский. Украинский и белорусский языки не попадают в поле взаимной рефлексии. Языковые образования (суржик, трясанка) интерпретируются пользователями как самостоятельные языки, в некоторых случаях они понимаются как исходные для всех восточнославянских народов. Кроме названных языков, в фокус рефлексии попадает феномен, не имеющий реального бытования, – славянский язык, понимаемый как праязык

славянской культуры, исконный, с утратой которого связана негативная для восточных славян ситуация.

Ключевые слова: социолингвистика, восточнославянские языки, суржик, трасянка, славянский язык, контент-анализ, социальные сети.

EAST SLAVIC LANGUAGES IN THE REFLEXION OF A NAIVE NATIVE SPEAKER (CONTENT-ANALYTICAL STUDY OF THE SOCIAL NETWORKS COMMUNICATION)

N.A. Mishankina^{1,2}, N.N. Zilberman²

¹ Tomsk Polytechnic University
30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: mna@tpu.ru

² Tomsk State University
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: zilberman@ido.tsu.ru

Abstract

The article presents a content-analytical study of the reflexion of the Eastern Slavic languages (and related entities) by naive native speakers, users of social networks *Vkontakte*, *Odnoklassniki*, and *Facebook*. The quantitative analysis made it possible to determine that the users of the *Vkontakte* network are the most active in this regard. Russian is used as a working language much more often than other East Slavic languages. Academically recognised languages (Russian, Ukrainian, Belarusian) are comprehended more consistently. The qualitative analysis has shown that the image of a language depends on the network language environment. In the Russian-speaking environment, Russian is closely related to the image of a communicative tool, which can also be said about Ukrainian. The Ukrainian- and Belarusian-speaking environments focus on understanding the language as a cultural phenomenon. The opposition of “ours” and “theirs” becomes actual, with the Russian language usually interpreted as alien. The Ukrainian and Belarusian languages remain beyond the field of mutual reflection. Special language phenomena (Surzhik, Trasianka) are interpreted by users as independent languages. In some cases they are understood as primary for all East Slavic peoples. Besides the languages mentioned above, the users focus on the non-existing

phenomenon of the Slavic language understood as the proto-language of Slavic culture, the loss of which caused the negative situation for the Slavic peoples.

Keywords: sociolinguistics, East Slavic languages, Surzhik, Trasianka, Slavic language, content analysis, social networks.

Постановка проблемы, методика исследования

В силу генетической, культурной, языковой близости по отношению к носителям восточнославянских языков достаточно долго употреблялось понятие «братские народы». Однако социально-политические изменения рубежа XX–XXI вв. обнажили проблемы в их отношениях. Сегодня обострения межэтнических и межкультурных конфликтов между восточнославянскими народами связываются в первую очередь с экономическими и политическими факторами. Однако, по мнению исследователей, изучающих языковые ситуации на территориях постсоветских государств, одной из значительных причин обострения может выступать и языковая ситуация (Катунин 2016), которая не только зависит от государственного статуса языка, но и связана с его «образом», оценкой его роли в жизни народа. О наличии таких образов как некоторых стереотипных представлений о языке в национальных культурах свидетельствуют результаты лингвистических исследований (Степанов 1995; Демьянков 2000; Кашкин 2002; Картины русского мира 2009). В этой связи нас заинтересовала проблема образов родного и «братских» языков в метаязыковой рефлексии наивного носителя, реализующейся в создании сообществ, посвященных языку.

Одним из дискурсов, позволяющих исследовать спонтанное социальное и речевое поведение носителей языка, в настоящее время становится дискурс социальных сетей, о чем свидетельствует значительная исследовательская активность в изучении этого вида коммуникации (Kramer, Guillory, Hancock 2014; Pfeffer, Zorbach, Carley 2014; Mishankina, Zilberman 2016; Serrat 2017). Термин «социальные сети» появился в работе социолога Дж. Барнса в 1954 г. для обозначения системы социальных коммуникаций членов социума (Barnes 1954: 43–44), через полвека эта метафора была реализована в виде online сервисов, предназначенных для неформального общения. Сегодня портал BRAND ANALYTICS, подводя итоги за ноябрь 2016 г., отмечает, что на социальные сети приходится 71,8% объема всего публичного контента (Социальные сети в России 2016). Этот вид интернет-общения отличается возможностью свободного вхождения в коммуникацию при условии обязательной регистрации пользователя

в Сети. Коммуникация в социальных сетях, как правило, является продолжением реальных контактов в виртуальном топосе. Сервис предоставляет возможность участвовать в сетевых сообществах без ограничения тематики общения, поэтому можно говорить о том, что интерес к определенной теме в этой коммуникативной среде является результатом выбора самих пользователей. Социальные сети объединяют жителей самых разных территорий, в том числе стран, говорящих на восточнославянских языках. Анализ показывает, что они активно включаются в обсуждение политических и социальных аспектов современной жизни, одним из которых является язык как форма культурной и этнической идентичности.

Целью нашего исследования стала попытка описания «образов» восточнославянских языков в осмыслении наивного носителя языка – участника сетевых сообществ.

Методология, методы и материал исследования

Предметом нашего анализа выступило социальное и речевое поведение пользователей социальных сетей в аспекте осмысления образов родного и чужих восточнославянских языков. Полагаем, что наиболее эффективной при исследовании процессов, происходящих в соцсетях Интернета, является методология социолингвистики (Mirloy, Gordon 2003).

В сферу анализа попали наиболее популярные на постсоветском пространстве социальные сети: «ВКонтакте» (<https://vk.com>), «Одноклассники» (<https://ok.ru>) и «Facebook» (<https://www.facebook.com>). Портал «Про СММ» дает им следующую характеристику: наиболее крупная сеть – **«ВКонтакте»**, ежемесячная аудитория составляет **87 млн чел.**, возрастные параметры пользователей – 18–24 года. Ежемесячная аудитория сети **«Одноклассники»** – **46,9 млн чел.**; средний возраст пользователей – 25–34 года и 55 лет и старше. **Facebook**: ежемесячная аудитория – **14,4 млн чел.**, средний возраст – от 25 до 34 лет (Самые популярные социальные сети в России 2016).

В качестве основного исследовательского метода применялся контент-анализ, позволивший выявить путем определения наиболее частотных семантических категорий значимые для пользователей параметры «образа» языка. Контент-анализ осуществлялся в два этапа. На первом, количественном, было определено количество сообществ, организованных для обсуждения восточнославянских языков¹. Для этого была сформирована система запросов на трех основных восточнославянских языках, включающая их названия:

белорусский язык / білоруська мова / беларуска мова;

русский язык / російська мова / руская мова;

украинский язык / українська мова / українская мова.

Однако предварительный пилотный анализ выявил, что представления пользователей социальных сетей о восточнославянских языках не ограничиваются названными, поэтому система запросов была дополнена номинациями языковых образований, статус которых в академической науке на современном этапе обсуждается:

русинский язык / русинська мова / русінская мова;

суржик / суржык;

трасянка.

Охарактеризуем их подробнее. Во многих исследованиях (Скорвид 2009; Бабенко, Орлова 2015; Суляк 2015) отмечается проблема, связанная с национальной самоидентификацией русинов (в том числе и языковой). Академическое сообщество не имеет однозначного мнения в отношении русинского языка, так как до XX в. он существовал в народно-разговорной форме, а первая грамматика, закреплявшая литературные нормы, была создана в 1923 г. В работе А.Е. Супруна русинский язык определяется как язык ограниченного распространения (Супрун 1989), авторы целой серии исследований рассматривают его как один из славянских микроязыков (Скорвид 2009; Катунин 2014). Труды С.С. Скорвида, И.И. Бабенко и О.В. Орловой затрагивают обсуждение русинского языка в интернет-дискурсе (Скорвид 2009; Бабенко, Орлова 2015), но социальные сети не попадают в фокус исследовательского внимания.

Суржик и трасянка – близкие по типу языковые образования, о чем свидетельствует этимология лексем, главным в которой выступает семантический компонент «смесь» (ср.: суржик – «смесь зерна и жита, жита и ячменя, ячменя и овса» (Фасмер 1987), трасянка – «смесь сена с соломой» (Лисковец 2002)). Эти языковые образования изучаются в аспекте языковой ситуации (Мечковская 2005; Лисковец 2002; Хентшель 2013; Дель Гаудио 2015), но статус их еще более дискуссионен, так как они имеют устную форму бытования. В работе (Курыхтина 2009) рассматриваются тексты «Википедии» на суржике, однако исследований осмысления феномена суржика и трасянки пользователями соцсетей не проводилось.

Отметим, что в ходе пилотного эксперимента нам встретилась еще одна номинация, не имеющая отношения ни к одному реально существующему языку, но обсуждаемая в интернет-дискурсе, в связи с чем мы включили данную номинацию в систему запросов:

славянский язык / слов'янська мова / славянская мова.

Данные, полученные в период с февраля по май 2017 г., позволили определить языки-доминанты обсуждений².

На втором этапе был осуществлен качественный контент-анализ, материалом для которого послужили посты, размещенные в новостных лентах. Количественный анализ вербальных единиц, репрезентирующих определенные семантические категории (темы), позволил сделать содержательный вывод об интересе пользователей к определенному аспекту языка. На этом этапе была определена концептуальная доминанта «образа» языка в рамках как языкового сообщества, так и сообщества социальной сети.

При анализе отдельных текстов заголовков, девизов и описаний групп в социальных сетях, а также комментариев пользователей был использован текстологический анализ. В качестве единицы анализа были выбраны лексемы и коллокации, репрезентирующие исследуемые категории. На этапе соотнесения данных различных социальных сетей использовался сопоставительный анализ.

Результаты исследования

Первый этап анализа, количественный, позволил определить следующее распределение «языковых» сообществ в исследуемых социальных сетях (табл. 1).

Таблица 1

Количество сообществ, посвященных восточнославянским языкам в социальных сетях

Запрос	Сеть		
	ВКонтакте	Одноклассники	Facebook
Запросы на русском языке (количество выдач - 12 753)			
Русский язык	9 084	1 675	800
Украинский язык	689	86	3
Белорусский язык	145	13	1
Суржик	213	2	1
Трасянка	7	0	1
Русинский язык	7	2	2
Славянский язык	14	8	0
Запросы на украинском языке (количество выдач - 1 257)			
Російська мова	68	3	2
Українська мова	1 051	54	74
Білоруська мова	0	0	0
Русинська мова	1	0	0
Слов'янська мова	4	0	0
Запросы на белорусском языке (количество выдач - 85)			
Руская мова	10	0	0
Украінская мова	0	2	0

Окончание таблицы 1

Запрос	Сеть		
	ВКонтакте	Одноклассники	Facebook
Беларуска мова	65	0	0
Суржык	3	5	0
Русинская мова	0	0	0
Славянская мова	0	0	0
Общее количество сообществ	11 361	884	1 850

Эти данные дают возможность сделать выводы, касающиеся активности пользователей исследуемых социальных сетей в рефлексии восточнославянских языков:

1) наблюдается более высокая активность языковой рефлексии пользователей сети «ВКонтакте» (рис. 1);

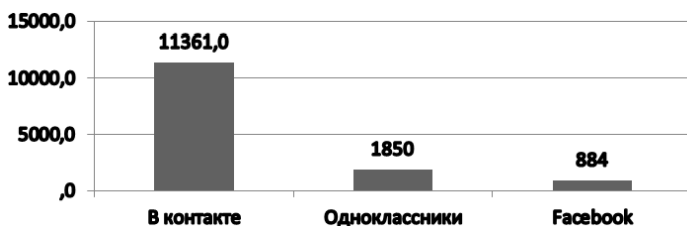

Рис. 1. Активность пользователей социальных сетей в организации сообществ, посвященных языку.

2) запросы на разных языках позволили выявить определенные тенденции: сообщества, посвященные русскому и украинскому, более последовательно номинируются на этих языках. Однако этого нельзя сказать о белорусском языке, который используется пользователями социальных сетей наименее активно (рис. 2);

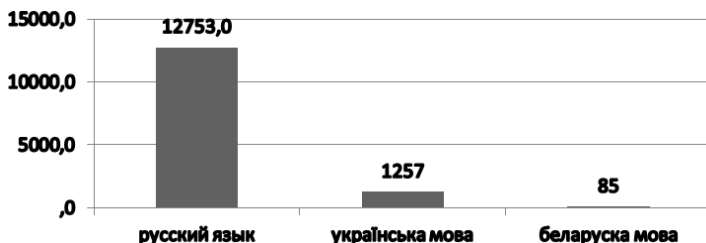

Рис. 2. Активность использования языка в социальных сетях.

3) академически признанные языки более последовательно попадают в фокус внимания пользователей, хотя в этой закономерности

есть свое исключение: суржик обсуждается более активно, чем белорусский язык (рис. 3).

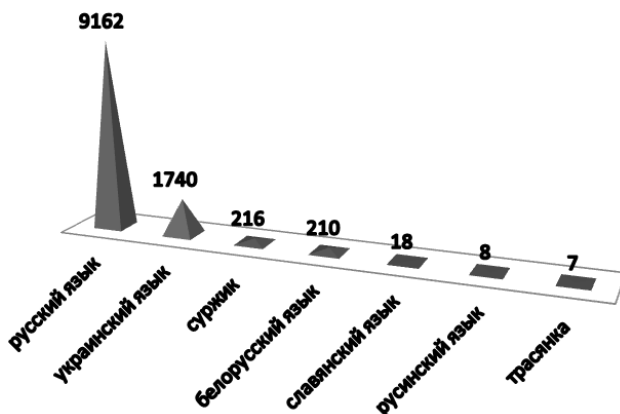

Рис. 3. Количество сообществ на разных языках.

Второй этап анализа позволил установить более четкие контуры «образа» исследуемых языков, представленного в виде категориальной матрицы, охватывающей все тематические доминанты создаваемых сообществ.

Образ языка как коммерческого продукта представлен в сообществах, создаваемых в рекламных целях. В этом случае участнику предлагается собственно язык как услуга (обучение, подготовка к тестированию на знание родного или иностранного языка, перевод) либо презентуется организация, осуществляющая языковую подготовку.

Язык как культурный объект представлен в сообществах, ориентированных на некоммерческую деятельность. И в этом случае мы определили несколько ключевых образов языка:

1) как *инструмент коммуникации*:

- незнакомый или малознакомый (обучение языку как иностранному);
- известный, но владение им требует специальной подготовки (школьное обучение и государственный экзамен);
- известный, но совершенствовать владение им нужно постоянно (культура речи и письма);
- позволяет понять иностранные культурные объекты (зарубежная информация на языке);
- для его освоения требуются специальные профессиональные знания (обмен профессиональным опытом и материалами).

2) как *культурный феномен*:

- часть национальной культуры в целом (язык и культура, история языка, история номинаций и т. п.);

– культурный феномен (отношение к языку: рефлексия «своего» и «чужого» языка);

– компонент словесной культуры (общелингвистические проекты).

В табл. 2–4 представлены результаты обработки содержания ресурсов исследуемых социальных сетей, указывающие на то, что образы языков в сообществах социальных сетей существенно варьируют.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Образ **русского языка** в русскоязычном секторе определяется концептуальными доминантами, позволяющими говорить об инструментальном образе русского языка:

– как инструмент, позволяющий понять иностранные культурные объекты. Приведем названия сообществ: *TED TALKS видео на русском языке, Спорт на русском языке*;

– как инструмент известный, но совершенствовать владение им нужно постоянно: *Мы за правописание и русский язык, Скажем НЕТ подонковскому сленгу! Культура речи!*;

– как инструмент известный, но владение им требует специальной подготовки: *ЕГЭ Русский язык, «Хочу знать», РУССКИЙ ЯЗЫК | ЕГЭ 2017 | Даль и Ожегов*.

В украиноязычном секторе русский язык – это феномен, тесно связанный с национальной культурой и оцениваемый в ее контексте прежде всего как «чужой», обычно эта оценка негативная: *Для тих кого дістали москалі та їх російська мова; >>>!!! російська мова для лохів!!!<<<>>>!!!не будь лохом – говори по українськи!!!<<<...; Російська мова ?)Ні не чули...*

В белорусскоязычном секторе русский язык воспринимается также как культурный феномен, но в данном случае оценка более сглажена.

Образ **украинского языка** столь же вариативен в разных секторах. Отметим, однако, то, что не выявлено сообществ, посвященных украинскому языку на белорусском языке.

В рамках русскоязычного сообщества образ украинского языка можно также охарактеризовать как инструментальный: *Учим украинский Язык; ❀ Украинский язык для лентяев*. Примерно в равных пропорциях наблюдается представление украинского как коммерческого продукта и культурного феномена. Сообщества, посвященные украинскому языку как культурному феномену, транслируют противоположные образы украинского языка: 1) «язык любимый»: *Русскоязычные украинцы за украинский язык; Украине украинский язык*; 2) «язык ненавидимый»: *Група ненавистників українського мови; Я не говорю на українському мові і не буду...*

Таблица 2

Данные сообществ социальной сети «ВКонтакте»

Показатель	Запросы на РЯ					Запросы на УЯ				Запросы на БЯ				Совпадающее написание	
	Русский язык	Украинский язык	Белорусский язык	Русинский язык	Славянский язык	Российская мова	Українська мова	Білоруська мова	Русинська мова	Слов'янська мова	Руская мова	Українська мова	Беларуская мова	Суржык	Трасянка
Макс. кол-во подписчиков	1 213 542	34 832	12 170	62	457	169	225 287	0	1	413	68	0	12 114	322	209
	8,9	15	4,5			5,3	3,9				20				
Ком. проекты	1	3,5	18,2				3,9						13,8		28,6
	Изучение языка как иностранного, %	34,2	27,3			5,3							3,1		
Методические материалы для учителей, %	2														
Культ. проекты	Культура речи и письма, %	15		12,5			16,7						37		42,9
	Школьное обучение и государственный экзамен, %	1,75				5,3	20,6						6,15		
	Зарубежная информация на языке, %	7,9	40,9				15,7						9,2		
	Язык и культура, %	5,3	4,5	50	26,3		13,7		100	100	40		6,2	33,3	28,6
	Отношение к языку, %	17,5	4,5	25	50	58	25,5				30		24,6	66,7	86
Филология, %				12,5							10				

Данные сообществ социальной сети «Одноклассники»

Показатель	Запросы на РЯ				Запросы на УЯ				Запросы на БЯ				Совпадающее написание	
	Русский язык	Украинский язык	Белорусский язык	Русинский язык	Славянский язык	Российская мова	Українська мова	Білоруськая мова	Русинська мова	Українская мова	Беларуская мова	Суржик	Трасянка	
Ком. проекты	Макс. кол-во подписчиков	127 467	283	42	143	84	8	6 990	0	0	0	0	0	0
	Услуги, %	30	43,1	50				7						
	Организации, %	10,2	5,5											
Култ. проекты	Изучение языка как иностранного, %	21,2	9,7					7						
	Методические материалы для учителей, %	1,5	1,4					2,4						
	Культура речи и письма, %	10,2									100			
	Школьное обучение и государственный экзамен, %	1,5	1,4	8,3				4,6						
	Зарубежная информация на языке, %	12,4	26,4	25	50	100	50	34,9						
	Язык и культура, %	7,3	1,4	16,7	50			39,5						
	Отношение к языку, %	5,8	11,1				50	4,6						

Таблица 4

Данные сообществ социальной сети «Facebook»

Показатель	Запросы на РЯ				Запросы на УЯ				Запросы на БЯ				Совпадающее написание		
	Русский язык	Украинский язык	Белорусский язык	Русинский язык	Славянский язык	Российская мова	Українська мова	Білоруська мова	Русинська мова	Слов'янська мова	Русская мова	Українська мова	Беларуска мова	Суржик	Трасянка
Макс. кол-во подписчиков	12 768	7		34	0	0	0	5	14 492	0	0	0	0	0	0
	5,1								13,3						
Ком. проекты	2,2								5,3						
	79,7	66,7							13,3						
Культ. проекты	0,7								10,7						
	1,4								4						
	3,6								4						
	2,9	33,3		100				100	36,00						
	3,6								10,7						
									2,7						

В рамках украиноязычного сектора язык осмысляется, с одной стороны, как известный, но сложный инструмент, владение которым требует специальной подготовки: *Про мову; українська мова ЗНО*, а также как культурный феномен, нуждающийся в защите: *Українська мова – НАЙКРАЩА; Українська мова – найкраща в світі; Ми поважаємо* ♦УКРАЇНСЬКУ МОВУ♦ УВАГА!!!!!! УВАГА!!!!!!

Образ белорусского языка аналогичным образом не представлен в рамках украиноязычного сообщества. Носителями русского языка он осмыляется как неизвестный коммуникативный инструмент (*Белорусский язык для лентяев; МИР2050. БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК. Вивчи самостійно*), а также связывается с переводом зарубежного контента. В качестве родного он осмыляется как известный коммуникативный инструмент, который должен быть усовершенствован, и культурный феномен, нуждающийся в поддержке и защите: *Беларуская мова – мова маіх дзяцей!; Мы беларусы, наша мова – беларуская!; «Уступі дарогу Роднай мове!»; Беларуская мова – жывая мова.*

Образы языковых образований, статус которых дискутируется (русинский язык, суржик, трасянка), более однозначны.

Отметим, что не было выявлено сообществ, посвященных русинскому, на белорусском языке. В русскоязычном и украиноязычном секторе он представлен по преимуществу как культурный феномен (*Русинський язык; Пряшевский русинский язык; Русинська бисіда (а не язЫк, діалект, ци мова)*).

Сообщества, создаваемые пользователями социальных сетей для обсуждения суржика и трасянки, свидетельствуют о том, что они воспринимаются и оцениваются в первую очередь как культурные объекты. При этом наблюдается очевидная амбивалентность оценки: *Ми гаварім суржиком!; ЛЮДЫ ЯКІ КАЙФУЮТ ГАВАРІТЬ СТРАШНИМ СУРЖИКАМ =); Суржик – наш язык!; Ненавидит ли суржик кто-то так, как ненавижу его я?; !!!СУРЖИК ЦЕ МОВА ДЕБІЛІВ ТА ДЕГЕНЕРАТІВ!!!!; ТРАСЯНКА – нашэ ўсё!; трасянка руліць!!*

Например, создатели сообщества «*Ми гаварім суржиком!*» таким образом позиционируют это языковое образование: «*Група створена для відстоювання інтересів титульного нареччя. Нас достали «свідомі» із плеканням мови. Нас дістали «руські» із нав'язуванням мови. Суржик, пачті як будізм, не мови, але ученіє <...> Ми не закриваємо наше свідомість. Свободу людині – свободу вираженню! Киев, Україна*». Вместе с тем создатели группы «*Ненавидит ли суржик кто-то так, как ненавижу его я?*» выражают совершенно противоположную оценку этого явления: «*Суржик – это когда два языка образуют один – извращенный, неполноценный, несформированный*».

Итак, анализ сообществ социальной сети «ВКонтакте» позволяет говорить: 1) о явном доминировании «инструментального» образа русского языка»; 2) о доминировании «культурного» образа украинского, белорусского и русинского языков. Языковые образования позиционируются участниками сообществ как самостоятельные языки, представляющие собой культурный феномен, хотя при этом их оценка амбивалентна.

Социальная сеть «Одноклассники»

Социальная сеть «Одноклассники» отличается очевидным преобладанием сообществ, создаваемых на русском языке и представляющих коммерческие проекты, связанные с обучением, переводом и т. п. Отметим сразу практически полное отсутствие в данной сети сообществ на белорусском языке.

Русский язык в русскоязычном сегменте интерпретируется по преимуществу через инструментальный образ: *Русский язык. Учимся писать грамотно*. В украиноязычном сегменте, в отличие от сети «ВКонтакте», выявлены только единичные сообщества, посвященные русскому языку, но при этом тенденция сохраняется: русский язык осознается прежде всего как культурный феномен.

Украинский язык в русскоязычном секторе также осмысливается через образ инструмента. Отметим, что чаще всего он предлагается как коммерческая услуга. В украиноязычном сегменте тенденция сохраняется, и украинский представлен как культурный объект: *Люблю Українську мову; ЕЛІТНА МОВА НАЦІЇ УКРАЇНСЬКА!!!; Українська мова – мова наших предків!!!*

Белорусский язык представлен в сети минимально и интерпретируется через инструментальный образ и образ культурного объекта.

Незначительное количество сообществ посвящено русинскому языку, при этом он рефлексирован только как культурный объект.

Суржик и трасянка не попадают в поле внимания пользователей.

Данных о сообществах, реализуемых в белорусскоязычном сегменте социальной сети, поисковая система не обнаружила.

Социальная сеть «Facebook»

В целом в сети представлено значительно меньшее количество сообществ, посвященных восточнославянским языкам, и, как правило, это проекты, посвященные основным языкам. Нам встретился только один проект, посвященный суржику.

В русскоязычном сегменте основная доля сообществ посвящена русскому и украинскому языкам как иностранным.

В украиноязычном сегменте русский язык интерпретируется в том же ключе, что и в других социальных сетях: это культурный объект, основной конкурент украинского языка и разрушитель украинской культуры.

Рассмотрим еще один феномен, обнаруженный нами в обсуждениях пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники» – **славянский язык**.

Этому феномену посвящены единичные сообщества, тесно связанные с осмыслением основ славянской культуры в целом. Также отдельные дискуссии были встречены в обсуждениях групп, посвященных славянской культуре: *СЛАВЯНСКИЙ МИР. Природа, история, культура* и др. Каким же образом участники сообществ характеризуют его? При том, что он последовательно именуется «языком», ни один из пользователей не задается вопросом о его структуре. В фокус внимания попадают следующие аспекты:

- историческая идентичность: славянский язык встраивается в миф о золотом времени, когда все славяне жили в мире и гармонии, и оценивается пользователями как истинный, правильный: *То, что ныне считается «русским» языком, имеет мало общего с тем языком, на котором общались наши предки;*

- этническая идентичность: славянский язык видится неким единым языком, от которого произошли все современные языки. При этом активно обсуждается вопрос о том, какой из современных языков сохранил больше славянского: *Кто больше является право-наследником – Украина или Россия? В чьих языках осталось больше следа от древнеславянского?;*

- роль языка в жизни человека: *язык нам дан для того, чтобы славословить, т. е. СЛОВить резонанс сонастройки с Богами с помощью слов;*

- роль языка в жизни этноса – утрата языка, его магической силы – связывается с современной негативной ситуацией: *Эти имена для русских имеют низкие энергии. Потому и Русь ослабла, растворилась в чужих энергиях, легко поддается всему, что ей навязывают, принимает любую культуру, одевает любую одежду. Вот что значит – потерять своё имя;*

- попытки реконструкции – рефлексирование использования языка на предмет его «истинности и правильности»: *«Спасибо» кодирует на рабство, а славяне не рабы, рабы не мы! слово является словом-паразитом, занесённым в наш язык с определённой целью... Нас приучили к тому, что слово «спасибо» – это выражение благодарности и пожелание того, чтобы человека охранял Бог; Древнее слово «космы» произошло от «космос», а «волосы» – от Бога мудрости Велеса /Волоса/. Слово «кот» теснейшим образом связано с очень важным глаголом, обозначающим рождение, – котиться, оно также является составной частью слова, обозначающего звериного детёныша, – Catulus (по латыни).*

Итак, данные анализа позволяют заключить, что этот несуществующий язык осмысляется как исконный, объединяющий всех славян, «истинные» слова которого, к сожалению, оказались утраченными, что и повлекло за собой кризис славянского мира.

Заключение

Проведенный контент-анализ позволил выявить некоторые аспекты образов восточнославянских языков в рефлексии участников сетевых сообществ.

Пользователи социальных сетей неравно активны в осмыслении и обсуждении восточнославянских языков: наибольшую активность проявляют пользователи сети «ВКонтакте», наименьшую – «Facebook». Неравномерно распределяется внимание пользователей к разным восточнославянским языкам: в большей степени оно направлено на русский и украинский языки, при этом, судя по количеству созданных сообществ, лидирует русский. Реже других попадает в фокус внимания русинский язык.

В русскоязычных секторах всех социальных сетей русский язык чаще всего представлен через образ инструмента: это уже известный сложный инструмент, осваивать который нужно постоянно, он требует специальной подготовки и помогает понять иностранные культурные объекты. Как культурный феномен русский язык чаще всего рассматривается в украиноязычных сообществах в сопоставлении с украинским языком. При этом они, как правило, противопоставляются: русский осмысляется как агрессор, украинский – как жертва, язык, нуждающийся в защите. Но в любом случае о братских отношениях речи не идет.

Белорусскоязычное сообщество оценивает русский язык и как инструмент, и как культурный феномен, но в этом случае оценка не столь остра и негативна, пользователи сосредоточены не на противопоставлении, а на культурной роли родного языка.

Образы белорусского и украинского языков в русскоязычном обществе инструментальны.

Любопытным представляется отсутствие интереса к «соседу» в рамках украиноязычного и белорусского сегментов: в них не представлено ресурсов, посвященных другим языкам, кроме русского, т. е. на украинском языке нет сообществ, посвященных белорусскому, и напротив.

Русинский язык является предметом рефлексии по преимуществу пользователей сети «ВКонтакте», при этом можно говорить о существовании проектов, интерпретирующих русинский и как ин-

струментальный, и как культурный объект. Однако следует отметить, что в сообществах, посвященных русинскому языку, как правило, нет его противопоставления другим восточнославянским языкам, не выстраивается политических оппозиций: пользователей интересует его языковая специфика по отношению к украинскому, русскому и белорусскому.

Формы смешанной речи – суржик и трасянка – выступают предметом рефлексии в основном пользователей социальной сети «ВКонтакте». Анализ показывает, что они воспринимаются в первую очередь как культурные объекты: осмысляются как праязыки, «настоящие», «основные» по отношению к украинскому и белорусскому. Можно отметить также, что поиск исходного мифологического праязыка и пракультуры – одна из значимых тенденций в языковой рефлексии пользователей социальных сетей, что находит свое подтверждение в обсуждении различных параметров несуществующего феномена – славянского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отметим, что в период подготовки статьи, когда данные были уже собраны, российские СМИ сообщили о решении правительства Украины о запрете доступа для жителей этой страны к социальным сетям «ВКонтакте» (<https://vk.com>) и «Одноклассники» (<https://ok.ru>). Таким образом, собранный материал приобрел особую актуальность.

2. Особенностью сообществ социальных сетей является их динамичность. Тем не менее крупные сообщества являются относительно стабильными образованиями, идентификатором чего служит, как правило, сетевой адрес.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко, Орлова 2015 - *Бабенко И.И., Орлова О.В.* Языковое конструирование национальной идентичности в интернет-дискурсе: «Кто такие русины и на какой из языков похож русинский язык?» // *Русин.* 2015. № 3. С. 79–89. DOI: 10.17223/18572685/41/6

Дель Гаудио 2015 - *Дель Гаудио С.* Украинско-русская смешанная речь «суржик» в системе взаимодействия украинского и русского языков // *Slověne.* 2015. № 2. С. 214–246.

Демьянков 2000 - *Демьянков В.З.* Семантические роли и образы языка // *Язык о языке: сб. статей.* М.: Языки русской культуры, 2000. С. 193–270.

Картины русского мира 2009 - *Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / Ред. З.И. Резанова.* Томск: ИД СК-С, 2009.

Катунин 2014 - Катунин Д.А. Русинский и словацкий языки в современном законодательстве Хорватии // Русин. 2014. № 2 (36). С. 296–311. DOI: 10.17223/18572685/36/19

Катунин 2016 - Катунин Д.А. Равноправие этносов и языков в законодательстве Федеративной народной республики Югославия (1946–1963 гг.) как один из основополагающих принципов создания государства // Русин. 2016. № 3 (45). С. 174–189. DOI: 10.17223/18572685/45/13

Кашкин 2002 - Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 4–34.

Куроختина 2009 - Курохтина Т.Н. Суржик в Интернете // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 2. С. 101–112.

Лисковец 2002 - Лисковец И.В. Трасянка: происхождение, сущность, функционирование // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2002. Вып. 2. С. 329–343.

Мечковская 2005 - Мечковская Н.Б. Белорусская трасянка и украинский суржик: суррогаты этнического субстандарта в их отношениях к массовой культуре и литературным языкам // Проблеми зіставної семантики. Київ, 2005. Вип. 7. С. 109–115.

Самые популярные социальные сети в России 2016 - Самые популярные социальные сети в России 2016 // Про СММ: электронный портал. URL: <http://www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2016> (дата обращения: 10.04.2017).

Скорвид 2009 - Скорвид С.С. Язык (и) русин в онлайн-режиме // Славянские языки и культуры в современном мире: труды и материалы междунар. науч. симпозиума. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 317–318.

Социальные сети в России 2016 - Социальные сети в России, осень 2016 // BRAND ANALYTICS: Система мониторинга и анализа бренда в социальных медиа и СМИ. URL: <http://br-analytics.ru> (дата обращения: 10.04.2017).

Степанов 1995 - Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 7–34.

Суляк 2015 - Суляк С.Г. Язык русинов Бессарабии в трудах дореволюционных этнографов // Русин. 2015. № 3 (41). С. 14–24. DOI: 10.17223/18572685/41/1

Супрун 1989 - Супрун А.Е. Русинский язык // Введение в славянскую филологию. Минск, 1989. С. 132–135.

Фасмер 1987 - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. III.

Хентшель 2013 - Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // Вопросы языкознания. № 1. 2013. С. 53–76.

Barnes 1954 - Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.

Kramer, Guillory, Hancock 2014 - *Kramer A.D.I., Guillory J.E., Hancock J.T.* Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Vol. 111, № 24. P. 8788–8790. DOI: 10.1073/pnas.1320040111

Mirloy, Gordon 2003 - *Mirloy L., Gordon M.* Sociolinguistics Method and interpretation. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 261 p.

Mishankina, Zilberman 2016 - *Mishankina N., Zilberman N.* «Soviet» in the Space of Social Networks: A Form of Political Reflection // *Digital Transformation and Global Society*. Springer International Publishing, 2016. Vol. 674. P. 45–50. DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_6

Pfeffer, Zorbach, Carley 2014 - *Pfeffer J., Zorbach T., Carley K.M.* Understanding online firestorms: Negative word-of-mouth dynamics in social media networks // *Journal of Marketing Communications*. 2014. Vol. 20, № 1–2. P. 117–128. DOI: 10.1080/13527266.2013.797778

Serrat 2017 - *Serrat O.* Social network analysis // *Knowledge solutions*. Springer Singapore, 2017. P. 39–43. DOI: 10.1007/978-981-10-0983-9_36

REFERENCES

Babenko, I.I. & Orlova, O.V. (2015) Language construction of national identity in the internet discourse: “Who Are the Rusyns and what language is Rusyn like? *Rusin*. 3 (41). pp. 79–89. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/6

Del Gaudio, S. (2015) Ukrainsko-russkaya smeshannaya rech’ “surzhik” v sisteme vzaimodeystviya ukrainskogo i russkogo yazykov [Ukrainian-Russian mixed speech “Surzhik” in the system of interaction of Ukrainian and Russian languages]. *Slověne*. 2. pp. 214–146.

Demyankov, V.Z. (2000) Semanticheskie roli i obrazy yazyka [Semantic roles and images of language]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk o yazyke* [Language about the Language]. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury. pp. 193–270.

Rezanova, Z.I. (ed.) (2009) *Kartiny russkogo mira: obrazy yazyka v diskursakh i tekstakh* [Pictures of the Russian World: Images of the Language in Discourses and Texts]. Tomsk: SK-S.

Katunin, D.A. (2014) The Ruthenian and Slovak languages in the current laws of Croatia. *Rusin*. 2 (36). pp. 296–311. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/36/19

Katunin, D.A. (2016) Equality of ethnic groups and languages in the laws of the Federal People’s Republic of Yugoslavia (1946–1963) as a fundamental principle of the state formation. *Rusin*. 3 (45). pp. 174–189. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/13

Kashkin, V.B. (2002) Bytovaya filosofiya yazyka i yazykovye kontrasty [Household philosophy of language and language contrasts]. In: Kashkin, V.B. (ed.) *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics].

Issue 3. Voronezh: Voronezh State Technical University. pp. 4–34.

Kurokhtina, T.N. (2009) Surzhik v Internetе [Surzhik on the Internet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2. pp. 101–112.

Liskovets, I.V. (2002) Trasyanka: proiskhozhdenie, sushchnost', funktsionirovanie [Trasianka: Origin, essence, functioning]. In: Shtyrkov, S. & Kolosova, V. (eds) *Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika* [Anthropology. Folklore. Linguistics]. Issue 2. St. Petersburg: St. Petersburg European University. pp. 329–343.

Mechkovskaya, N.B. (2005) Belorusskaya trasyanka i ukrainskiy surzhik: surrogaty etnicheskogo substandarta v ikh otnosheniyakh k massovoy kul'ture i literaturnym yazykam [Belarusian Trasianka and Ukrainian Surzhik: Surrogates of the ethnic sub-standard in their relations to mass culture and literary languages]. In: Kochergan, M.P. (ed.) *Problemi zistavnoi semantki* [Problems of Comparative Semantics]. Kyiv: National Academy of Sciences, Ukraine. pp. 109–115.

Frolova, E. (2016) *Samye populyarnye sotsial'nye seti v Rossii 2016* [The most popular social networks in Russia in 2016]. [Online] Available from: <http://www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2016>. (Accessed: 10th April 2017).

Skorvid, S.S. (2009) [The Rusin language(s) in the online mode]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic Languages and Culture in the Modern World]. Proc. of the International Symposium. Moscow: Moscow State University. pp. 317–318.

BRAND ANALYTICS. (2016) *Sotsial'nye seti v Rossii, osen' 2016* [Social networks in Russia. Autumn 2016]. [Online] Available from: <http://br-analytics.ru>. (Accessed: 10th April 2017).

Stepanov, Yu.S. (1995) Izmenchivyy "obraz yazyka" v nauke XX veka [A changing "image of language" in the science of the 20th century]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science of the Late Twentieth Century]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 7–34.

Sulyak, S.G. (2015) The Language of the Rusins of Bessarabia in the Works of the Pre-Revolutionary Ethnographers. *Rusin*. 3 (41). pp. 14–24. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/1

Suprun, A.E. (1989) Rusinskiy yazyk [The Rusin language]. In: Suprun, A.E. (ed.) *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [Introduction to the Slavic philology]. Minsk: Vysshaya shkola. pp. 132–135.

Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Progress.

Khentshel, G. (2013) Belorusskiy, russkiy i belorussko-russkaya smeshannaya rech' [Belarusian, Russian and Belarusian-Russian mixed speech]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 53–76.

Barnes, J.A. (1954) Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. 7. pp. 39–58. DOI: 10.1177/001872675400700102

Kramer, A.D.I., Guillory, J.E. & Hancock, J.T. (2014) Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 111 (24). pp. 8788–8790. DOI: 10.1073/pnas.1320040111

Mirloy, L. & Gordon, M. (2003) *Sociolinguistics Method and Interpretation*. Oxford: Blackwell Publishing.

Mishankina, N. & Zilberman, N. (2016) “Soviet” in the Space of Social Networks: A Form of Political Reflection. *Digital Transformation and Global Society*. 674. pp. 45–50. DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_6

Pfeffer, J., Zorbach, T. & Carley, K.M. (2014) Understanding online fire-storms: Negative word-of-mouth dynamics in social media networks. *Journal of Marketing Communications*. 20(1–2). pp. 117–128. DOI: 10.1080/13527266.2013.797778.

Serrat, O. (2017) Social network analysis. *Knowledge solutions*. pp. 39–43. DOI: 10.1007/978-981-10-0983-9_36.

Мишанкина Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Томского государственного университета (Россия).

Mishankina Natalia - Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University (Russia).
E-mail: mna@tpu.ru

Зильберман Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Томского государственного университета (Россия).

Zilberman Nadezhda - Tomsk State University (Russia).
E-mail: zilberman@ido.tsu.ru

УДК 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/8

РУСИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК У КОНЦЕПЦІЯХ УЧЕНЫХ І СТРАТЕГІЯХ ЯЗЫКОВЫХ КОНГРЕСІВ

А. Плішкова¹, З. Цітрякова²

Пряшівська універзіта у Пряшові –
Інститут русинського языка і културы
ул. 17. новембра, 15, Пряшів, 08005, Словенско

¹ E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

² E-mail: zdenkacitriakova@gmail.com

Резюме

Стаття є заміряна на акцептацію нормативного языка карпатських Русинів по році 1989 його вживателями і світовима ученыма. В роботі ся намагаєме найти потенціалны рішіня проблемів, котры в процесі кодифікації і практичного вживаня літературного языка ся систематично настолюють і дискутують на языковых конгресах, і суть сполочны про вшыткы регіоны, респ. країны, в котрых карпатскы Русины жыють. Обектом баданя ся про нас став язык як цілок, а предметом уже конкретный языковый прояв вживателів нормативного русинського языка.

Ключовы слова: Міджінародный конгрес русинського языка, русинський язык, языковы стратегії, языковы концепції.

РУСИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В КОНЦЕПЦИЯХ УЧЕНЫХ И СТРАТЕГИЯХ ЯЗЫКОВЫХ КОНГРЕССОВ*

А. Плишкова¹, З. Цитрякова²

Пряшевский университет в Пряшеве –
Институт русинского языка и культуры
Словакия, 08005, Пряшев, ул. 17 ноября, 15

¹ E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

² E-mail: zdenkacitriakova@gmail.com

Авторское резюме

Обсуждаются проблемы акцептации нормативного языка карпатских русинов его пользователями, а также учеными мира после 1989 г. Предприняты попытки решения проблем, которые систематически возникают в процессах практического использования и кодификации литературного языка и обсуждаются на языковых конгрессах. Эти проблемы являются общими для всех регионов, а также стран, в которых карпатские русины живут. Объектом исследования для нас стал язык как целое, предметом же – конкретное языковое выражение пользователей нормативного русинского языка.

Ключевые слова: Международный конгресс русинского языка, русинский язык, языковые стратегии, языковые концепции.

THE RUSYN LITERATY LANGUAGE IN CONCEPTS AND STRATEGIES OF LANGUAGE CONGRESSES**

A. Plishkova¹, Z. Citriakova²

University of Preshov – Institute of Rusyn Language and Culture
15, 17 November Street, Prešov, 08005, Slovakia

¹ E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

² E-mail: zdenkacitriakova@gmail.com

---

* Работа выполнена при поддержке Словацкого агентства исследований и разработок в соответствии с контрактом № APVV-0689-12.

** This research is supported by the Slovak Research and Development Agency under Contract Nr. APVV-0689-12.

Abstract

The article discusses the acceptance of normative language of Carpathian Rusyns (Rusins) by its users and world researchers after 1989. The authors are trying to find solutions to the highly debated systemic issues related to the codification and practical usage of literary language. These issues are common for all regions and countries with the Rusyn population. The research focuses on language as a whole and particularly on certain speech of normative Rusyn language users.

Keywords: International Congress of Rusyn (Rusin) language, Rusyn (Rusin) language, language strategies, language conceptions.

Вступ

Вопрос установління русинського літературного мови резонує між Русинами вже як триста років. Нелегкий і довгодобий процес його рішення є пов'язаний з таким же процесом рішення проблеми народної ідентичності, який в історії карпатських Русинів резонує од XVII. ст. (Tolstoj 1996: XIII). В часі, коли основні проблеми свого народного існування, т. є. народної ідентичності і літературного мови, рішення і вирішила переважна частина народів Середньої Європи у другій половині XIX. ст. – в періоді народного відродження, Русинам з різних причин ся не подарило дані проблеми дефінітивно вирішити аж до кінця XX. ст.

В новій політичній ситуації в Середній і Вихідній Європі і в новім русинськім «народнім відродженню» по році 1989 єдним з головних цілів русинського руху ся стала якраз кодифікація русинського мови. Можности видавання новинок, часописів і красної літератури в материнськім мови Русинів многих авторів інспіровало к пробам створити норми русинського мови. Так ся зачатком 90-х рр. XX. ст. на сцені обявлює декілько різних концепцій нормованого русинського мови, а з нима і явний мовний хаос. Скоордіновати розвиваючий ся процес штандардизації мови було цілём першого робочого семінара о русинськім мови в році 1992. По його скінчінню ся зачала активна робота мовознавців, котрі приправляли фінальну подобу норм русинського мови. Уж за нецїли три роки був кодифікований русинський мови на Словачії (1995), а за п'ять років пізніше в Польщі (2000). Русини в Мадярьску аж в сучасности завершують роботи над своїм нормативним мови. На Україні є ситуація найкомплікованіша, бо по році 1989 там було заєвідованих декілько норм літературного мови, але ані єдна з них не нашла ширшу підпору вживателів русинського мови. Мовний ситуацію надале до якоїсь міри координує і Міжнародний конгрес русинського мови, котрий ся скликає подля

потребы од року 1992, справила по 7–8 роках, жебы рїшати актуалны языковы проблемы і настолити новы задачї в інтересах языкового манажменту і языкового прогресу. З оглядом на то, же проблематика обсягу языковых конгресів, їх основного заміряня, аналізу становлених задач і вислїдків їх рїшаня в практиці донднесь не была зосумарізована, попробовали сьме то зробити у тій статї. Виходили сьме переважно із статей о языковых конгресах і рефератів опублікованих у пряшівскім часописї *Русин* (Словакія), із зборників із конгресів і з далшой літературы уведженой у бібліографії.

Першый міжнародный конгрес русиньского языка бив зорганізований 6. – 7. новембра 1992. р. в Бардеєвських Купелях. Ёго цілём было координувати зачаты роботы на формованю літературного русиньского языка. Імпулз ку кодифікації дав 1. Світовый конгрес Русинів, який ся одбыв у році 1991 у Міджілабірцях. Вопрос кодифікації русиньского языка резоновав у рефератах многих выступаючих. У тім періодї были іші силны протиаргументы з боку опонентів кодифікації, главно репрезентантів україньской інтелігенції, які аргументовали тым, же народ бісїдує різныма діалектами, зато ся не буде дати, ба докінця ани не є реалной потреби творити літературный язык. За круг сімпатізантів кодифікації опоновав професор Торонтьской універзїты історик Павел Роберт Маґочій словами, же *«вшыткы народы бісїдують різныма діалектами а інтелігенція якраз і має задачу вирішити тоту проблему»* (Маґочій 1991: 3). Конгрес повірив професора П.Р. Маґочія як експерта на історію Среднїй і Выходной Европы і на історію карпатських Русинів заадачов помочі зорганізувати першый робочій семінар, заміряный на можности штандардїзації нового літературного языка. Семінар з року 1992 пізніше ся записав до історії русиньского языка під назвов *Першый конгрес русиньского языка* і отворив шыршу діскузію о языковім манажменті в процесі формованя норматівного языка карпатських Русинів. Дякуючі фінанчній помочі Карпаторусиньского научного центра в США, на конгрес могли прийти визначны світовы славїсты, соціолоґове і історіци языка, які представили практичны скушености іншых народів з кодифікації тзв. малых літературных языків ці мікроязыків.

Участь на конгресї, окрем іншых учених, взяв і визначный америцький соціолінґвіста професор Джошуа Фішмен, слова якого выкликали великий резонанс міджі участниками. Бісїдуючі о феномені першых языковых конгресів у 18 народів Европы, Африки, Америки і Азії в роках 1849–1984 підкреслив, же крітеріом успіху першых конгресів не є ани так їх обсяг, як сформованя на них сталых комісій і іншых орґанів, які в далшых роках будуть над языком сістематічно робити. Повіджене ёго словами, *«першы конгресы суть нелем просто*

мобілізацныма фактарами пры будзякых вопросах, але маюць шырышу історічну функцію» і їх цілём є «розвинути функцію і статус языка, во імя якого ся они скликують» (Фішмен 1992: 53). Аплікуючы павіджэне на тогдышню языкову сітуацію Русинів, Джозуа Фішмен падкрэсліў, же кідь ся замініює єдна літэратурна еліта іншав, так то «не звыкне быти легким ділом ани приемным ділом, і мож чекати, же стара гарда самобытной української еліты буде зо вшыткых сил боёвати проти “молодым Туркам”, самобытным русиньскым елітам, котры ся самы выголошуют за кандідатів на “конкретне оцініня”, і котры аж дотеперь підпоровали українську етнічну і лінгвістичну орьєнтацію старой гарды» (Magocsi 1993: 124).

Практічны прыклады з кодифікації языка і ёго фунгаваня в школьскій але і в іншых сферах жывота малых народів в Европі послужыли в процесі языкового манажменту карпатських Русинів. Єдным з прыкладів ефектывного рїшаня языкового вопросу Русинів може быти конштитуаваня Комісії про русиньскый язык, якой задачав, подобно як і Комісії про монацькый язык, прадставленій на конгресі професорков Елейн Молло з Монака, є настолёвати і рїшати языковы праблемы, з науачного боку обробляти язык і помагати і радити при освїті в данім языку. Елейн Молло таксамо прадставила прыступы членів їх комісії к рїшаню дакотрых практїчных праблемів міджі нима, напр. к праблемі перебераня, респ. творїня новых слов про найновшы прадметы каждоденной потребы. Увела, же їх «кодифікаторы языка радше зволять метафорічны поступы заложены на аналогіі з тым цілём, жебы заховали шпецїфічность свого языка» (Молло 1992: 54). Выслїдком аплікації такога прїнціпу в русиньскім языку суть, напр. дакотры терміны з лінгвістїкы: *назывники* (*іменники* – укр.; *имена существительные* – рос.; *podstatné mená* – слов.), *придавнікы* (*прикметники* – укр.; *имена прилагательные* – рос.; *prídavné mená* – слов.), *містоназывники* (*займенники* – укр.; *местоимения* – рос.; *zámená* – слов.) і др.

Як ся вказало, найіншпїратівнішов про Русинів ся стала прадзентація моделу створїня дакількох літэратурных штандардів, на основі яких пізнїше бы могла възникнути єдна літэратурна норма. Такый модел про свій язык прїяла прыбліжно 40-тісячова народностна меншына Ретороманів у Швейцарії. Ретороманы понад 50 років у практїці хосновали шість варіантів літэратурного языка, каждый з властнов ґраматїков і словником, а тых шість варіантів ся тыж учїло в школах. На їх основі аж в році 1982 сформовали сполочный літэратурный язык *rumantsch grischun*, який од року 1996 ся став четвєртым урядным языком Швейцарії попри німецькїм, італьскїм і французькїм. Як было уж з резолюції І. Міджінародного конгресу русиньского языка

видно, тота концепція, респ. стратегія ся стала моделом, подля якого ся мало в рамках русиньского языка поступати к досягнутю подобных результатів, якых у своїм розвою досягли языки уведжених тзв. малых народів. Професор Вернер Каріґет, швейцарський учений, котрый ся занимає темов Ретороманів із Швейцарії, на адресу карпатських Русинів сконштатовав, же їх поважує за *«окрему етнічну ґрупу, котра бы мала быти, ба докінця мусить быти признана належними державами, у котрых живе»* (Каріґет 1992: 3). За важну задачу, реалізацію якої мож бы было помочи підвищеню народної самосвідомости Русинів, означив створіння народностного высилання в русиньскім языку в радію і телевізії і сформовання школьської системи в регіонах, де жыють Русины. Їго одповідь на вопрос, ці мож і в сучасности кодифіковати літературний язык, была позитівна: *«...Вопрос, ці кодифікація уже не є можна, ту не є на місці... кодифікація є все можна, докінця мусить ся зробити...», але зарівно варовав, же «...барз міцне знормованя, котре ся не дасть мініти, є мертве <...> кодифікація бы мала быти способна выразити status quo языка <...>, часом ся каждый язык мінить, а тоты зміны бы мав наслідувати і подля них ся мініти і письмовый норматівный язык»* (Каріґет 1992: 3).

Заключіня Першого языкового конґресу, прияти у Резолуції, свідчили о тім, же карпатськы Русины можуть піти путів якраз ретороманьского моделу. Аналогічно русиньський літературний язык ся мав зачати формувати на основі устных варіантів, респ. діалектів тых регіонів (штатів), де жыють Русины. Спочатку окреме про каждый з них мали vznikнути штири окремы русиньскы норми, причім єдна норма до того часу уже єствовала – войводинська (од року 1924), а поступно на їх основі бы ся мала зачати творити єдна сполочна, цілорусиньська норма. Ту треба але підкреслити, же хочь в дакотрых кроках бы мож было робити уступкы і зьєдночувати даны варіанти до єдної сполочної норми, тяжко мож тот процес ускорити. Як сьме увели, Ретороманы процес творіння єдиной норми завершыли аж по 50-ох роках фунґованя шестёх норем, а Русины ани по 25 роках од першого конґресу іщі не мають скодифікованы і усталены вшиткы регіональны норми.

Надвязуючі на общу характерістіку першых языковых конґресів у розлічных народів світа Дж. Фішмена, визначным вислідком і Першого конґресу русиньского языка было установлїня інтеррегіональної лінгвістичної комісії (на челі з доц. др. Юрієм Паньком, к. н.), котрої задачов было сістематічно ся стрічати і дискутовати о поступах при кодифікації. Важнов задачов тых стріч было добісідувати ся на зьєдночіню якнайвекшой кількості прінціпів у правописі, котры бы в будучности творили основу сполочної про вшиткы регіоны русинь-

ской літературной нормы. Інтеррегіональна комісія в далших двох роках систематично робила над сполочнов языковов термінологіов і орфографіов будованов од самого зачатку на прінціпах зближованя регіональных варіантів русиньского языка Словакії, Польщі і Закарпатя. В януарі 1993. р. на Словакії vznikнув Інштут русиньского языка і культуры при організації Русиньска оброда в Пряшові, який в році 1994 видав правила правопису, орфографічний словник, словник лінгвістичной термінології, букварь і читанку про основны школы. Під редакторством, а до значной міри і в авторстві Василя Ябура ся тоты матеріали стали основов про формалне выголошіня кодифікації русиньского языка на Словакії.

У Польщі був лемківський русинський язык кодифікований в році 2000 на основі ґраматіки польского лінгвісты професора Генрика Фонтаньского і лемківской учительки Мирославы Хомяк. На Україні языкова проблема доднесь зістає недорішена. Хоць ґрупи русиньских авторів выдали в році 1992 (І. Керча, В. Сочка-Боржавин), в році 1997 (І. Керча, М. Алмашій, С. Попович) і в році 1999 (І. Керча, М. Алмашій, С. Попович) ґраматіки, не вшыты авторы і вживателі языка їх акцептовали як штандарт. Пізніше, в році 2005, была в авторстві Д. Сидора опублікована далша ґраматіка – з амбіціов стати ся літературным штандартом про Русинів України, Централной Европы і Америки. Таксамо як попередні, ани она не зазнала шырше вживаня. Вызначным приносом у процесі кодифікації русиньского языка на Україні є ряд словників авторів Димитрія Попа, Ігора Керчі, Юрія Чорія, котры вышли в остатніх роках. Найактуалнішов пробов створити нормативный язык про Русинів на Закарпатю суть роботы з року 2014: *Орфографічно-орфоепічний словник* М. Алмашія, *Словник лінгвістичной термінології* М. Алмашія і М. Ухалія і *ґраматіка русиньского языка* А. Меґелы.

Мадярьскы Русины на першім конґресі вопрос кодифікації окремого русиньского языка не настолёвали. Їх представителі вирішили перевзяти літературный штандарт од Русинів Словакії, котрый був найблизший діалекту села Комлошка (бывша Земплінська жупа), жителі або родаци з котрого, такы як Габрьел Гаттінґер і Ласло / Василь Поповіч, ся зачали анґажовати як першы в русиньскім народнім возроджію в Мадярьску. Діскузії о кодифікації ся розвинули в Мадярьску аж омного пізніше, кідь в русиньскім русі зачали доміновати Русины родом із Підкарпатя і в Мадярьску зачали виходити публікації і періодічны виданя без будьяких орфографічных норем. Докінця і в школах, в котрых ся зачало вести навчаня русиньского языка кінцём 90-х рр. XX. ст., ситуація не была єднотна: єдна школа – в Мучоню – перешла поступно з пряшівского на войводиньский варіант русиньского

языка, а друга – в Комлошці – охабила собі пряшівський варіант. За дакілько років пізніше у мадярських Русинів ся створила зась нова языкова ситуація, репрезентована періодичными і неперіодичными виданнями, в яких уж дакілько років ани єден з уведжених варіантів ся не вживать, а видавателі преферують квазі підкарпатський варіант русиньского языка, який, думає собі, має потенціал в будучности ся стати основов языковой нормы мадярських Русинів.

Другый міжнародный конгрес русиньского языка бив зорганізований з ініціативи проф. др. Павла Роберта Магочія 16–17 апріля 1999. р. на Пряшівській універзиті (ПУ). Реалізовав ся у звязи зо vznikом Одділїня русиньского языка і културы в рамках Інштитуту народностных штудій і чуждїх языків ПУ, як першой, і дотеперь єдиной на Словакії, високошкольської научно-педагогічної інституції заміряной на русиністику, потребу якої декларовала Резолюція з Першого языкового конгресу. Створіня катедры русиньского языка і културы на педагогічній або філософічній факулті Універзиты Павла Йозефа Шафарика ініціювали і активно ся ній дожадовали представителі найвызначнішой русиньской організації, яка vznikла по році 1989, Русиньской оброды на Словакії, уже од початку 90-х рр. XX ст. Треба повісти, же первістным планом было і Перший конгрес русиньского языка зорганізувати на тогдышній Універзиті Павла Йозефа Шафарика у Пряшові, но як у своїм вступнім рефераті повіла ведуча нового Одділїня русиньского языка і културы пг др. Анна Плішкова: *«...русиньскы антипатії главно проукраїнських ідеологів суть такы визначны, же были способны загамовати можность скорішого установлїня пожадываной Катедры русиньского языка і културы овпливнёванём голосованя в наш непроспїх в академічных сенатах окремых факулт в минулых роках...»* (Плішкова 1999: 2).

Другый конгрес у резолюції потвердив правилность основных принципів, приятых першым конгресом у языковім манажменті, і поставив новы задачі в процесі росшырєваня функціональных сфер окремых варіантів русиньского языка, причім за пріорітну означів сферу школьску. Основными задачами про регіоналну языкову секцію на Словакії было выдати потрібны учебники русиньского языка і літературы про основны школы, учебник морфології русиньского языка, триязычный русиньско-словацько-англіцький словник і обновити роботу міжнародной лінгвістичной секції. Днесь мож сконштатовати, же учебники про основны школы были протягом далшых років выданы, обновити роботу міжнародной лінгвістичной секції ся подарило, но не стрічала ся так часто, як то было в періоді по Першім языковім конгресі, коли потреба зєединити силы была омного векша. Русиньско-словацько-англіцький словник ся в тім часі не выдав, докінця ани словник

руси́ньско-слова́цкий. Быв виданий лем *Орфографічний словник руси́ньского языка* (1994). Аж в 2009. р. був виданий конверзачный приручник, якого часть творив якраз руси́ньско-слова́цько-англі́цький словник. Першы́й перекладовый слова́цько-руси́ньский словник був виданий Юрі́єм Паньком аж в роках 2012 (I. часть – А–О) і 2015 (II. часть – П–Ж). До того часу був виданий лем правописный і грама́тичний словник *Руси́ньска лексі́ка* (2007), но перекладовый словник хыбив. Морфологію руси́ньского языка ся до далшого конгресу выдати тыж не подарило. Руси́ньска морфологія была першыраз опублікована аж в році 2009 у високошкольскім учебнику *Сучасный руси́ньский списовный язык* (авторы В. Ябур, А. Плішкова), а пізніше, в році 2015, уж як окрема публікація ведно із синтаксісом (автор В. Ябур) в рамках 7-ділной серії високошкольських учебників, котры были выслідком проекту підпореного з фондів Европской унії під назвов *Зліпші́ня языковых компетенцій студентів Пряшівской універзіты в Пряшові в языках народностных меншын*, до котрого був запоемый і Інштітут руси́ньского языка і културы ПУ в 2013–2015. рр.

Основныма задачами про языкову секцію в Польщі было зліпшы́ти языкову уровень школьських учебників на основі грама́тики лемківского языка, выдати лемківско-польскый словник і докінчіти тематі́чний інтеррегіона́льный словник. Важнов задачов про Лемків у Польщі было отворити одді́ліня лемківского языка, в рамках дакотрой універзіты і домагати ся на Міністерстві школства Польщі отворити педагогі́чне одді́ліня про выхову будучіх учітелів руси́ньского языка. Уж в році 2000 ся подарило з ініціатівы представітелів лемківской о́рганізаціі Товаришы́ня Лемків і за помочі Міністерства школства зорганізувати курзо́конференцію про учітелів лемківского языка, котра дала можность педаго́гам здобыти свідо́цтво потверджу́юще і́х кваліфіка́цію на лемківський язык. О рік пізніше був лемківський язык уведжений до високошкольської сістемы навчання. На Педагогі́чній академі́ї в Кракові був отворений штуді́йный програм російска філологія з руси́ньско-лемківскым языком. То значіть, же важный пункт з Резолю́ції Другого языкового конгресу ся Руси́нам у Польщі подарило сповнити. Іщі до конгресу був пригото́вленный новый програм навчання про основны школы і гімназі́ї а пізніше, в році 2001, був пригото́вленный і новый програм навчання про ліце́ї, техні́чны і одборны школы. В 2000. р. вышла нова грама́тика лемківского языка (авторы Г. Фонтанський, М. Хомяк), яка ся стала основов кодифікованого лемківского / руси́ньского языка в Польщі. В згоді з резолю́ціов конгресу выходили новы учебники лемківского языка уж на основі управленой лемківской грама́тики. Зо словників вышов по конгресі лемківско-польскый словник Ярослава Горо́щака (2004) і

три польсько-лемківсько-англіцькы тематічны словничкы Мирославы Хомяк і Магдалены Горьской (2003, 2004, 2006).

Перед регіоналну языкову секцію Мадярьска резолюція з II. Мід-жінародного конгресу русиньского языка поставила задачу продовжовати в приправі оригінальних школьских учебників і до того часу адаптовати на містны условія учебники з інших русиньских регіонів, де уже учебники были виданы. Далшов задачов была култівація языковой нормы періодічної преси і видаваня старых русиньских письменных памяток. В сучасности Русины в Мадярьску видають властны учебники, котрых языкова база виходить із підкарпатських русиньских діалектів. Русины в Мадярьску од зачатку ревіталізацного процесу активно приступали і доднесь приступають к видаваню старых русиньских письменных памяток. Велику заслугу на тім мав професор Іштван Удварі, котрый видав дакілько цінних публікацій історічного характеру, і професор Михайло Капраль, котрый доднесь публікує стары цінны матеріали або вибір текстів з русиньской преси ужгородських новинок з періоду, коли Підкарпатська Русь належала під Мадярьско.

Вопрос култівації языковой нормы в пресі мадярьских Русинів слідуєме аж по році 2003, коли зачав у Будапешті виходити часопис *Русинський світ*. Ту уж были назнакы ефектівнішої роботи над културов языка преси. Якраз на тых сторінках, видить ся нам, же ся формує будучій літературний штандарт русиньского языка в Мадярьску. Новинкы поступом часу зачали виходити цілы в русиньскім языку, сторінкы в мадярьскім языку виходили уже не так часто, і счаси ся выкристалізовала яснїша языкова норма.

Задачі, якы были в резолюції II. конгресу поставлены про регіоналну секцію Закарпатя, были повязаны з далшым продовжінєм работ над теоретічними і практичними вопросами приправи ґраматікы, словників, красной літературы, котры ся мали стати основов про кодифікацію і наслідне узнання штатом русиньского языка як самостатного языка на Україні. Многы авторы к тым задачам приступили активно і выдали доста велику часть публікацій, словників і красной літературы. Но дефінітівного языкового консензусу ся Русинам на Закарпатю не подарило досягнути, і так языкова сітуація на Україні вызерать дость хаотічно, без назнаку акцептованя бодай єдною з уж представлених норм. Наїсто тот языковий хаос детермінує і факт, же Русины на Україні не суть вызнаны як окрема народностна меншына.

Пункты резолюції уже в тематічных секціях (релігія, едукація, красна література) нашли по конгресі свою практичну реалізацію. Языкову норму текстів релігійного характеру ґарантовало оддіління русиньского языка і културы Інштитуту народностных штудій і чужджих языків ПУ,

по котрій були предложені на схвалення церковній верхності, но наслідком довгого процесу схвалення до днешніх днів про потреби пасторації дістали імприматур лем даккотри з них, напр. *Апостоли і Євангелія на неділі і свята цілого року, Требник з Тайнами Крещіння, Міропамазаня і Вінчаня*.

Кідь бісідувати за красну літературу, можеме повісти, же то був єден з найуспішніше реалізованих пунктів резолюції, бо творча продукція красной літератури была доста серйозна, хоч і в тім напрямі хыбують дакотри жанры, напр. перекладова література, котра бы помогла двигати уровень красной літератури і шырше ей пропаговати. Окрем того, хыбить в русиньскім контексті і літературна теорія, а таксамо серйозна літературна критика, котра бы указовала напрям у далшій продукції красной літератури.

Особиту часть Другого конгресу творило формулованя стратегії в приправах монографії *Русиньскый язык* в рамках научного проекту Опольской універзیتی в Польщі під назвов *Współczesne przemiany języków słowiańskich* в серії *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Выданєм той монографії в році 2004, яке ініціював Міжнародный комітет славістів, русиньскый язык був офіційно приятый за члена родини славянських языків. То був найвызначніший досягнутый результат про русиньскый язык по 2. конгресі, бо здобув міжнародну акцептацію учених.

У звязи з приправлєванов публікацій і офіційным зачленінєм русиньского языка к іншим славянським языкам був інтересный реферат визначного лінгвісты і славісты з Месечусетської універзیتی в США – професора Роберта А. Ротштейна, котрый брав участь на Другім языковім конгресі. Участникам конгресу представив позицію славісты, ці в общім лінгвісты, к вопросу створіння нового літературного языка. При вираженю своїх думок ся часто одкликовав і на высловы інших світових лінгвістів. В общім ся їх позиція сходить на тім, же лінгвісты не можуть дати одповідь на вопрос ці має або не має быти створений даякый новий язык. У компетенції лінгвістів є лем обективно виділити шпецифічності того або іншого діалекту, лінгвісты можуть оцінити путь, котру даный «нерозвинутый» язык уже перешов к тому, жебы ся став «розвинутым». Лінгвісты можуть становити діштанцію міджі двома близкыма языками, ці діалектом і языком, або і міджі сусідніма языками. Лінгвісты але не мають право повісти, ці треба або не треба, жебы даный язык екзистовав окреме, а уж цалком ні, ці має або не має право на екзистенцію в общім. То, ці даный язык є потрібный, мусять вирішити люде, котры го хоснують, а то ці має перспективу на окрему екзистенцію, укаже аж час. Ротштейн ся на структуру русиньского языка позерав на основі критерій, які

поставив визначний америцький лінгвіста Пол Гарвін, прихылник Празького лінгвістичного кружка. Гарвін виділив критерії, подля котрых мож оцінити ступінь языкового штандарту. Першым критерієм были характерістичны знакы штандартного (літературного) языка, а то два конкретны – *гыбка стабільность* (термін Вілгема Матезія), то значить як мож приспособлєвати кодифікацію змінам у культурі, і *інтелектуалізація або раціоналізація* (термін Богуслава Гавранка), то значить спосібность языкового прояву выразити звязкы і комплікованость думаня, при кодифікації нового языка є то *«все наростаючий ступінь точности в шкалі функціональных діалектів од говорового по научный»* (Ротштейн 1999: 32). К першому критерію Ротштейн не высловив свій погляд, лем сконштатовав, же *«ці мож буде кодифікацію приспособлєвати культурі»* – *«укаже будучность»* (Ротштейн 1999: 32), а о темі наростаючої інтелектуалізації автор охабив простор на погляды другим участникам.

Днесь мож сконштатовати, же функціонална сфера хоснованя языка ся поступно росшырює скоро до вшыткых областей, но є то процес довгий і нелегкий. Є ясне, же дакотры сферы функціонованя русиньского языка доднесь не суть розвинуты, бо вживателі языка в сучасности ани не мають потребу в даных сферах русиньскый язык вживати. Другым критерієм, який, одкликуючі ся на Гарвіна, Ротштейн уводить, є функція штандартного языка водну языковой громады, де выдільує штири такы функції:

а) *Обєдinjaючу*, котра є в русиньскім языку *«звязана з довгочасным проєктом вытворїня єдного общого літературного штандарту про вшыткы теріторіалны варіанты»* (Ротштейн 1999: 32). Ротштейн ся при тім пункті приставив довше, бо як сам высвітлює, позераючи на факт, же язык войводиных Русинів є своєв генетичнов основов далекий од языка пряшівських, лемківських і закарпатських Русинів, буде процес формованя єдного общого языка про вшыткы регіоны іщі тяжкий, як ся може на першый погляд відіти.

б) *Выдїляючу*, де подля Ротштейна, хочь теоретично і практично мож становити даяку діштанцію єдного варіанту од іншого, но то, ці даны варіанты суть діалектами єдного языка, або окремыма языками, лінгвісты вирішыти не можуть. Ілустровав то на прикладі, же *«словацький і чеський язык або український і російський язык одлишуют ся в достаточній мірі на то, жебы їх мож было узнати самостатныма языками, но венеціанський і сіцільський, котры взаємно ся порозуміти не дадут, поважують ся за діалекты єдного італьского языка»* (Ротштейн 1999: 32). Далє подля нєго лінгвістичны одлишности суть часто спроваджаны одлишностями етнографічныма і уводить приклады, котрыма доказує, же русиньска языкова теріторія ся одлишує і ет-

нографічно. У своїм рефераті назначує зосередити увагу на то, коли – в яким часі або за яких обставин – російсько-український філолог Александер Афанасьєвич Потєбня отворив вопрос лінгвістичной і народной самобытности – тогды, як рецензував етнографічну роботу *Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси* Якова Головацького, які вышла у Львові в 1863. р.

в) *Престижна функція*, яку Ротштейн скоментовав ведно з *еталоннов функціов* так, же уж видно проявы тых функцій русиньского языка мінімално міджі русиньскыма діятелями і писателями вшиткых штирѣх варіантів. Аж будучность подля нѣго укаже, до какой міры ся тоты функції росшырять за рамки релатівно узкого кругу інтелігенції, т. з. до какой міры русиньска языкова громада буде горда на екзистенцію знормованого языка і буде решпектовати ёго нормы. Днесь мож повісти, же хоць круг вживателїв і престижность русиньского языка значно підросли, но з дотримованѣм языковых норм суть проблемы у вшиткых країнах. Притім треба брати до увагы і факт, же доднесь ся не подарило створити таку едукачну сістему, хоць є то основным цілѣм Русинів у кождій країні, де жыють, котра бы выховала ґенерацію людей уже незатяжену такыма проблемами.

Ротштейн представив погляд лінгвісты на вопрос створїня нового літературного языка, то значить незаінтересоване одношіня к думкам і чувствам бісїдуючіх даным языком. Роздумуючі о перспективі русиньского языка конштатує, же *«ці будуть учебники славістікы в 21. сторочу споминати міджі славянськыма літературнымы языками і русиньский язык – о тім вирішить факт, ці ся удасть самым Русинам добити ся про свій лінгвістичный код стабільности норм, шырокого діапазону вживаня, узнаня і лояльности з боку членів властной языковой громады»* (Ротштейн 1999: 34).

Третій міжнародный конґрес русиньского языка був 13–16. септембра 2007. р. в Кракові. Тематичне заміряня того конґресу, в порівнаню з минулыма конґрєсами, было шырше і мало двоякый характер: научно-теоретичный і педагогічно-практичный. Выходячі з ёго пятѣх основных тем, третій конґрес був у першім ряді свідоцтвом сучасного ставу русиньского языка в ёго штирѣх варіантах, презентаціов актуалных проблемів в окремых сферах функціонованя языка з найбівшим акцентом – по першыраз в історії русиньских языковых конґресів – на сферу школьску, чого доказом была ай найбівша участь на нїм учітелїв русиньского языка (приблизно 40 учітелїв) з окремых країн. З того погляду конґрес мав барз практичне значіня, бо од року 1989 в русиньскім народностнім жывоті не був зорґанізований ани єден подобный форум зо замірянѣм на презентацію практичных проблемів навчаня русиньского языка на окремых ступнях освіти і

в окремих країнах, де карпатські Русини живуть: в Польщі, Сербії, Хорватії, Словачії, Україні, Малярську, Румунії. Виступління учителів у даній секції свідчили о потребі частіших взаємних контактів, а то ці на інтеррегіональних радах учителів, або на учительських конференціях.

За дану секцію була дорезолюції III. конгресу наформулована задача: підвишити рівень навчання русинського мови і розширити кількість клас, респ. шкіл з навчанєм русинського мови, а то посередництвом мотивації як школярів і учителів, так і родичів. Вивживати притім треба вшитки доступні медії, средства і методи – масмедії, спеціалізовані інтернетові сторінки, олімпіади з русинського мови, прямий контакт з родичами, але таксамо помагати учителям з методичними матеріалами посередництвом єствуючої преси, респ. створінєм педагогічного часопису інтеррегіонального характеру.

Од III. конгресу минуло 10 років, але высшеуведжений пункт резолюції ся не подарило сповнити: не vznikнув ані часопис про педагогів, ані спеціалізована інтернетова сторінка, не были зреалізовані конференції педагогів, на котрых бы собі могли выміняти скушености з педагогічного процесу навчання русинського мови. Думає собі, же інтерес о навчання русинського мови є, і докінця має потенціал рости, а то вдяка проектам дакотрых русинських організацій і конкретным людям. Потвержує то, напр. і сондованя формов анкеты міджі студентами Середньої педагогічної і соціальної академії в Пряшові з року 2016, яке організував Одбор школства Пряшівського самосправного краю. За недостаток поважуєме довгодобу абсенцію конштруктивних рішінь з боку штату. Даякий прогрес у сфері русинського школства на Словачії ся чекать по році 2016, коли по парламентних вольбах прияте Програмове выголошіня Влади Словацької републіки обягує параграф о потребі розвою русинського школства. Выходячі з нёго, влада ся завязала выпрацювати *Концепцію розвитку навчання русинського мови і култури в матерських школах, основных школах і середніх школах*.

На основі уведженого, Міністерство школства, науки, баданя і шпорту Словацької републіки ініціювало в році 2016 сформованя робочої групи, членами котрої ся стали робітники Інштитуту русинського мови і култури Пряшівської універзیتی в Пряшові, русинські педагоги і активісти, але тыж представителі Одбору школства Пряшівського самосправного краю. На стрічах робочої групи ся аналізували основні проблеми в процесі розвою школства Русинів на Словачії од матерських аж по середні школы, але тыж сондовав ся інтерес о навчання русинського мови в Пряшові, обговорёвали ся способы, якими бы мож было русинський мови завести до навчалного процесу якнайбівшого чісла шкіл. Робота над концепціов была закінчена в

році 2017 і маємо надію, же в далших роках ся зачне реалізовати і принесе конкретны резултаты до розвою русиньского школства. Бо єдина росшырена форма навчання – через проєкт *Вечерні школы русиньского літературного языка про діти і дорослых* – поставлена на річных проєктах підпореных з ґрантовой сістемы Уряду влады Словацькой републіки, програму Култура народностных меншын, не може супловати невыповнены обовязкы штату в одношіню к народностному школству Русинів.

III. конгрес далє ідентіфіковав сполочны проблемы про вшыткы варіанты русиньского языка. Єдным з них є проблема транслітерації кірілікы до латинікы, но таксамо вопрос хоснованя латинікы намісто кірілікы. Тов проблематіков ся у своїм рефераті занимав Роберт А. Ротштейн. На прикладах многих языків указав балансованя многих народів над хоснованєм єдной або другой ґрафічної сітмы. Вибір кірілікы як ґрафічної сістемы про русиньський язык Ротштейн оцінює позітивно, але на слідуючих ёго словах – *«каждый <...> может без труда читать произведения классиков, так как они напечатаны тем же шрифтом, что все проходили в школе... и даже если взять в руки дореволюционное издание, не очень-то трудно привыкнуть к ятям и ерам... но в государствах, где ввели новый (или обновленный) алфавит, придется или переиздать произведения старшей литературы в новой графической форме, или ввести в школы науку предыдущих систем письма»* (Ротштейн 2008: 29) – мож выразити ґро проблемы приніманя на Словакії кірілікы як ґрафічної основы русиньского языка. На основі того мож бы было сконштатовати, же поky русиньський язык не є у повній мірі заведжений до школьської сістемы, може требало бы веце увагы приділити вопросу вживаня двойґрафічної сістемы.

К вирішіню проблемы транслітерації русиньского тексту до латинікы не дішло ани в рамках конгресу, ани по нїм. Доднесь транслітерація проходить переважно в залежности од автора самого, к якому моделу ся прихылить. До днешніх днів лем авторы русиньского языка на Словакії створили сістему перепису русиньских букв до латиньской ґрафічної сістемы, котру представили як можливість к єднотній транслітерації про вшыткых Русинів. Днесь на основі той транслітерачной сістемы є уже створений і он-лайн транслітерачный програм (<http://translit.tota.sk/>), котрый переводить тексты як до латинікы, так до кірілікы.

Далший вопрос, який на языковім конгресі зазвучав, ся дотулять перебераня слов з інших языків. Каждый русиньський варіант ся находит під міцным впливом маєрітного языка державы, з котрым Русины приходять до каждоденного контакту, зато їх лексіка одражать дану сітуацію. На тему перебераня лексем до русиньского языка свій

погляд висловив професор Штефан Пю. Про потреби функціонування мови в певних сферах є перебрання слів потрібне, зато подля нього *«не имеет смысла выдумывать новые слова с родными корнями в основе»*, коли *«все соседние (родственные и неродственные) языки давно употребляют такие же заимствования»* (Pugh 2008: 33). Включіня інтернаціоналізмів і слів, котры носителі мови досправды вживають до літературного мови, видить Пю як єдине можливе рішіння проблеми, бо творіня новых лексем могло бы быти про носителів мови проблематичным як при порозумліню, так і при хоснованю. Притім перебраны новы слова і інтернаціоналізми суть уже зрозумілы переважній частині людей, бо они од дітинства знають другы мовы, в котрых ся тоты слова уже давно вживають, хоць в дакус іншій фонетичній подобі.

З даной тематичной секції были до Резолюції включены новы задачи, в першій ряді, жебы до далшого конгресу ся зномовав літературний мови на Україні. Днесь мож конштатовати, же конкретны крокы были зроблены, а на далшій, IV. конгресі (2015) были і презентованы, о чім сьме уж говорили выще. Але ці досправды тот предложеный варіант стане ся про Русинів на Україні літературним мови, укаже аж час. Выходячі з резолюції III. конгресу, мали бы ся кодифікованы варіанты русиньского мови дале розвивати на принципі лексичной поліваріантности із захованєм шпеціфічных знаків карпатських русиньских діалектів.

Єднов із визначных тем третього конгресу, офіційно назад настановленов по нецільх 15-х рр., была і проблематика створіня цілорусиньской мови норми. До живота їй наворачили практичны потреби – в подобі сполочных русиньских, переважно научных проєктів, якы выжадают мати єдину русиньску правописну норму. В рамках теми прозвучали практичны пропозиції на зближованя варіантів русиньского мови в ровині графеміки, орфографії, фонологічної і морфологічної системи мови. Презентовали ся проблеми вживаня розділной лінгвістичной термінології наперек тому, же словник лінгвістичных термінів з 1994. р. був выслідком консензу тогдышньої інтеррегіональной лінгвістичной комісії.

У звязи з тым прозвучало дакілько конкретных пропозицій на зближованя варіантів. Доцент Василь Ябур, єден із кодифікаторів русиньского мови на Словакії, ся заміряв на зближованя графеміки і орфографії. Якраз графеміка є з єго погляду основным і найлегшым кроком к створіню єднотного мови про певных Русинів. Подля нього легко мож зреалізувати уніфікацію в одборній термінології (граматичній, літературній, методичній і т. п.). Запропонував два способы рішаня вопросу єднотной графемічної системи: 1) выпущіня буквы

Ї із словацького і закарпатського варіанту языка І. Керчі, доповніня закарпатського варіанту І. Керчі розділовым твердым знаком (ь), а лемківського варіанту йотованов буквов І; у выслідку мав бы алфавіт тых трёх варіантів 35 еднакых букв; 2) доповнити лемківський язык о дві йотованы буквы І, Ё, а другы варіанты бы ся в тім припаді не мусили управлєвати. У выслідку бы алфавіт мав 36 еднакых букв (Ябур 2008: 178–187).

Польскы авторы лемківської ґраматіки Генрик Фонтанський ведно з Мирославов Хомяк представили свої рекомендації к зьєдночіню лінгвістичной термінології. Як єден можный консензус відять зьєдночіня термінів, якы ся не дуже од себе одрізняють, ходем на уровни орфоґрафії, а при термінах, котры ся в окремых варіантах вжывають в цалком іншых подобах, зістати при завжываных формах. Но притім пропонують евентуално при творіню ґраматіки і научных лінгвістичных робот вжывати термінологію інтернаціоналну (Fontański, Chomiak 2008: 188–191).

Не менше важнов была тема актуалных проблемів русинських кодифікованых варіантів. У даній секції реферуєчи з окремых країн у переважній мірі коментовали главно неакцептацію норматіного языка в масмедіях, котры мають визначный вплив на носителів языка, через який вносять до їх свідомости чувство нестабільности літературной нормы або похыбности о кодифікованій нормі. Выходячі з даной сітуації, до Резолюції была включена задача старати ся в конкретных функціональных сферах дотримовати прияти правила орфоґрафії і орфоєпії а з тым цілём оґранізовати языковы конзултанції русинських лінгвістів з робітниками окремых сфер хоснуючих літературный русинський язык в писмовій і устній формі. У выслідках ся уровень языка до днешніх днів зліпшыла, но од норматівной подобы має іщі далеко. Доднесь редакції народностного высыланя не мають языкового редактора, котрый бы дозерав на уровень языкового прояву редакторів. З тотожнов проблемов ся стрічаєме і в театрі, і в далшых масмедіях, де язык ся передає устнов формов. Ліпше на тім суть друкованы масмедії, котры уже языкового редактора мають і тексты виходять ходем єднотно. Што ся дотулять языка масмедій у Польщі, то і друкований часопис *Бесіда*, і веб-сайт ЛЕМ.фм має своїх языковых редакторів, котры контролюють дотримованя языковой нормы в публікованых текстах. Великов задачов, котра бы помогла зліпшыти языковы компетенції редакторів, герців і іншых активных хоснователів языка, бы было выданя сінонімічных і перекладовых словників у окремых варіантах русинського языка про розлічны сферы вжываня. Дотеперь був выданий лем малый *Русинський синонімічний словарь из украинськыма відповідниками* Д. Попа (Поп,

Поп 2001), перекладовы словники, як сьме вже споминали, вышли на Україні, в Польщі і Словакії. В періоді по III. языковім конгресі був на Словакії публікований іщі єден одборный термінологічний словник, котрый був приправлений на основі пожадавкы Уряду влады СР, але тот не досягує високой языковой культуры.

Четвертый міжнародный конгрес русиньского языка ся одбив 23–25.9.2015. р. на Пряшівській універзиті і був присвячений 20-річному юбілею кодифікації русиньского языка на Словакії. Він продовжыв уж зачаты на 3. конгресі дискузії, передовшыткым о позиції русиньского языка в школьській сфері в окремых країнах і о способах апеляції на компетентны штатны орґаны, жебы реалізовали конкретны крокы на сповніня становленого конгресом основного ціля – зліпшыти недобру позицію русиньского языка в школьській сістемі нелем на Словакії, але і в других державах Европской унії, а таксамо на Україні, де компактно жыють Русины. На конгресі была зато зволена Рада Асоціації на підпору русиньского языка і культуры, членами котрой суть науковці – русиньскы особыности в окремых країнах. Якраз перед новостворену Асоціацію на підпору русиньского языка были на кінцю конгреса поставлены задачі, подобно як і про далшы робочі секції конгреса.

Задачов першой тематічної секції зафіксованов у резолюції є зміцнёвати статус русиньского літературного языка в домашніх і міжнародных кругах лінгвістів. Дана секція ся занимала статусом русиньского языка в шыршім контексті. Як першы на ній выступив професор Павел Роберт Маґочій, котрый настолів дакотры найосновнішы вопросы. Першов ёго пропозиційов было дефінітівно вирішыти вопрос єднотного алфавіту. Другов пропозиційов было вирішыти проблемы транслітерації до латинікы, што є важным проблемом у процесі интернетовой комунікації, яка у векшыні світа є поставлена на латиніці. Тым, же дакотры языкы, точніше їх алфавіты мають доповнюючі діакрітичны знакы, вжывають ся в комунікації міджі Русинами різны формы запису латиньскыма буквама. Наслідком того в *«русиньскоязычний интернетовій комунікації на латиньській абецеді панує анархія і хаос»* (Маґочій 2015: 13). Маґочій ту видить велику потребу зьєднотня транслітерації. Далє настолів вопрос, хто ся має постарати, жебы ся русиньскый язык дістав до списку языків світа «Ethnologue» і до списку літературных языків «Infoterm Vienna». В результаті бы тоты вопросы на себе мала брати новостворена Асоціація на підпору русиньского языка. Ту треба додати, же русиньскый язык ся на днешній день находит у списках обидвох міжнародных орґанізацій і має приділений свій міжнародный код ISO 639, конкретно в третій части міжнародного штандарту, який обсягує тримістны абецедны коды про цілкове покриття языків, значить ISO 639-3 RUE.

Новым способом дослідження мови взагалі ся явить корпусова лінгвістика. Перша проба зложити мовний корпус про русинський мову була представлена в рамках першої секції IV. Міжнародного конгресу русинського мови. Корпус русинського мови є научним проектом лінгвістів із Славистичного інституту Університету у Фрайбургу (Німечко) під ведінням професора Ахіма Рабуса. Основним інтересом німецьких лінгвістів є захопити сучасний розвиток автентичного бісідного мови Русинів, причім виходять з гіпотези, же мовна інтерференція маєрїтного мови країни до русинського мови має динамічний вплив на його структуру. Бадателі ся заміряли на пригранічні області, жебы здобули одповідь на вопрос, які зміни настали в діалектах єдного континуума по його розділінню границями. У своїй основі мовний корпус бісідного русинського мови є величезнов базов на далше дослідження живого мови Русинів. Корпус дає можности на його поповнєня, і таким способом здобути релевантних указателів будьякого лінгвістичного досліджіння. З нашого погляду найактуальніше бы міг даний мовний корпус барз добрі послужити при розроблінню синтаксису, але і штілістики русинського мови, котрі суть із вшитких ровин чей найменше розроблені. Думаєме сі, же якраз діалектний мовний корпус, за умовія якостного позберання матеріалу, є в сучасности про потреби докладного спрацювання мови найвгодніший, бо дослідження русинського мови з корпусу нормативного мови, як то роблять в інших мови, бы могло дати неточні результати. Синтаксична і штілістична ровина нормативного мови, главно у писмовій формі, можуть на данім ступню свого розвитку быти іщі позначені російським або українським мови. Зато собі думаєме, же виходити з досліджіння живого мови бы привело к вислідкам, т. з. і правилам, які бы в результаті без будьяких проблемів прияли самі вживателі мови.

В рамках другої тематичної секції до Резолюції была прията задача дале култіювати мовну норму в окремих ровинах і намагати ся досягнути консензус у дотримованю їй правил. Актуалнов зістала задача прията іщі на третім мовнім конгресі, а то зложити і прияти єдиний алфавіт русинського мови, котрий бы ся хосновав у кожній країні, де жыють Русини. Послїднєв у даній секції была задача адресована передовшыткым Асоціації на підпору русинського мови, а то апелувати на штатні органи України імплементувати русинський мову як самостатний мінорітний мову до практичних сфер жывота Русинів. Подля заключіння третей секції, задачов новоствореной Асоціації є тыж апелувати на представителів Грекокатолицької і Православної церкви у вшитких країнах, де жыють Русини, жебы підтримували розвиток русинської пасторачной практики і про віруючих русинської народности жебы завели богослужіння в русинськїм літературнім мови.

Четверта тематична секція была заміряна на тему функціонування русинського языка в школьській системі і проходила формов моделюваної дискусії. Їй учасниками были учітелі русинського языка з розлічных держав на єднім боці, і представителі штатных орґанів, котры забезпечують імплементацію *Европской харты регіональных або меншыновых языків* у поєднаних країнах Европской унії, на другім боці. На конґрес были позваны таксамо представителі Европского парламенту, котры дозерають на то, як сіґнатарьскы державы харты дотримують, респ. не повнять свої обовязкы, впливаючі їм з харты. Хоць на конґрес не пришли, дакотры але вышли з ініціативов зорґанізувати дискусію о настолених проблемах Русинів прямо в Бруселі. І така участь – неучасть компетентных мать свою відповідну ціну. У звязи з тым были до Резолуції зафіксованы пункты, в контексті яких треба жадати штатны орґаны дотримувати і імплементувати параґрафы харты в школьских, але і в других сферах вживаня русинського языка, жадати імплементувати рівноцінный приступ к обчаньскым правам і комплексно рішати проблемы контінуалного навчаня в материньскім языку, а з підпоров штатных і самосправных орґанів розвивати сїть русиньских народностных школ і школ з навчанєм русинського языка.

Комплексно оцінєвати ініціативы заміряны на реалізацію становлених пунктів Резолуції в данім моменті іщі прискоро. Конкретны малы крокы але уж мож відіти конкретно на Словакії, де в році 2016 была при Штатнім педагоґічнім уставі в Братіславі створена Предметова комісія про русинський язык а при Міністерстві школства СР Робоча група на приправу *Концепції розвою навчаня русинського языка і културы в матерьских школах, основных школах і середніх школах*.

Рефлексії русинського языка у світі

Вопрос русинського літератуного языка ся за остатні роки став інтересным нелем у країнах, де ся єго нормы розвивають, але таксамо в многих далшых країнах світа. Тема русинського языка ся так дістає до кругів лінгвістів на світових універзітах. Хоць є правда, же дотеперь найвеце увагы лінгвісты обертали на язык войводиньских Русинів, од часу, коли ся активно розвивать літературный русинський язык на Словакії і в Польщі, і тоты ся стали предметом їх баданя. Учены все частіше обертаять увагу на русинський язык як на самобытний феномен. Слідують єго ровиток, оцінюють дотеперішню єго путь і прогнозують далше єго функціонуваня.

В сучасности ся русинський язык, респ. русиністика стала доста популярнов темов у Росії. Суть філолоґове, котры ся данов проблематіков інтересують, і тема русинського языка ся дістає до научных

кругів. У векшій мірі ся науковці займають войводи́ньським руси́ньським языком, причім їх інтерес викликали многы роботы професора Александра Дуліченка, який є і автором нового понятя в лінгвістичній термінології – *славяньський мікроязык*. Дуліченко присвятив дакілько робот войводи́ньському руси́ньському языку (южноруси́ньському) іші в 70-х рр. XX. стороча. Дало бы ся повісти, же стояв при зроді карпатських руси́ньських літературных языків. Брав активну участь на конгресах руси́ньського языка, де представлѣвав свою концепцію славяньських мікроязыків, ід котрым причленив і карпатський руси́ньський язык. Великий вклад до руси́ньського языка зробив виданѣм антології текстів *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)* (Ужгород 2008), на яких ілуструє розвиток руси́ньського языка од XV. стороча аж дотеперь. Неперерывно слідує розвой славяньських мікроязыків і сфери їх функціонування, што попри языковых нормах і екзистенції письменности у дакотрых языків розвиваючих ся дакілько сторіч творить основны признакы про фунговання статусу літературного языка. Дуліченко видить сучасну етноязыкову *Мікрославію* богатов і різнородов, яка має *«тенденцию к росширению и количественному увеличению, т. е. она таит в себе ростки новых образований, которые при благоприятных условиях могут перерасти в литературные микроязыки»* (Дуліченко 2008: 43). Карпатський руси́ньський язык Дуліченко заділює у своїй концепції к периферно-островным языкам з письменностѣв од XV. стороча. З функціонального аспекту го характерізує як полівалентный, функціонально розвиваючий ся, окреме у Словакії. Войводи́ньський руси́ньський язык (южноруси́ньський) заділює к островным языкам з письменностѣв од XVIII. стороча. З функціонального аспекту го характерізує тыж як полівалентный, но уже функціонально розвинутый.

Суть і такы лінгвісты, котрых веще заінтересовав язык Русинів на Закарпатю, Словакії і в Польщі. Єдным з них є російський лінгвіста Сергій Скорвид, якого основным замірянѣм суть западославяньскы языкы і порівнююча ґраматика славяньських языків. Руси́ньському языку він присвятив увагу іші в початках ёго новодобой історії по році 1989. В році 1997 Скорвид в статі *Малые славянские языки: в каком смысле?* аналізував *«лексические колебания, далеко идущую морфологическую вариативность и фонетическую разноголосицу»* (Скорвид 1997: 184) на сторінках преси, што привело ку кодифікації руси́ньського языка. Но дале конштатує: *«Однако и сейчас, по проверенной информации, он (позн. авт.: кодифікований язык) является достоянием немногих: рядовые русины порой даже не знают об этой кодификации»* (Скорвид 1997: 184). Іші векшу языкову роздробленість видить Скорвид в языку Лемків і в языку Русинів на Закарпатю. За дакілько років

пізніше але він сам негує то, што написав у році 1997. На кінцю статі *Язык(и) русин в онлайн-режиме*, в котрій аналізує язык інтернетовых сторінок Русинів, конштатує, же «сегодня я уже не могу повторить, что литературный словацко-русинский является достоянием немногих, как это казалось в 1997 г.» (Скорвид 2009: 318). В цілім русинський язык на Словакії Скорвид оцінює як «маштабный и решительно развиваемый литературно-языковой эксперимент, при благоприятных условиях способный увенчаться возникновением полнокровной языковой иерархии наподобие южнорусинской – либо даже структуры, имеющей характер международный» (Скорвид 2009: 318). А што до створіня єдиного русинського языка про вшыткых Русинів, свій погляд высловив у рамках міджінародной конференції в ріці 2001 в Москві: «Полная литературно-языковая унификация, на наш взгляд, едва ли возможна» (Скорвид 2001: 115).

В році 2017 вышов у Російській академії наук в Москві зборник під назвов *Миноритарные и региональные языки и культуры Славии*, який приготував Славістичный інштут РАН. В нїм суть поміщены аж дві статі на тему русинського языка (Фейса М.: *Русинский как язык национального меньшинства в Сербии*; Вашичек М.: *К проблеме принятия кодифицированного русинского языка носителями карпаторусинских диалектов в Словакии*). Находиме ту і статью старшого датования, точніше з 2013. р., де ся єй автор Вячеслав Чарский занимає проблемами і перспективами русинського языка. Автор ся серьєзно занимає русиністіков, о чім свідчить факт, же в Москві в році 2008 обгаїв кандидатську дізертацію з назвов *Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов: Лингвогенетический аспект*. На вопрос сполочного літературного языка про вшыткых Русинів єго назераня таке: «Следует отметить, что в основе лемковского и русинского словацкого лежат два разных западных карпаторусинских диалекта, украинский русинский пытаются кодифицировать на основе восточных карпаторусинских говоров, а диалектной базой южнорусинского являются требишовские земплинские и прешовские шаришские говоры словацкого языка. Очевидно, что если выработка какого-то общего стандарта для карпаторусинских идиомов теоретически и была бы возможна, так как они все же базируются на говорах одного диалектного континуума, то основанный на словацких говорах южнорусинский едва ли мог бы принять участие в каких-либо интеграционных инициативах» (Чарский 2011). Чарский таксамо підкреслює потребу зьєдначіня алфавіту русинських языковых варіантів, но так, жебы были способны передавати і нюансы тых або іншых фонем у різних позиціях, передовшыткым рфлексів за етімологічны /o/, /e/ і /ѣ/. Як потрібне видить, досліджовати карпатські русинські варіанти языка

не в рамках «довольно неясной категории славянских литературных микроязыков, в которую традиционно включают и кабинетные опыты отдельных энтузиастов типа западнополесского или ляхского языка, а в одном ряду с другими близкими им по многим социолінгвістическим показателям миноритарными европейскими языками: например, серболужицкими или ретороманскими» (Чарский 2011).

На основі выше повідженого можемо конштатовати, же русинський язык і вдяка уведженим конгресам, на яких все брали участь реномовані славісти, ся стає у славістичнім світі популярним і учены на нёго обертають свою увагу, што є барз важне при далшім языковім плануваню і розвою.

Заключіня

Сумарізуючі можемо повісти, же русиньскы языковы конгресы у визначній мірі стимулювали роботу над розвитком літературного русиньского языка. Презентованы на них языковы стратегії ся стали опорными пунктами при рішаню языковых проблемів будучого русиньского літературного языка. Каждый конгрес в заклүчіню представив резолюцію, то значить основны пункты або задачі, котры треба было протягом далшого періоду рішати. Дакотры были вирішени успішно (напр. виданя учебників русиньского языка і літературы, отворіня одділїня русиньского языка на Пряшівській універзіті, подарило ся отворити одділїня лемківского языка в рамках універзіты і отворити штудійный програм з лемківсков філологів на Педагогічній академії в Кракові, были виданы учебники лемківского языка), а дакотры задачі донесь не нашли дефінітівне єднотне вирішіня (напр. єднотный алфавіт, єднотна термінологія, кодифікація русиньского языка на Закарпатю, недорішенов зістає і проблематіка русиньского школства).

Повніня резолюцій конгресів, як мож было відіти, не было реалізоване од конгресу ку конгресу. В дакотрых пунктах треба было намного веце часу, жебы мож было дорішыти поставлены задачі.

Днесь можемо відіти русиньський язык у ёго дінаміці, росшырює сферы свого функціонованя, стає ся акцептований лінгвістами і має потенціал на перспективний розвиток. Хоць в зачатках цілого языкового процесу в році 1992 намісті были важны побоєваня, ці ся русиньський язык утримле про далшы ґенерації, днесь, по 25-х роках дінамічного розвою русиньского языка, тоты побоєваня уступили. Лінгвісты, а тыж активны вживателі русиньского літературного языка роблять вшытко про то, жебы язык звучав публічно і мав якнайбівший досяг на людей. Бо хоць довгорічний русиньський языковий вопрос

днес є в своїй основі вирішений, вопрос народной усвідомлености і гордости доднесь іщі резонує міджі народом. Зато публічне вживання русиньського літературного языка ся стає великим каталізатором формованя народной свідомости і народной ідентичности Русинів.

ЛІТЕРАТУРА

Дуличенко 2008 - *Дуличенко А.Д.* Современная этноязыковая Микрославия: Состояние и перспективы развития // Русиньский язык меджі двома конгресами. Пряшів: Світовий конгрес Русинів, ІРЯК ПУ, 2008. С. 43.

Каріґет 1992 - *Копорова К.* Маме, ці не маме право? // Народны новинки. Пряшів. 1992. Ч. 46.

Маґочій 1991 - *Маґочій П.Р.* Русины: новый, ци оновленный народ? // Русин. Пряшів. 1991. Ч. 2.

Маґочій 2015 - *Маґочій П.Р.* Ці нам треба четвертый конгрес русиньського языка? // Русиньский літературный язык на Словакії: 20 років кодифікації: Зборник рефератів з IV. Міджінародного конгресу русиньського языка. Пряшів: ІРЯК ПУ, 2015. С. 13.

Молло 1992 - *Молло Е.* Ренесанція і кодифікація монацького языка // Русин. Пряшів. 1992. Ч. 5, 6.

Плішкова 1999 - *Плішкова А.* Нашы амбіції суть высшы // Народны новинки. Пряшів. 1999. Ч. 15, 16.

Поп, Поп 2001 - *Поп Д.І., Поп Д.Д.* Русинський синонімічний словарь из украинськыма одповідниками. Уд. 1-ое. Ужгород: Видавельство В. Падыка, 2001.

Ротштейн 1999 - *Ротштейн Р.А.* Вопрос вытворіня нового літературного языка // Русин. Пряшів. 1999. Ч. 3, 4.

Ротштейн 2008 - *Ротштейн Р.А.* Латинские и нелатинские алфавиты в современном мире // Русиньский язык меджі двома конгресами. Пряшів: Світовий конгрес Русинів, ІРЯК ПУ, 2008. С. 25–31.

Скорвид 1997 - *Скорвид С.С.* Малые славянские языки: в каком смысле? // Малые языки Евразии: Социолінгвистический аспект. Сборник статей. Москва: МГУ, 1997. С. 179–189. URL: http://slavcenteur.ru/Proba/Skorvid/skorvid_small.pdf (датум прочітаня: 27.04. 2017).

Скорвид 2001 - *Скорвид С.С.* Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: К проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания : Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции. М.: Изд-во Московского университета, 2001. С. 115. URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/skorvid-01.htm> (датум прочітаня: 27.04.2017).

Скорвид 2009 - *Скорвид С.С.* Язык(и) русин в онлайн-режиме // Славянские

языки и современные средства массовой коммуникации (Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»). М.: МГУ, 2009. С. 317–318. URL: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/data/8.pdf> (дату́м прочітання: 27.04.2017).

Фішмен 1992 - *Фішман Дж.* Феномен «першого конгресу» // Русин. Пряшів. 1992. Ч. 5, 6.

Чарский 2011 - *Чарский В.В.* О проблемах и перспективах русинского языка / русинских языков. 2011. URL: http://www.ruwega.com/news/o-problemakh-i-perspektivakh-rusinskogo-jazyka-rusinskikh-jazykov-/?utm_source=copy&utm_medium=paste&utm_campaign=copy-paste&utm_content=http%3A%2F%2Fwww.ruwega.com%2Fnews%2Fo-problemakh-i-perspektivakh-rusinskogo-jazyka-rusinskikh-jazykov-%2F (дату́м прочітання: 25.03.2017).

Ябур 2008 - *Ябур В.* Зближення графіки і орфографії єднотливих варіантів русинського языка // Русинський язык меджі двома конгресами. Пряшів: Світовий конгрес Русинів, ІРЯК ПУ, 2008. С. 178–187.

Fontański, Chomiak 2008 - *Fontański H., Chomiak M.* Rusińska terminologia lingwistyczna // Русинський язык меджі двома конгресами. Пряшів: Світовий конгрес Русинів, ІРЯК ПУ, 2008. С. 188–191.

Magocsi 1993 - *Magocsi P.R.* Scholarly Seminar on the Codification of the Rusyn Language // International Journal of the Sociologie of Language. Berlin; New York. 1993. № 104. P. 119–125.

Pugh 2008 - *Pugh S.M.* К вопросу о лексических заимствованиях в литературных языках : в центре внимания – русинский язык // Русинський язык меджі двома конгресами. Пряшів: Світовий конгрес Русинів, ІРЯК ПУ, 2008. С. 32–37.

Tolstoj 1996 - *Tolstoj N.I.* Introduction // A New Slavic Language Is Born: The Rusyn Literary Language of Slovakia. New York: Columbia University Press, 1996. P. XIII.

REFERENCES

Dulichenko, A.D. (2008) Sovremennaya etnoyazykovaya Mikrosłaviya: Sostoyanie i perspektivy razvitiya [Modern ethno-lingual Microslavia: The current state and development prospects]. In: Plishkova, A. (ed.) *Rusin'sky yazyk medzhi dvoma kongresami* [The Rusin Language between Two Congresses]. Prešov: Svitovyy kongres Rusiniv, IRYAK PU. pp. 38–48.

Koporova, K. (1992) Mame, tsi ne mame pravo? [Do we have the right, or not?]. *Narodny novinky*. 46.

Magocsi, P.R. (1991) Rusyny: novyy, tsi onovlenyy narod? [Rusyns – a new or reborn nation?]. *Rusin* (Prešov). 2.

Magocsi, P.R. (2015) [Do we need the fourth congress of the Rusyn language-

ge?) *Rusin'skyi literaturnyy yazyk na Slovakiyi 20 rokiv po kodifikatsiyi* [The Rusyn literary language in Slovakia: 20 years of codification]. Proc. Of the Fourth Congress of the Rusyn Language. Prešov: IRYaK PU. pp. 10-15.

Mollo, E. (1992) *Renesantsiya i kodifikatsiya monats'kogo yazyka* [Renaissance and codification of the Monégasque language]. *Rusin* (Prešov). 5-6.

Plishkova, A. (1999) *Nashy ambitsiyi sut' vysshy* [We have higher ambitions]. *Narodny novinky* (Prešov). 15-16.

Pop, D.I. & Pop, D.D. (2001) *Rusins'kyi sinonimichny slovar' iz ukrayins'kyma odповidnikami* [Rusin synonymic dictionary with Ukrainian matches]. 1st ed. Uzhgorod: V. Padyak.

Rotstein, R.A. (1999) *Vopros vytvorinya novogo literaturnogo yazyka* [The question of creating a new literary language]. *Rusin* (Prešov). 3-4.

Rotstein, R.A. (2008) *Latinskie i nelatinskie alfavitы v sovremennom mire* [Latin and non-Latin alphabets in the modern world]. In: Plishkova, A. (ed.) *Rusin'skyi yazyk medzhi dvoma kongresami* [The Rusyn Language between Two Congresses]. Prešov: Svitovyy kongres Rusiniv, IRYaK PU. pp. 25–31.

Skorvid, S.S. (1997) *Malye slavyanskiye yazyki: v kakom smysle?* [Small Slavic languages: In what sense?] In: Kuznetsova, A.I., Raevskaya, O.V. & Skorvid, S.S. (eds) *Malye yazyki Evrazii: Sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Small languages of Eurasia: Sociolinguistic aspect]. Moscow: Moscow State University. pp. 179-189. [Online] Available from: http://slavcenteur.ru/Proba/Skorvid/skorvid_small.pdf (Accessed: 27th April 2017).

Skorvid, S.S. (2001) [Sorbian and Rusyn languages: On their comparative-historical and synchronous commonality]. *Issledovaniye slavyanskikh yazykov v rusle traditsiy sravnitel'no-istoricheskogo i sopostavitel'nogo yazykoznaniya* [A study of Slavic languages within the traditions of comparative-historical and comparative linguistics]. Proc. of the International Conference. Moscow: Moscow State University. p. 115. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/linguistics3/skorvid-01.htm> (Accessed: 27th April 2017).

Skorvid, S.S. (2009) [Language(s) of Rusyn(s) in the online mode]. *Slavyanskiye yazyki i sovremennyye sredstva massovoy kommunikatsiyi* [Slavic languages and Modern Media Of Mass Communication]. Proc. of the International Symposium (Mezhdunarodnyy nauchnyy simozium "Slavyanskiye yazyki i kul'tury v sovremennom mire"). Moscow: Moscow State University. pp. 317–318. [Online] Available from: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/data/8.pdf> (Accessed: 27th April 2017).

Fishman, J. (1992) *Fenomen "pershego kongresu"* [The "first congress" phenomenon]. *Rusin* (Prešov). 5-6.

Charskiy, V.V. (2011) *O problemakh i perspektivakh rusinskogo yazyka / rusinskikh yazykov* [On problems and perspectives of the Rusyn language / Rusyn languages]. [Online] Available from: <http://www.ruwega.com/news/o-problemakh-i-perspektivakh-rusinskogo-jazyka-rusinskikh-jazykov->

/?utm_source=copy&utm_medium=paste&utm_campaign=copypaste&utm_content=http%3A%2F%2Fwww.ruwega.com%2Fnews%2Fo-problemakh-i-pjerspektivakh-rusinskogo-jazyka-rusinskikh-jazykov-%2F (Accessed: 25th March 2017).

Yabur, V. (2008) Zblizhovanya grafiky i orfografiyi yednotlivykh variantiv rusin'skogo yazyka [The approximation of graphics and orthography of individual variants of the Rusyn language]. In: Plishkova, A. (ed.) *Rusin'skyi yazyk medzhi dvoma kongresami* [The Rusyn Language between Two Congresses]. Prešov: Svitovyy kongres Rusiniv, IRYaK PU. pp. 178–187.

Fontański, H. & Chomiak, M. (2008) Rusińska terminologiya lingwistyczna [Linguistic terminology in Rusyn]. In: Plishkova, A. (ed.) *Rusin'skyi yazyk medzhi dvoma kongresami* [The Rusyn Language between Two Congresses]. Prešov: Svitovyy kongres Rusiniv, IRYaK PU. pp. 188–191.

Magocsi, P.R. (1993) Scholary Seminar on the Codification of the Rusyn Language. *International Journal of the Sociologie of Language (Berlin – New York)*. 104. pp. 119–125. DOI: 10.1515/ijsl.1993.104.119

Pugh, S.M. (2008) K voprosu o leksicheskikh zaimstvovaniyakh v literaturnykh yazykakh: v tsentre vnimaniya – rusynskiy yazyk [On lexical borrowings in literary languages: The focus is on the Rusyn language]. In: Plishkova, A. (ed.) *Rusin'skyi yazyk medzhi dvoma kongresami* [The Rusyn Language between Two Congresses]. Prešov: Svitovyy kongres Rusiniv, IRYaK PU. pp. 32–37.

Tolstoj, N.I. (1996) Introduction. In: Magocsi, P.R. *A New Slavic Language Is Born: The Rusyn Literary Language of Slovakia*. New York: Columbia University Press.

Плішкова Анна – доцентка, соціолінгвістка, директорка Інституту русинського языка і культури Пряшівської університету в Пряшові (Словенско).

Плишкова Анна – доцент, социолингвист, директор Института русинского языка и культуры Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Plishkova Anna - Institute of Rusyn Language and Culture – University of Prešov (Slovakia).

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Цітрякова Зденка – магістерка, интерна докторандка Інституту русинського языка і культури Пряшівської університету в Пряшові (Словенско).

Цитрякова Зденка – магистер, аспирант Института русинского языка и культуры Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Citriakova Zdenka - Institute of Rusyn Language and Culture – University of Prešov. (Slovakia).

E-mail: zdenkacitriakova@gmail.com

УДК 81'23

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/9

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА МАРКИРОВАННЫХ И НЕМАРКИРОВАННЫХ ЧЛЕНОВ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ*

З.И. Резанова¹, Е.Д. Некрасова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

Авторское резюме

Представлены результаты экспериментального анализа влияния фактора маркированности грамматических категорий на процессы их когнитивной обработки в условиях конкурентных модальностей восприятия – визуальной и аудиальной. Когнитивный анализ существенно дополняет имеющиеся структурный, типологический и коммуникативный подходы к изучению феноменов маркированности членов грамматических категорий. В исследовании была проверена гипотеза о том, что процесс восприятия – слуховой или визуальный – взаимодействует с природой формального представления категориальной семантики. Гипотеза тестировалась на материале грамматических систем русского и болгарского языков. В серии психолингвистических поведенческих экспериментов, проведенных с использованием пакета программ E-Prime 2.0 (Copyright 1996–2012 Psychology Software Tools), было выявлено различие в когнитивной обработке маркированных и немаркированных членов оппозиций грамматической категории рода и лексико-грамматического разряда одушевленности – неодушевленности имен существительных. Различия в скорости когнитивной обработки (времени реакции испытуемых при решении когнитивных задач с использованием противопоставленных по данному параме-

* Исследование поддержано Министерством образования и науки Российской Федерации (Правительственный грант № 14.Y26.31.0014).

тру стимулов) проявляются в следующем: немаркированные элементы оппозиции обрабатываются значительно быстрее, нежели маркированные. Эта закономерность проявилась как относительно грамматического рода (лексемы мужского рода обрабатываются быстрее, нежели слова женского рода), так и лексико-грамматического разряда абстрактности (абстрактные существительные, являющиеся немаркированными членами оппозиций грамматических категорий числа (в русском и болгарском языках) и определенности (в болгарском языке), также обрабатываются быстрее). Данные наблюдения согласуются с выводами структурной и коммуникативной лингвистики о положении и функциях немаркированных членов в системе языка и в системе коммуникации: немаркированное значение является наиболее естественным и ожидаемым, поэтому оно требует меньше усилий для его интерпретации.

Ключевые слова: русский язык, болгарский язык, грамматическая маркированность, маркированный член грамматической оппозиции, психолингвистический эксперимент, поведенческий эксперимент, бимодальное восприятие.

COGNITIVE PROCESSING OF MARKED AND UNMARKED MEMBERS OF GRAMMATICAL OPPOSITIONS THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES*

Z.I. Rezanova¹, E.D. Nekrasova²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of the experimental analysis of the influence of the grammatical category markedness on their cognitive processing under competitive visual and auditory perception modalities. The cognitive analysis significantly enhances the structural, typological and communicative approaches to the study of markedness of grammatical category members. The research has tested the hypothesis that the auditory or visual perception process interacts with the nature of the formal representation of

---

* The research is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (the RF Government Grant Nr. 14.Y26.31.0014).

categorial semantics on the basis of Russian and Bulgarian grammatical systems. The psycho-linguistic behavioural experiments conducted using the E-Prime 2.0 software package (Copyright 1996-2012 Psychology Software Tools) revealed the difference in the cognitive processing of marked and unmarked oppositional members of the grammatical category of the genus and the lexico-grammatical category of animacy/inanimacy of Russian and Bulgarian nouns. The differences in the speed of cognitive processing (the reaction time of the testees in solving cognitive tasks using the stimuli opposed to this parameter) are manifested in the following: unmarked elements of the opposition are processed much faster than the marked ones. This pattern has manifested with grammatical gender (masculine lexemes are processed faster than feminine) as well as lexico-grammatical category of abstractedness. This pattern has manifested both a grammatical genus and a lexico-grammatical category of abstractness. The lexemes of the masculine gender are processed faster than those of the feminine gender, abstract nouns that are unmarked members of the opposition of the grammatical categories of the number (in Russian and Bulgarian) and definiteness (in Bulgarian) are processed more faster, too. These results are consistent with the conclusions of structural and communicative linguistics on the place and functions of unmarked members in the language system and in the communication system: unmarked meaning is the most natural and expected, therefore it requires less effort for its cognitive processing.

Keywords: Russian language, Bulgarian language, grammatical markedness, marked member of grammatical opposition, psycholinguistic experiment, behavioural experiment, bimodal perception.

Проблема семантики и функционирования маркированных / немаркированных членов грамматических оппозиций активно разрабатывалась в рамках структурной лингвистической парадигмы. Данный аспект анализа грамматики языков сохраняет актуальность в современных типологических, структурно-сопоставительных и дискурсивных исследованиях.

Эволюция в интерпретации понятия маркированности прошла путь от выделения маркированного члена на основании сопоставления с общим признаком (в предложенной Р.Я. Якобсоном концепции типично морфологического противопоставления немаркированный член оппозиции не может иметь положительного общего значения¹ (Якобсон 1985а; Якобсон 1985b; Шелякин 1998; Шелякин 1996)) до противопоставления маркированного и немаркированного членов оппозиций с точки зрения формализации: маркированной можно назвать ту единицу, которая (в сравнении с немаркированной) чаще имеет ненулевое выражение, а также реже встречается в текстах, языках мира, имеет не более сопутствующих дополнитель-

ных грамматических противопоставлений, чем немаркированная, и т. д. (Croft 1995; Greenberg 1996). О различии функциональной окраски маркированных и немаркированных членов говорится в (Lyons 1982).

Таким образом, в языковой системе маркированным является тот элемент грамматической категории, который получает более явное выражение, проявляющееся в усложнении формы, немаркированный элемент может не иметь формальных показателей. В коммуникативном функционировании немаркированное значение является наиболее естественным и ожидаемым для участников коммуникации, поэтому оно требует меньше усилий для его интерпретации и не требует дополнительного формального маркирования. Маркированность как смысловое и семантическое усложнение может быть проинтерпретировано и в когнитивном аспекте – маркированные элементы менее ожидаемы, поэтому для их распознавания и интерпретации необходимы специальные формальные показатели.

Мы полагаем, что при анализе типологически значимых различий в грамматических структурах языков через призму лингвокогнитивных процессов можно получить значимые результаты как для интерпретации сравниваемых в аспекте маркированности / немаркированности грамматических элементов, так и для понимания существа процессов когнитивной обработки лингвистических единиц исследуемых классов.

Данное предположение основано на полученных ранее результатах изучения влияния лексико-семантических, грамматических и речевых факторов на процессы гендерно маркированной референции русских метафорических имен человека. При проверке гипотезы о влиянии языковых и речевых факторов на решение о гендерно маркированной референции метафорических имен человека (*мартышка, спица, маятник, огурчик* и под.) мы экспериментально исследовали соотношение влияний фактора грамматического рода существительного и частоты использования слов в речи². В результате было выявлено различие в характере влияния мужского и женского рода на исследуемые закономерности: мужской род как немаркированный член грамматической оппозиции безразличен к другим языковым и речевым свойствам имени, что проявилось в отсутствии смещающего влияния различий частотности слова на интерпретацию гендерной референции имен мужского рода. Женский род как сильный член грамматической оппозиции обнаружил чувствительность к частоте слова в речи: увеличение частотности слов определяло увеличение процента выбора референций к женщине у метафорических имен женского пола (Rezanova et al. 2015).

В данной статье мы характеризуем эффект влияния оппозиции маркированных и немаркированных членов грамматических категорий, который был выявлен при изучении воздействия грамматических, лексико-грамматических и лексико-семантических свойств слов на процессы их когнитивной обработки в ситуации бимодального восприятия. Данный эффект был обнаружен при анализе восприятия и обработки единиц русского и болгарского языков, противопоставленных по грамматическим категориальным признакам рода и признакам лексико-грамматической оппозиции конкретности / абстрактности. В предшествующих работах нами уже были охарактеризованы основные закономерности, обнаруженные при восприятии названных грамматических категорий (Резанова, Некрасова 2015; Резанова, Некрасова 2016).

Грамматическая категория рода и в русском, и в болгарском языках имеет значительное сходство как в системе внутрикатегориальных смысловых оппозиций, так и в характере и средствах формального маркирования смысловых различий. И в русском, и в болгарском языках категория является трехчленной, организована противопоставлением мужского, женского и среднего рода (с маргинально выделяемым классом слов общего рода). Частные значения грамматического рода (*мужской род vs. женский род*) находятся в отношениях *привативной оппозиции*, в которой мужской род является немаркированным членом на основании формальной невыраженности. Не останавливаясь подробно на описании системы грамматических форм рода, отметим, что в рассматриваемых языках наиболее регулярно мужской род маркируется нулевой флексией, относящейся к женскому роду, – флексией **-а** (Маслов 1956).

Своеобразие формальных признаков грамматического рода в болгарском языке связано с тесной корреляцией грамматической категории с категорией личности-неличности. Однако для составления таблицы стимульного материала нами использовались слова из группы неличных существительных, характер флективного маркирования семантики рода в которых совпадает с аналогичными в русском языке.

В качестве экспериментального стимульного материала мы использовали только тот набор слов, который по формальному и семантическому показателю *прозрачно относится к одному из двух родов*. Например: мужской род: *лифт (рус.) – асансьор (бг.), стул (рус.) – стол (бг.), лист (рус.) – лист (бг.)*; женский род: *машин-а (рус.) – кол-а (бг.), стен-а (рус.) – стен-а (бг.), ложк-а (рус.) – лъжиц-а (бг.)*.

Категория³ конкретности / абстрактности в русском и болгарском языках имеет статус лексико-грамматического разряда: категория существует как противопоставление двух классов лексем, объеди-

ненных семантической общностью, которая получает определенное формальное маркирование. В отличие от грамматической категории семантическая оппозиция лексико-грамматических разрядов последовательно не маркируется в парадигмах противопоставленных форм.

Не имея собственно категориальных формальных признаков, маркированный член данной оппозиции может быть выявлен на основе корреляции с категорией числа в русском языке и болгарском – с категорией числа и специфичности. В «Русской грамматике» отмечается, что лексико-грамматические разряды образуются семантическим противопоставлением: слова, «называющие вещи, лица, факты и все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и *подвергнуты счету*» vs «слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния»: все **конкретные** существительные, исключая *pluralia tantum*, имеют формы единственного и множественного числа, а абстрактные обычно не имеют форм множественного числа (*молодость, отчизна* vs *дерево, компьютер*) (Русская грамматика 1982). Данное заключение характерно для грамматического строя двух анализируемых языков: русского и болгарского.

Таким образом, на основании наличия спектра формальных словообразовательных маркеров выражения конкретного значения именно абстрактное значение представляет собой немаркированный член оппозиции, а конкретное значение – маркированный.

Основная исследовательская гипотеза представляемого исследования заключалась в следующем: различие маркированности / немаркированности грамматической категории скажется на скорости обработки слова респондентом: маркированность будет замедлять когнитивную обработку пар стимулов.

Далее мы охарактеризуем способы экспериментального выявления данного эффекта, останавливаясь только на тех сторонах проводимых экспериментов, которые связаны с выявлением эффекта влияния оппозиции маркированности / немаркированности категорий. Предварительно кратко охарактеризуем общие принципы проведения экспериментов, характер отбора и компоновки стимульного материала.

Экспериментальное исследование. Каждая экспериментальная сессия была оформлена как поведенческий эксперимент с использованием пакета программ E-Prime Software tools 2.0, позволяющего фиксировать в миллисекундах время реакции респондентов на стимул, проявляющееся в нажатии клавиши на клавиатуре⁴.

Были проведены четыре эксперимента: два – по изучению категоризации участниками слов, дифференцированных на основании

категории абстрактности; два – по изучению категоризации участниками пар слов, противопоставленных на основании категории грамматического рода.

Принципы отбора материала. Привлечение двух морфологически неравнозначных грамматических явлений (усиление формальной маркированности в векторе «лексико-грамматический разряд → грамматическая категория») позволило нам проследить зависимость влияния маркированности (при условии его наличия) на когнитивную обработку вербальных стимулов от типа грамматического явления.

Привлечение материала двух языков позволяет говорить об универсальности найденного явления для языков со схожим формальным маркированием категорий.

Все стимулы, представленные в экспериментальных сессиях, контролировались по следующим параметрам.

1. Параметр **«длина слова»**. Необходимость контроля указанного параметра заключается в том, что обработка длиннословных требует большего количества времени для категоризации, нежели обработка коротких слов. Статистический анализ частотности лексико-грамматического класса конкретности-абстрактности показал отсутствие значимых различий частотности единиц: двусторонняя значимость (t -критерий Пирсона для независимых выборок) составила $p = .872$ для болгарского языка и $p = .91$ для русского языка. Для грамматического рода данные значения составили $p = .756$ и $p = .885$ соответственно.

2. Параметр **«частотность употребления слова: субъективная и объективная»**. Объективная частотность употребления слова указывалась согласно «Новому словарю частотности русского языка» (Ляшевская, Шаров 2009). Для выяснения субъективной частотности использовалась методика шкалирования Лайкерта⁵. Статистический анализ частотности лексико-грамматического класса конкретности-абстрактности показал отсутствие значимых различий частотности единиц: двусторонняя значимость p , согласно проведенному анализу t -критерия Пирсона для независимых выборок, составила 0.872 для болгарского языка и 0.91 для русского языка. Для грамматического рода данные значения составили 0.756 и 0.885 соответственно.

Каждый эксперимент предполагал параллельное бимодальное предъявление слов, содержащих идентичную или конфликтную информацию по исследуемым категориям. В качестве стимульного **материала** использовались слова русского и болгарского языков (для каждой из языковых серий соответственно). Весь массив стимулов в экспериментах был разделен на две группы: для аудиального и для визуального канала восприятия соответственно. Необходимо отметить, что все аудиальные стимулы были записаны с использованием

одного и того же голоса (женский голос) с применением микрофона в звукоизолированном помещении. При обработке все записи дополнительно выравнивались по высоте тона и громкости.

Формирование пар стимулов для каждого эксперимента производилось таким образом, чтобы в итоговых парах наблюдались случаи совпадения (congruent) и несовпадения (incongruent) показателей анализируемой категории.

Примеры используемых стимулов для двух экспериментальных сессий представлены в табл. 1, 2.

Т а б л и ц а 1

**Стимулы, используемые в 1-й экспериментальной сессии
на материале категории грамматического рода**

Показатель	Грамматическая информация (категория рода)	Визуальная модальность (экран)	Аудиальная модальность (наушники)
Пары стимулов	Соответствие	ФОНТАН/ФОНТАН (м)	БАЛАНС/БАЛАНС (м)
		АРЕНА/АРЕНА (ж)	МАГИЯ/МАГИЯ (ж)
	Несоответствие	БАЛОН/БАЛЛОН (м)	МАРКА/МАРКА (ж)
		РАКЕТА/РАКЕТА (ж)	БАЛКОН/БАЛКОН (м)

Т а б л и ц а 2

**Стимулы, используемые во 2-й экспериментальной сессии
на материале категории грамматического рода**

Язык	Визуальная модальность		Аудиальная модальность	
	Русский	Болгарский	Русский	Болгарский
(а)	Талант	Талант	Ручка	Писалка
(б)	Книга	Книга	Тайна	Мистерия
(в)	Идея	Идея	Мысль	Мисъл
(г)	Кружка	Чаша	Стена	Стена

Процедура проведения экспериментов предполагала использование персональных компьютеров. Для предъявления визуальных стимулов использовались мониторы компьютеров, для аудиальных – наушники, имеющие перекрывающую поверхность.

Все эксперименты содержали тренировочную сессию, результаты которой не учитывались при анализе материала, и основной блок экспериментальных стимулов.

В качестве **задачи** для респондентов во всех экспериментах нами использовалось типовое экспериментальное задание lexical decision (лексическое решение), в котором испытуемым предлагалось определить, является ли предъявляемая единица реальным словом.

В качестве зависимой переменной собирались значения времени реакции в миллисекундах.

Процедура эксперимента основного блока предполагала появление на экране (а) фиксационного креста (в течение 500 мс); (б) транслирования пары стимулов до нажатия клавиши ответа, но не более чем 5 000 мс; (в) межпробного интервала (500 мс).

В качестве **респондентов** для серии экспериментов на русском языке выступили студенты в возрасте от 19 до 24 лет.

Все респонденты обладали нормальным или скорректированным до нормального зрением и слухом и являлись носителями языка, на котором проводился эксперимент.

Более подробно ход экспериментальных исследований описан в (Резанова, Некрасова 2015; Резанова, Некрасова 2016).

При анализе результатов экспериментов использовались программы SPSS (для проведения однофакторного дисперсионного анализа и измерения t-критерия Стьюдента на подготовительном этапе) и Statistica (для проведения однофакторного и многофакторного дисперсионного анализа, а также факторного дисперсионного анализа с повторными измерениями).

Перед анализом все данные усреднялись по респондентам, а также по стимулам, проверялись на соответствие выборки нормальному распределению на основании критерия согласия Пирсона и Колмогорова–Смирнова, а также обрезались более чем на 2 стандартных отклонения (standard deviation) от значения среднего. В анализе также не участвовали данные времени реакции <100 мс, чтобы исключить влияние технических ошибок и преждевременных реакций. Если респондент не успевал решить задачу за отведенное время (5 с), данные указанной пробы с нулевым значением времени реакции также не учитывались.

Таким образом, из общего количества массива данных из анализа удалено не более 5 % данных в выборке каждой экспериментальной сессии.

Категория грамматического рода. Всего в выборке представлено 840 наблюдений в эксперименте на русском языке и 960 наблюдений в эксперименте на болгарском языке.

Различия в обработке слов женского и мужского рода можно увидеть на графике (рис. 1).

Факторный дисперсионный анализ (ANOVA) позволил выявить следующую когнитивную закономерность при обработке респондентами категории рода: слова мужского рода обрабатываются респондентами значительно быстрее в сравнении со словами женского рода.

Выявленный эффект значимого временного преимущества при

обработке имен существительных мужского грамматического рода в сравнении с существительными женского рода позволяет нам сделать предположение о наличии различий в схеме когнитивной обработки значений слов мужского и женского родов.

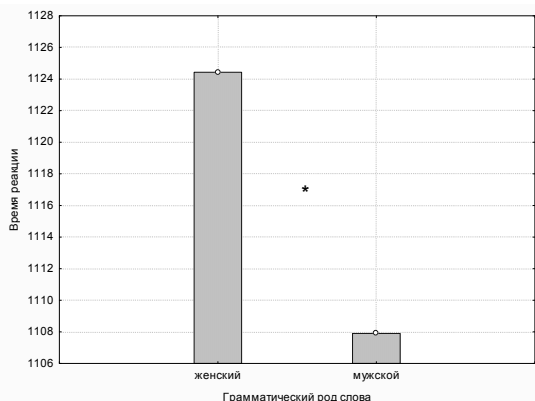

Рис. 1. Показатель времени реакции ответов по фактору грамматического рода слова. $F_s(1, 40) = 5,4748$, $p = ,02437^6$.

Данная закономерность подтвердилась при анализе **лексико-грамматического разряда конкретности – абстрактности**.

Всего в выборке представлено 1 640 наблюдений в эксперименте на болгарском языке и 1 740 наблюдений в эксперименте на русском языке.

Проведенный анализ показывает, что в случаях категориального *соответствия* в аудиально-визуальных парах стимулов можно видеть, что обработка пар стимулов с двумя *абстрактными* значениями происходит значительно быстрее, нежели пар, представленных двумя *конкретными* стимулами ($p = .000$) (см. рис. 2). В случаях несовпадения категориальных признаков предъявляемых стимулов такой корреляции не наблюдается.

На рис. 2 видно, что для обработки слов с абстрактной семантикой респонденту требуется значительно меньше времени (в миллисекундах), нежели для обработки слов с конкретной семантикой.

Результаты анализа восприятия данного морфологического явления согласуются с таковыми восприятия грамматического рода, подтверждая эффект влияния маркированности / немаркированности членов формально-семантических оппозиций на характер когнитивной обработки стимулов в ситуациях бимодального восприятия, проявляющихся в ускорении когнитивной обработки немаркированных членов.

Данный эксперимент показал, что абстрактные существительные

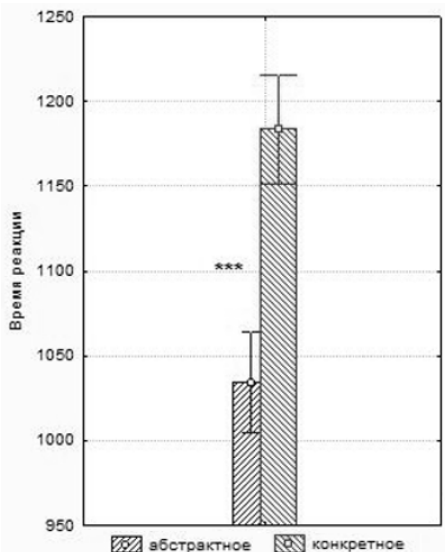

Рис. 2. Показатель времени реакции ответов по фактору лексико-грамматического разряда абстрактности – конкретности слова.

болгарского и русского языков, являясь немаркированными членами оппозиций и по признаку числа, и по признаку определенности, обрабатываются быстрее.

Таким образом, гипотеза о наличии различий в обработке маркированных и немаркированных членов грамматических оппозиций подтвердилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данной концепции отличие маркированного и немаркированного членов оппозиции устанавливается только при переходе к их общим значениям: «Рассматривая две противопоставленные друг другу морфологические категории, исследователь часто исходит из предпосылки, что обе эти категории равноправны и каждая из них обладает свойственным ей положительным значением: категория I означает А, категория II означает В, или, по крайней мере, категория I означает А, категория II означает отсутствие, отрицание А. А в действительности же общие значения коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I указывает на наличие А, то категория II не указывает на наличие А, иными словами, она не свидетельствует, присутствует А или нет. Общее значение категории II сравнительно с категорией I ограничивается, таким образом, отсутствием «сигнализации

А"» (Якобсон 1985а).

2. Гипотеза проверялась в серии поведенческих экспериментов с использованием пакета программ E-Prime Software tools 2.0, учитывались время реакции испытуемых и процент выбора каждого из предложенных вариантов ответов.

3. В данном случае мы используем термин «категория» не в грамматическом, а в общенаучном значении, обозначая понятие, выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности (ФЭС 2006).

4. Время реакции (reaction time) представляет собой универсальную экспериментальную переменную, варьирование которой может свидетельствовать об усложнении / сокращении когнитивных процессов при обработке стимулов во время экспериментальной сессии.

5. Применение Шкалы Лайкерта (Likert scale) представляет собой психометрический метод, направленный на выявление мнения респондента относительно какого-либо явления с использованием шкалы с определенным набором числовых ответов (от 3 до 9 пунктов), которые можно свести к следующим значениям: 1 – полностью согласен; 2 – скорее согласен, чем нет; 3 – не знаю; 4 – скорее не согласен; 5 – не согласен.

Данная методика опирается на идею о том, что суждение о предмете представляет собой не единую оценку, а является континуумом значений, протянутым от одного крайнего суждения через нейтральную точку к другому крайнему суждению. Подробнее о применении данной шкалы можно прочесть в диссертации (Некрасова, 2016).

6. Все статистические показатели представлены для данных, усредненных по фактору респондентов (литера s). Для расчетов приводятся показатели силы эффекта (значение F) и оценки значимости различий между группами (значение p). На всех рисунках пороговые значения p соответствуют следующим изображениям: * – $p < .05$, ** – $p < .01$, *** – $p < .001$.

ЛИТЕРАТУРА

Ляшевская, Шаров 2009 - *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

Маслов 1956 - *Маслов Ю.С.* Очерк болгарской грамматики. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956. 292 с.

Резанова, Некрасова 2015 - *Резанова З.И., Некрасова Е.Д.* Влияние грамматической категории рода на бимодальное восприятие имен существительных болгарского языка // *Русин*. 2015. № 3. С. 241–255.

Резанова, Некрасова 2016 - *Резанова З.И., Некрасова Е.Д.* Категория абстрактности имен существительных в русском и болгарском языках: когнитивные рефлексy формализации // *Русин*. 2016. № 3 (45). DOI: 10.17223/18572685/45/3

Русская грамматика 1982 - Русская грамматика. Т. 16: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982. 783 с.

ФЭС 2006 - Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. М.: ИНФРА-М, 2006. 574 с.

Шелякин 1996 - *Шелякин М.А.* О функциональной сущности русского инфинитива // Словарь. Грамматика. Текст. М.: РАН, 1996. С. 288–302.

Шелякин 1998 - *Шелякин М.А.* Об инвариантном значении и функциях субстантивного именительного падежа в русском языке // Общее языкознание и теория грамматики. СПб.: Наука, 1998. С. 105–111.

Якобсон 1985a - *Якобсон Р.* О структуре русского глагола. М., 1985. С. 210–221.

Якобсон 1985b - *Якобсон Р.* К общему учению о падеже. М., 1985. С. 133–175.

Croft 1995 - *Croft W.* Modern syntactic typology // Approaches to language typology. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 85–144.

Greenberg 1966 - *Greenberg J.* Language universals, with special reference to feature hierarchies. The Hague: Mouton, 1966. 89 p.

Lyons 1982 - *Lyons J.* Deixis and substantivity: Loquor, ergo sum? // Speech, place, and action. N.Y., 1982. P. 101–125.

Rezanova et al. 2015 - *Rezanova Z.I., Nekrasova E.D., Temnikova I.G.* Gender-Marked Metaphors: Influence of Grammatical Gender and Frequency on Referential Choice of Metaphorical Name of the Person in the Russian Language // The XXVI annual international academic conference, academic conference, language and culture, 27–30 October 2015. Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 135–141.

REFERENCES

Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [The Frequency Dictionary of Modern Russian language (based on the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik.

Maslov, Yu.S. (1956) *Ocherk Bolgarskoy grammatiki* [An Essay on Bulgarian Grammar]. Moscow: Inostrannaya literatura.

Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2015) The influence of grammatical gender on the bimodal perception of Bulgarian nouns. *Rusin.* 3 (41). pp. 241–255 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/17

Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2016) The category of abstractedness in the Russian and Bulgarian languages: Cognitive reflexes of formalisation. *Rusin.* 3 (45). (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/3

Shvedova, N.Yu. (ed.) (1982) *Russkaya grammatika* [The Russian Grammar]. Vol.1. Moscow: Nauka.

Gubsky, E.F. (ed.) (2006) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Encyclopedic Dictionary of Philosophy]. Moscow: INFRA-M.

Shelyakin, M.A. (1996) O funktsional'noy sushchnosti russkogo infinitiva [On the functional essence of the Russian Infinitive]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Slovar' Grammatika. Tekst* [Dictionary. Grammar. Text]. Moscow: RAS. pp. 288-302.

Shelyakin, M.A. (1998) Ob invariantnom znachenii i funktsiyakh substantivnogo imenitel'nogo padezha v russkom yazyke [On the invariant meaning and functions of the substantive nominative in Russian]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Obshchee yazykoznanie i teoriya grammatiki* [General Linguistics and Theory of Grammar]. St. Petersburg: Nauka. pp. 105–111.

Yakobson, R. (1985a) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: [s.n.]. pp. 210–221.

Yakobson, R. (1985b) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: [s.n.]. pp. 133–175.

Croft, W. (1995) Modern syntactic typology. In: Shibatani, M. & Bynon, T. (eds) *Approaches to language typology*. Oxford: Oxford University Press. pp. 85–144.

Greenberg, J. (1996) *Language universals, with special reference to feature hierarchies*. The Hague: Mouton.

Lyons, J. (1982) Deixis and substantivity: Loquor, ergo sum? In: Jarvella, R.J. & Klein, W. (eds) *Speech, Place, and Action: Studies in Deixis and Related Topics*. New York: John Wiley & Sons. pp. 101–125.

Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Temnikova, I.G. (2015) Gender-Marked Metaphors: Influence of Grammatical Gender and Frequency on Referential Choice of Metaphorical Name of the Person in the Russian Language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014 (2015). pp. 135–141. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.033

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета, зам. зав. Лабораторией лингвистической антропологии (Россия).

Rezanova Zoya - Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Некрасова Елена Дмитриевна – старший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Nekrasova Elena - Tomsk State University (Russia).

E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

УДК 811.161:39 + 81'373

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/10

НОМО LOQUENS В ЗЕРКАЛЕ ИМЕН НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И РУСИНСКОГО ЯЗЫКОВ)*

Г.Н. Старикова

Томский государственный университет

Россия, 634055, Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторское резюме

Предметом рассмотрения статьи стала лексика, называющая человека, говорящего на диалектном типе русского и русинского (в его закарпатском варианте) языков. Материал – более 2 тыс. существительных и прилагательных – доказал значимость указанного параметра в оценке человека с позиций обеих культур. Сопоставление выявило: 1) общие нормы народного речевого этикета социального (говорить по делу, не лгать, не сплетничать и т. п.) и орфоэпического рода (говорить внятно, в среднем темпе и др.); 2) асимметрию лексических подсистем – явное преобладание пейоративных единиц, маркирование в большей степени содержания, а не манеры речи, меньшую долю слов женского рода по сравнению со словами мужского рода (за исключением группы «Сплетники»); 3) звукоподражательную природу значительного количества производных (*баляба, мыргоня / гойкаш, мымрак*) и др. Особенности представления *homo loquens* в двух славянских культурах состоят в мотивах наименования, моделях именного словопроизводства. Так, в русском языке в деривации довольно активно используется соматическая лексика: *ротан, кривоязычник, губотреп, брылотряс; горлаш, жереластый; ушница*, но более всего – с корнем *хвост-* (*двуххвостка, охвост, хвостобой*) и *зуб-* (*долгозубый, зубан, зуботыка*). В русинском в значительно большей степени наблюдается параллелизм форм в образовании наименований по гендерному признаку: *дудрош – дудрошка, лармач – лармачка, німак – німаня*.

Ключевые слова: человек говорящий, речевое поведение, народная культура, диалектная лексикология, русинистика.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043: «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

HOMO LOQUENS IMAGE IN DIALECTAL CULTURE (IN THE RUSSIAN AND RUSIN LANGUAGES)**

G.N. Starikova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Abstract

The paper focuses on the vocabulary naming a person who speaks Russian and Rusin (Transcarpathian) dialects. The material of more than two thousand nouns and adjectives has proved the importance of the specified parameter for the person assessment in both cultures. The comparison has revealed 1) the general rules of the national speech social (to speak on the case, not to lie, not to gossip, etc.) and orthoepic etiquette (to speak clearly, at a moderate pace, etc.); 2) the asymmetry of lexical sub-systems – a clear predominance of pejorative units, with the content, not manner of speech, marked to a greater extent, a smaller proportion of feminine lexemes (except the “gossip” family); 3) the onomatopoeic nature of a significant number of derivatives (*balyaba*, *myrgonya* / *goykash*, *mymrak*), etc. The peculiarities of homo loquens representation in two Slavic cultures consist in the explanation of names, the nominal word derivation models. So, the Russian language actively uses somatic derivatives: *rotan*, *krivoyazychnik*, *gubotryop*, *brylotryas*; *gorlash*, *zherelastic*; *ushnitsa*, with most of them with the roots *khvost-* (*dvukhvastka*, *okhvost*, *khvostoboy*) and *zub-* (*dolgozub*, *zuban*, *subotyca*). The Rusin language shows a greater parallelism in the formation of the names by gender: *dudrosh* – *dudroshka*, *larmach* – *larmachka*, *nīmak* – *nīmanya*.

Keywords: speaking person, speech behaviour, Slavic culture, dialectal lexicology, Rusin studies.

Постановка проблемы. Владение языком является одним из значимых проявлений homo sapiens, на что указывает кодекс речевого поведения человека, отраженный в пословицах и поговорках того или иного этноса, регулирующий коммуникативную практику как со стороны содержательно-количественной (что говорить, сколько), так и формальной (манера говорения). Так, у русских встречаются: *красную речь красно и слушать; не все вслух да и в голос; рассказчики не годятся в приказчики; слово слову костыль подает* и др. Им соот-

**The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF) (Nr. 16-18-02043: “Culture of the Russian People in the Dialectal Language and Text: Constants and Transformation”).

ветствуют и русинские поговорки: *лем на язык го є* (болтуна видать по слову, рыбака – по улову); *у многуй бесіді малый хосен* (больше говорить – больше согрешить); *мастні слова – сухі долоні* (большой говорун – плохой работун) и др.

Соответственно, характеристика речевого поведения человека относится к числу востребованных лингвистикой направлений исследования, о чем свидетельствует значительное количество работ отечественных языковедов, посвященных этой тематике, выполненных на основе русского (Степанова 1970; Ничман 1980; Крылова 1996; Арутюнова 2000; Антонова 2003) и других славянских (Бондарь 1969; Тишечкина 1990; Гирняк 1999), а также типологически различных языков (Резанова, Дай Инли 2011). В частности, на материале русского языка наиболее проработанной является зона глаголов речи – как современного литературного языка, так и более ранних этапов его развития (Бахтина 1965; Таргонская 1993), всего около 300 слов (*возмущаться, отрицать, предрекать, советовать, шептать* и т. п.). В 7-м выпуске «Логического анализа языка», включающем материалы конференции «Язык речевых действий» (Институт языкознания РАН, 1993) (ЯРД 1994), также интерпретируется прежде всего глагольная лексика. Ей же посвящены немногочисленные работы, выполненные на диалектном материале (Коршунова 2002; Бессонова 2010; Резанова и др. 2014). Именная лексика становилась отдельным предметом изучения лишь в культуроведческой работе Ю.В. Егоровой: 49 прилагательных (*красноречивый, лживый*) и 91 существительное (*визгун, демагог, льстец, лгун, оратор, остряк, пискля, пустослов, свистун*), которые послужили основой для выявления параметров характеристики человека говорящего и допустимости их совмещения при номинации последнего (Егорова 2003).

Общие выводы проведенных исследований могут быть сформулированы следующим образом:

1. Именные средства, характеризующие человека говорящего, немногочисленны в литературном языке; в частности, глаголы речи слабо востребованы в деривации агентивной лексики.

2. При именовании *homo loquens* маркируется прежде всего содержание речи, но не манера речи.

3. Структура семантического поля говорения характеризуется явной асимметрией, которая выражается: а) в однополярности параметров речи (оценивается бессодержательность, лживость речи, но не высокое качество ее содержания, правдивость); б) в малой доле наименований для лиц женского пола.

Все сказанное обосновывают актуальность и цель настоящего исследования – верифицировать прозвучавшие в работах выводы

диалектным материалом, сопоставить данную характеристику человека в рамках двух родственных культур – русской и русинской.

Общая характеристика материала. Данная работа построена на материале народного типа русского и русинского языков. Источником первого стал словарь М. Алексеенко, О. Литвинниковой «Человек в производных именах русской народной речи» (ЧПИ 2007), второго – словари И. Керчи (РРС 2007; РРС 2012) и ряда говоров, квалифицируемых как говоры русинского языка (ГГ 1997; БС 1966; СП 1882) Закарпатья. Для чистоты сопоставления из анализа была исключена лексика материалов И. Керчи явно книжной формы бытования (*дебатант, декламатор, консультант, наратор, реторик*). К исследованию привлечена именная лексика – существительные и прилагательные, в толковании которых использованы слова с семантикой говорения или отсылка к ним: АЙКАЛО, м. и ж. Тот, кто часто айкает (произносит *ай*); АЛАЛЫКА, м. и ж. Тот, кто непонятно, несвязно говорит, бормочет; // тот, кто вместо одного звука произносит другой (ЧПИ 2007: 13); ЛЬОПОТУН, а. Балакучий чоловік, базіка (разговорчивый, болтун); ЛЬОПОТУНЬЯ, и. Балакуча жінка, базіка (разговорчивая, болтуня) (ГГ 1997: 116); ЛАЧ, м. Сквернослов; ругатель (РРС 2007 1: 467); БАЗАР', БАЗІСТ, БАЗИЛО. Крикун (БС 1966: 94) и др.

Всего к анализу привлечено более 2 600 лексических единиц, из них почти 1 800 слов – существительных и прилагательных – русского языка. Русинская картотека состоит примерно из 850 слов, в числе которых около 650 слов именных частей речи, 185 – глаголы, служащие исходным материалом при семантизации объекта исследования (*картати* – 'досаждать бранью', *плес(ка)ти* – 'болтать; говорить невнятно, вздор'; *трынкати* – 'гундосить, плохо выговаривать звуки', *шушкати* – 'сплетничать', *ячати* – 'визжать, кричать' и др.). Необходимость в последних вызвана нередкой слабой семантико-стилистической квалификацией ряда лексем в указанных словарях, обусловленной зачастую недостатками лексикографических трудов, послуживших основой для наших источников. Так, в словаре Ф. Пискунова читаем: *зіптяйка* – негодная женщина (СП 1882: 91). Не берясь за полное восстановление значения слова¹, тем не менее включаем его в орбиту своего исследования как наименование крикуны (скандалистки?), поскольку *зіпати* – *сильно кричать* (СП 1882: 91).

Выбор в пользу производной лексики был сделан не только установками основного русского источника (ЧПИ 2007), но и общим характером данной группы лексики – практически все ее единицы являются дериватами звукоподражаний (*каркала, мыргоня, талалыка*) и глаголов говорения (*болтарь, лепетало*), звучания (*бухала, звяга*) или же результатом семантического словообразования (*циган* – 'враль',

обманщик'; *есаул* – 'острослов', *лицедейка* – 'насмешница, озорница'). В анализируемый материал в качестве самостоятельных единиц были включены как семантические (*воятник* – 'визгун, крикун; вздорщик'), так и формальные варианты слов (*брехайач, брехач, брехун, бреха, брехаль*), поскольку часто они извлечены из разных словарных источников и потому могут быть закреплены за разными ареалами.

Ното loquens в зеркале имен русской народной речи. Данная характеристика человека квалифицируется народной культурой как значимая, что доказывается ее количественным показателем – 14,7 % (1 800 из 12 240) от общего числа номинативных единиц словаря, называющих человека по таким важнейшим признакам, как место жительства, этническая принадлежность, профессиональные занятия, физические данные, родственные связи, семейное и материальное положение, интеллект и психика, характер, морально-нравственные оценки и др. (ЧПИ 2007: 6). Речевая способность осознается как приобретаемое с раннего возраста свойство (*немка, немочка, немуха, немчик, немчур, увака* – 'ребенок, который еще не начал говорить'; *лопотун, лопотунья* – 'недавно начавший говорить ребенок'; *лепетуха* – 'девочка, рано заговорившая'), а неразговорчивость – как «нелюдское» качество (*нелюда, нелюдай, отлюдник, несвойный* и др.). При этом к качеству речи, ее количеству, содержанию предъявляются серьезные требования.

Одно из самых значимых – это количественный показатель разговоров, по которому маркируются те, кто мало говорит (*безголосый, безответливый, запечник, молчажливый, небаян, недобай, немтырь, ненаречистый, несказ, тучный*), но существенно чаще – те, кто говорит много (*блекотун, брякалка, верзила, лоскотуха, мешалка, хлестун*). Осуждаемы обе роли, но вторая явнее, поскольку говорливость маркируется более чем в 3 раза чаще (207 против 61).

Хотя стилистические пометы в ЧПИ употребляются весьма не последовательно², словарные дефиниции позволяют говорить о своеобразной шкале оценок по этому параметру. Так, как норма или близкая к нему характеристика выражается словами со значением 'речистый, говорливый, общительный, говорун': *басёнистый, бахорливый, говоркий, гурливый, майданник, мовлистый, наговористый, народный, повадный, погудорка, пословный, разговоркий, разговорщик* и проч. Чрезмерная же говорливость расценивается как болтливость (*байбала, балабызиха, забаян*), свидетельство лени (*алюсник, охлыня*), в определенной степени глупости (*алалочка, балдовина, верзила, долдон*), лживости (*басельник, забая*), клеветы, наговоров, склочничества (*здора*) и др. – данные созначения выявлялись на основе словарных толкований. Так, слово *простынища* 'не умеющий вовремя замолчать' может

быть воспринято как отклик на поговорку *простота хуже воровства*.

Оценка человека по содержанию речи составляет чуть менее 70 %, при этом в числе ведущих параметров является его соответствие истине. Так, у 98 слов основным значением оказывается 'тот, кто говорит неправду, лжет': *вертословый, врач, врѣш, вреха, двоёслов, завир, илгала, лыган, обаум, сбрѣх, хлопуща* и др. Говорящие правду маркируются единично – *невря*, хотя есть еще *гладкобай* 'ласковый, веселый человек, который говорит всегда правду' и *недолыга* 'не умеющий лгать'. Надо заметить, что номинация *homo loquens* в содержательном аспекте речи является по сути его оценкой по речевому действию: действительно, говорить нечто неважное, бессодержательное, пустое означает болтать, отпускать шутки – шутить и т. д. Данный аспект позволяет выявить болтунов (*байло, балачка, блекотун, буранко, лоскотуха, мешалка, словопрей, толкуша, шебарча*), ворчунов-брюзжателей (*брюзгун, бурчага, бурчалка, вяркуша, глодырь, долдоня, калякун, каркала, мыргоня, пеняла*), жалобщиков-нытиков (*канькала, напроска, маньяк, наян, пенявый*), попрошаек (*клянчуха, кучко* (кучиться – 'усиленно просить'), *попрошай*), хвастунов (*звонкодрист, кобень, прихвасть, хвальбун*), подстрекателей-смутьянов (*вздорник, змуста, каламутка, подстреха*), льстецов (*кривосвист, ласкобай, лебезёк, обвива, припевало*), сквернословов (*ерник, кострюк, матюжница, матюкальник, охабник*), балагуров-насмешников (*выкомура, глум, гудочник, завивоха, мутосвет, оскалиха*) и другие роли человека говорящего.

Однако нельзя утверждать, что манера речи остается без внимания. При ее характеристике учитывается сила голоса, причем активно оцениваются прежде всего крикуны: *базанья, базло, гайкала, галдельщик, гамаюн, горлодрай, гудила, зыкун, матероголосый, мяландун* и многие другие. Тихий голос маркируется только как невнятная, непонятная речь: *барабуша, бурлима, вавака, вякала, ерготун / ерготунья, кулепет, мякала, немтыра, околесник*. Из других характеристик голоса можно указать на его визгливость (*визга, визгопыха, визгунышек*), охриплость (*каряйдун, осипа*), нежность (*воркоток* – 'ребенок с нежным голосом'), а также его отсутствие (*безголосица* – 'человек, потерявший голос по болезни').

Другой качественной характеристикой оказывается темп речи: медленно, вяло говорящие – это *гмыра, музюкалка, опакуша*, быстро – *барабошка, выщелчек, дроботень, лотоха, строчица, частобай*. Также в производных отмечены такие особенности произношения, как картавость (*алалыка, ерыкала, ерыхало, кривоязыня*), заикание (*заичка, недобай, недобайка, немтырь, пыкала*), гнусавость (*виньгун, виньгунья, гнусавка, гугня, гундяк, мусора, нюгайдун, нявжун, нявжа*), шепелявость (*лебезило*). Особо маркируются те, что имеют особенно-

сти в реализации тех или иных звуков (*акала, дзёкан, екуня*), морфем (*угольники, егун*), проявляют пристрастие в употреблении того или иного слова: *айвница, булочники, быатиха, жеки, кудыка, кудакалка, ничегокалка, нукала, околиха* – те, кто любят часто повторять *ай, бул* – *були* (вместо *был* – *были*), *быат* (вместо *бывает*), *же, куда, ничего, ну, около* – соответственно.

Данная лексика позволяет восстановить народный речевой этикет, сформированный социальными и орфоэпическими нормами, причем отрицательно оцениваются нарушители тех и других: *серяга* – матершинник; *обзывала, перелиз(а)* – передразнивает, *брызгало* – о человеке, который готов спорить, не выслушав; *перебейка, залаз(а)* – перебивает, *вякуша* – неправильно говорит, коверкая слова; *бубнила, бумка* – высказывается без интонационного рисунка, когда речь напоминает удары барабана в одной тональности: бум-бум; *выколула* – тот, кто говорит медленно, с паузами, с трудом подбирая слова; *отлюдник* – не участвует в беседе, молчун.

Худоязыким противопоставляются носители качественной речи – это прежде всего хорошие рассказчики: *бай* – *бая, баюня, гладкобайка, забавщик, исторник* – *исторница, лясарь, наречистый, насловистый, посказательница, разнослов*, всего около 70 номинативных единиц. О ценности данного умения свидетельствуют: *несловесный* ‘не умеющий хорошо объяснить’, *неразжёва* ‘не умеющий хорошо пересказать’, *барабуша* ‘разговорчивый, но плохо, бестолково излагающий мысли’. Отсутствие отрицательной оценки можно указать не более чем у 10 % имен: *бахорливый* ‘разговорчивый, приветливый’, *говорила* ‘говорящий по делу’, к тому же с рядом оговорок: поскольку разговорчивость граничит с болтовней, красноречие – с пустословием, шутка – с насмешкой, многие из этих слов выражают и пейоративные оценки. Так, *краснослов* – не только ‘хороший рассказчик’, но и ‘лстец; болтун’, *охлыня* – ‘умеющий бойко и занимательно рассказывать, сочинять’ и ‘бездельник’, что отражается в поговорке *то не слава, что бава*.

В указанные проценты включены также наименования людей, которые соблюдают речевой этикет: *легкословный, лабзун, несобащливый* – ‘вежливый, приветливый’, названия по речевым действиям, которые указываются как профессиональные: *повещало* – ‘рассыльный’; *голосан* – ‘дьякон’, *кличник* – ‘глашатай’, а также знахари, предсказатели, колдуны (*крикуха, нашепт, наговорник, отговорщик, пухтарка*), участники разного рода обрядов (*вытница, окликала, плакуша, говорильщик* – ‘чтец псалтыри над покойником’).

Выявленная на основе литературного языка асимметрия семантического поля говорения подтверждается и диалектным материалом (90 : 10), но это общеязыковая черта – отмечать отклонения от нормы,

что влечет за собой слабую маркированность ее в языке. Нарушения норм в коммуникации явны, очевидны, т. к. говорение априори предполагает адресность, что предопределяет прагматизм речевых действий. Подтвердилась асимметрия системы и в отношении гендерной характеристики лексики: по нашим данным, 764 слова характеризуют человека безотносительно пола (43 %: *базоня, горлозвонка, драло, зёва, покрикуша; горловитый, криксливый, ротастый, шумихливый*), 618 (менее 35 %) – мужчин (*балакирь, бахарун, губотрёп, обайщик, пустобряшник*), 394 (более 22 %) – женщин (*зубариха, огурница, петушиха, приветница*). Например, среди наименований хвастунов – 12 слов мужского (*бодряк, звонкодрист, янька*) и 1 женского рода (*нахвалка*, которое имеет второе значение – ‘та, что любит хвалить’).

Таким образом, при оценке человека говорящего особо значимыми параметрами оказываются содержание и манера речи, в существенно меньшей степени принципиален его пол. Например, на 30 наименований общего рода «худоязыких» на буквы А–Д (*брякалка, бубнило, гаркуша*) приходится всего 6 слов мужского (*бормотун, далдон*) и 2 женского рода (*веньгунья, вякуша*).

Ното loquens в зеркале русинского языка. В русинском языке был выявлен ряд глаголов, передающих семантику ‘говорить / сказать’: *бесідовати, гварити, говорити, глаголати* (церк.), *говорькати* (дет.), *казати, повідати, прогваряти, речи* и др. Некоторые из них также выражают содержание и / или манеру речи – *гвару, говур, гутур, выгваряня* (произношение). Так, *грявачати, гулюкати, кавкати* – говорить громко, *гыркати* – злобно, *халдандригати, хамандрати, мондяти* – косноязычно, непонятно, *речновати* – красиво, много, *джангоніти* – надоедливо, *жевать* – нудно, *бырблати, лопоніти, фофлати, швельботати* – невнятно, *хавкати* – невнятно и громко, *гындати, мылькати, папляти* – вяло, мямля, *бубоніти, дроботати, торкотіти* – часто, много (тараторить), *блудити* – неуместно, *цукрити* – сладко, *цвенькати* – «худо выговаривая» (СП 1882: 280). В связи со сказанным представляют интерес существительные, отражающие общую характеристику речи: *кочішчина* – мужицкий язык (*кочіш* – кучер, извозчик), *герготаня* – ругань; немецкая или еврейская речь.

Ното loquens в зеркале русинского языка выглядит во многом подобно русскому. В частности, ведущей является характеристика человека по речевым действиям, т. е. по содержанию речи. При этом наиболее проработанными номинацией зонами являются болтовня (пустозвонство) и ложь, обман. Как ‘болтливый, болтун, болтуня, балабон, бесструнная балалайка’ в словарях толкуется 50 номинативных единиц: 39 существительных (*гулю-гулю, гагун, ківуха, треперендя, троскотило*), 9 прилагательных (*болботливый, бырблавый, щебетли-*

вый), 2 фразеологизма (*ги млин ходит; рот му ся не заперат*). Здесь тоже можно говорить о градации в оценке данного свойства человека: *бесідливый, многорічивый, щебетун* ('говорливый') – *беленда, бляндаш, варкош(ка), моргуха, цокотуха* ('пустозвон, пустомеля') – *брехачиско (пренебр.), трепач(ка), таляфаткаръ* ('трепло, трепач' – *зневажл.*), хотя стилистическая маркировка слов носит тот же характер непоследовательности, что и в ЧПИ. Данная роль так же, как в русских говорах, сочетается с ролями глупца (*телепень, телепний*), сплетника (*плескаръ, плескаръка*), скандалиста (*языканя*), трещотки (*дроботун, торохтій, троскотливый*), ветреного человека (*ляскуха*). В родовом отношении наименования распределяются следующим образом: 16 : 21 : 13.

Лгуны (вруны, обманщики) в этом аспекте представлены как 1 : 18 : 8 – вновь с явным преобладанием слов мужского рода: *бреха – лгаръ, брехун, пудбрехач, кламаръ, окламник, хараман* (ГГ 1997: 200), *циган, кривдник, дурисивт, ошуканецъ – лгарка, кламаръка, окламница, циганёшка, брехачка, брехунка, брехуха, кривдниця*. Исходя из толкований слов, крайние позиции по шкале вранья занимают *брешко* ('лгунишка') и *брехаль (зневажл.)*. Из других ипостасей *homo loquens* можно отметить ворчунов, сварливых: *дудравый, корливый, воятник, грімачка, балагуров-насмешников, зубоскалов: баясник, приказовач, буфон, фігляръ(ка), ругателей-хулителей (лайливый, лемзаючий, розгудецъ), оскорбителей, грубиянов (зуканка, напасник, невіглас, плюга), сквернословов (лач, паскудноротый, ругач), баламутов, возмутителей, подстрекателей, крамольников, «советчиков на худое»* (СП 1882: 92) (*баламута, балахрест, ворохобник, колотник, нагваряч, злорадия*), *льстецов-подхалимов, соглашателей (лизаймиска, лестун, айнаш, еднач), попрошаек (прошачка, прошок, лабзюк), ябедников (бідогляд, дошептовач), хвастунов (хвалько, хвалькош(ка))* и др.

Без отрицательной оценки, как норма маркируются роли утешителей, советчиков (*порадник, порадниця*), краснословов (*златослов, мовний, словен*), рассказчиков (*байкаръ, оповідач, повідкаръ, приказовач, расповідач*), сказочников (*казкаръ, бай, байкаръ, байкаръка*), профессионалов (*гадерь, гадерька* – кто заговаривает от укусов змей, *шептуха* – ворожея, *казнодій(ка)* – проповедник, *шептач* – суфлер). При этом границы оценок весьма зыбки: так, *мовний* – 'краснослов' и 'болтун', *краснобай, хармаркач* – 'дьячок' и 'косноязычный'.

Количественный аспект говорения представлен наименованиями молчунов (*бессловный, дюговатий, (и)здержанный, мовчязний, мовчаливый, мовчкый, мовчязливецъ, мовчак, мовчуля, небесідливый, неговорливый, німый, скупословый, тихый*) и говорунов (*балакливий, балаклій, бесідливый, говурливый, джангливий, мовлячий, пискач(ка), приказливый, розговористый, шепкый* (еще – шумливый), «языкастых»

(езикач (языкач), пискатий, хавкатий – все ГГ). В манере речи чаще всего отмечается сила голоса. Так, крикуны, крикуньи называются *гагуля, гагун, гойканя, гойкаш, гортанкастый, гучный* (шумный), *воятница, зиптяйка, лармачка, пысканя, пыскатый, пыскач, ревачка, ротаня, роташ*, а также *хлоп на гортанку, широкої гортанкы*. Человек с визгливым, тонким голосом – *верескливый, півкало, ячавый*, с хриплым – *хрипач(ка)*. Как в русском, тихость голоса сочетается с неразборчивой, непонятной речью: *бырблавець, бырблавый, гында, мымлѣш(ка), папля, папльавый, швельбач, швельбавый*. Невнятность речи может быть также обусловлена ее высоким темпом: *торкотало, тронкавый, фрінкош(ка)*. К *недоріким* также относятся заики (*закавець, гакливый, гикливий, гикавий, дыда, загакливый, коктавый, кокташ(ка)*), картавые (*гынґлявый, дрымбавый*)³, говорящие в нос (*зугнавый, фофлавый, фофляк*), шепелявые (*шепета, шепетливый*). В аспекте манеры речи характеризуются также *забігачкий* – ‘тот, кто говорит загадками, непонятно’ (ГГ 1997: 72), *бомбастый, нафуканик* – ‘велеречивый, напыщенный, фразер’, а также *щобак* – ‘русин, выговаривающий *що* вместо *што*’.

Сплетни и сплетники в свете двух культур. Отдельного разговора заслуживают наименования сплетников, совмещающих в себе несколько речевых ролей и допускающих их характеристику в гендерном аспекте. Так, Д. Таннен пишет: «Принято думать, что женщины говорят слишком свободно и слишком много в неофициальной обстановке. Все это называют одним словом – *сплетни*. Хотя сплетни могут причинить вред, так бывает не всегда; иногда они играют решающую роль в установлении близости – особенно если это не «разговоры против», а просто «разговоры о» (Таннен 2005: 309). Возможно ли такое отношение к сплетням в народной культуре?

Литературному *сплетничать* соответствует ряд областных слов: *балахвостить, ерестить, зубомоить, колотырить, мутить, обавивать, пересудничать* и др., которые относятся к группе глаголов речевых действий, передающих содержание высказываний. Для наименования субъектов этих действий в (ЧПИ 2007) выявлено 131 слово: 127 существительных (*заливоха, напевала; обсудник, ошуканщик; балахрыстка, колотушка*) и 4 прилагательных (*басневитый, обессудчивый, переводливый, пересудливый*). Для сравнения: в словаре З.Е. Александровой это лишь *злаязычник* (уст.) и фразеологизм *злые языки*, единственный синоним у *сплетницы* – *кумушка* (разг.) (ССРЯ 1975: 514).

Анализ показал, что это речевое действие не выглядит исключительно женским занятием: 20 имен – общего рода (*балдовина, клепало, мокроводка, перемирава*), 52 – мужского (*балентрясник, брехун, зубочѣс, колотырник, обаим, ошуканщик*) и 55 – женского (*балахрыстка, мо-*

лотильня, свистодырка, ушница), но это действительно единственная подгруппа в нашем материале, где женщины не уступают активности в речевом поведении мужчинам. При этом очевидно, что в рамках народной культуры сплетни не воспринимаются безобидной болтовней, поскольку в подобной речевой практике соединяется ряд социальных ролей говорящих, на что указывает значение производящих или же кодериватов. В числе этих ролей: информатор (*басёнка, вестовщица, объявщик, переводливый*); доносчик (*визгало, лазутница, набайщик, переветник*); болтун (*балянтрясник, басневитый, звонило, зубомой, зубочёс, колотовка, обсудник, переыва*); лгун (*брехало, бреховка, брехун, залыгало, перелыга*; *дурноплётка, косоплётка, плетунья*); клеветник (*ерестун, ищеульник, ищеульница, набайщик, капасник, клеветун, клепала, напрасник, охайщица, понапрасленник, понапрасница*); бездельник, лентяй (*плёшник, междворка, обойдуха, распустёха*); подстрекатель (*замута, мутница, мутехвостка, мутосвет, напевщик, наговорник, перелестник, подсевало, разводница, развратник, развратница, разжого*); скандалист (*ерестунья, ерыкала, цапушка, обливовщик*); посредник (*сшивала, концевод, концесвод, концесводник, переговорищик, переказник, миродворка*); льстец, подхалим (*лизун, ушник, ушница, побирушница*).

Во всем этом перечне лишь функции миротворца, советчика (ср. *надоумистый, ответчивый, радька*), возможно, информатора могли бы быть восприняты положительно, но совмещение их с заведомо осуждаемыми ролями обрекает сплетников на резко негативную оценку: *он на все горшки уполовник* (сплетник); *кто переносит вести, тому бы на день плетей по двести*; *клевета что уголь: не обожжет, так замарает*.

Как легко заметить, лексика яркая, выразительная, с экспрессивными суффиксами (*едуга, колотыга, балдовина, заливоха, маниха*) и основами, нередко двукорневыми (*балахрыстка, барахвост, бесомыка, дурноплётка, косопрядка, мокроводка, свистодырка*). В этом перечне обращает на себя внимание большая группа слов с корнем *хвост-*: *балыхвост, балухвостник, барахвостиха, бухвостень, манихвостка, мокрохвост, мутехвостка, нахвостник, охвост* и др. – такое регулярное указание на наличие подобного «органа» у сплетников может свидетельствовать о их связи с нечистью в народном представлении. О низкой социальной оценке последних говорит и паремийный фонд языка: *слушальщику да подоконечнику гроб, да могила, да третье кадило*; *бойся клеветника, как злого еретика*; *ябедника на том свете за язык вешают*.

По нашим данным, в синонимический ряд «сплетничать» в русинском входит ряд глаголов и выражений, в которых реализуется несколько образов данного действия: плетение слухов, их соединение, сочини-

тельство (*плет(ь)ковати, ціпы язати, клепати*), шушуканье, разговоры исподтишка (*пошепковати, шушкати, дошептовати*), производство звуков, их распространение (*колотити, клепати, плескати*), а также нарушение заведенного порядка, покоя, чистоты (*баламутити, плескати*).

Собственно наименований сплетников выявлено немного, что свидетельствует скорее о неполноте русинских словарных материалов, чем об отсутствии этого явления в культуре русин. Данное свойство также приписывается представителям обоих полов (*клепач / клепачка, плескарь / плескарька, плет(ь)карь / плет(ь)карька, плетькаш / плетькашка, плетюга* – общего рода), но женщинам чаще: *льопа* (ГГ 1997: 116), *лябда* (РРС 2012 2: 413) толкуются как ‘сплетница’. Так же, как в русском, *сплетни* в русинском суть не просто безобидные разговоры. Например, об этом говорит семантика однокорневых слов: *льопотун, льопотуха* – ‘балакущий (-ая), базіста’ (разговорчивый, *болтун(-ья)*), *льоппнути* – ‘сказать неуместно’, *льопати, мн.* – брань («лайливі слова») (ГГ 1997: 116). Экспрессивное *лябда* восходит к ряду звукоподражательных по своей природе глаголов, значения которых, соединяясь в существительном, иллюстрируют практически все указанные выше образы распространения слухов: *лябдати* – ‘болтать’, *лябдаты* – ‘звонить во все колокола’, *лабайдаты* – ‘бормотать’, *лябзаты* – ‘разглашать тайное, плести’ (ЕСУМ 1989: 333).

Таким образом, и в этой группе в русском и русинском наблюдается сходная картина.

Выводы. Проведенный анализ показал многочисленность состава именной лексики в территориально ограниченных формах языков, что свидетельствует о значимости указанного параметра в оценке человека с позиций обеих народных культур. Сопоставление выявило ряд общих и особенных черт в характеристике *homo loquens* в свете двух славянских языков. К числу первых относятся: 1) общие нормы народного речевого этикета социального (говорить по делу, не лгать, не сплетничать и т. п.: *вертословый, канькала, прихвасть / баламута, беленда, нагваряч*) и орфоэпического рода (говорить внятно, в среднем темпе и др.: *гайкала, каряйдун, нявжа / фюфляк, хрипач*); 2) общий главный мотив наименования – содержание, а не качество говорения (по сути, номинация по речевому действию: молчать, болтать, ныть, попрошайничать, ворчать); 3) звукоподражательная природа значительного количества производных (*бальяба, дрезгуша, мыргоня / бырблавец, гойкаш, мымрак*) и др.

Особенности составляет разная степень представленности отдельных признаков наименования в ряде тематических подгрупп («Лгуны», «Сплетники», «Говорящие в нос»), отличия в деривационном

«инвентаре» именного словопроизводства, мотивах наименования. Так, в русском языке, помимо звукоподражательных глаголов, в производстве слов довольно активно используется соматическая лексика: *зеворотый, ротан, большерот; косноязыния, долгоязыкий, кривоязычник; губотрен, брылотряс; горлаш, горланюга, горлодрай, горлопуня, жереластый; ушница*, но более всего – с корнями *хвост-* (*двуххвостка, нахвостка, мокрохвостка, охвостина, хвостобой*) и *зуб-* (*долгозубый, зубаирко, зубочёс, зубомойка, зубан, зубарь, зуботыка, скалозубый*). В русинском набор мотивирующих основ уже: *ротаня, роташ, паскудноротый; языканя, езикач (языкач), языкатий*, а также *гортанкастый* и *шумиголова*.

Как отмечалось выше, в русском языке почти половина лексических средств (43 %) характеризует homo loquens безотносительно пола, около 35 % – мужчин, чуть больше 22 % – женщин. В русинском языке расклад, на первый взгляд, близкий: 35,6 : 38,7 : 25,7 % соответственно. При этом первое число представлено прежде всего прилагательными (102), в существенно меньшей степени – существительными, в русском же языке ситуация обратная. В русинском более 85 % существительных женского рода являются дериватами с модификационным типом словообразовательного значения (так называемыми феминативами по отношению к своим производящим – словам мужского рода): (*гойкаш / гойканя, дудрош / дудрошка, лармач / лармачка, мымлёш / мымлёшка, німак / німаня*). Подобного параллелизма в такой степени в русском языке не наблюдается (*враль – вралья, мяландун – мяландунья*, но: *гладкобай – ‘ласковый, веселый человек, который всегда говорит правду’, гладкобайка – ‘красноречивая женщина’; брандахлыст – ‘болтун, сплетник’, брандахлыстка – ‘женщина легкого поведения’, частобаю* соответствует *чивилькуша, словопрею – тарадайка, костоглоду – костоедка*).

Резюмируя, следует признать, что общего в характеристике homo loquens в говорах русского и русинского языков больше, чем различного, в том числе асимметрия данных лексических подсистем: явное преобладание пейоративных единиц, меньшая доля слов женского рода по сравнению со словами мужского рода. При этом недостаточность феминативов во многом компенсируется значительной долей слов общего рода. Единственная группа, где можно говорить о некотором преобладании числа наименований для женщин, – это сплетники.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Надо заметить, что данная группа лексики практически не поддается однозначной параметризации, о чем свидетельствуют ее толкования в

использованных в статье словарях: *баламута* – баламут; смутьян; зануда, приставала; крамольник (РРС 2007 1: 62); *вавак* – чоловик з дефектом мови (ГГ 1997: 32); *ляскуха* – болтуня-ветреница (СП 1882: 130) и др. Ср. также: *белькотати* – бормотать, заикаться, шуметь, ругать, говорить непонятно (на иностранном языке) (СП 1882: 12).

2. Например, без помет даны *байша* (говорун, болтун), *бакульник*, *балабызиха* (болтун, краснобай), *байбала*, *балабан*, *балабол*, *балабола* (болтун, пустомеля), при этом *балаболка* (пустая женщина, болтуня) имеет помету *груб.*, а балабон, балабошка (то же, что балаболка) – *неодобр.* (ЧПИ 2007: 21).

3. Известное русинскому слово *картавый* является характеристикой внешности человека (Толстик 2016).

ЛИТЕРАТУРА

Антонова 2003 - Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. Гродно: ГГУ, 2003. 519 с.

Арутюнова 2000 - Язык о языке: Сб. статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.

Бахтина 1965 - Бахтина В.П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском литературном языке II половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1965. 24 с.

Бессонова 2010 - Бессонова Ю.А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах: структурный, коммуникативный, культурологический аспекты. Орёл: Изд-во ОРАГС, 2010. 155 с.

Бондарь 1969 - Бондарь И.П. Глаголы речи в старославянском, русском и болгарском языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 1969. 30 с.

БС 1966 - Онышкевич М.О. Словарь бойковского диалекта // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 61–105.

Гирняк 1999 - Гирняк С.П. Структурно-семантична організація словотворчих гнізд з базовими дієсловами мовлення в українській мові XIX–XX ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 1999. 23 с.

ГГ 1997 - Гуцульські говірки. Короткий словник / Від. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

Егорова 2003 - Егорова Ю.В. Возможности характеристики человека говорящего с помощью русских неглагольных слов: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2003. 24 с.

ЕСУМ 1989 - Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 1989. Т. 3. 549 с.

Коршунова 2002 - Коршунова Л.А. Лексико-семантические группы глаголов говорения, мыслительной деятельности, чувства в говорах Нижегородской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2002. 19 с.

Крылова 1996 - *Крылова И.А.* Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 21 с.

Ничман 1980 - *Ничман З.В.* Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1980. 22 с.

Резанова и др. 2014 - *Резанова З.И., Галимова Д.Н., Калиткина Г.В. и др.* Картины русского мира: Метафорические образы традиционной культуры. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 105–108.

Резанова, Дай Инли 2011 - *Резанова З.И., Дай Инли.* Метафорическое моделирование формальных и содержательных аспектов речи в русском и китайском языках // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 89–102.

PPC 2007 1 - *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.

PPC 2007 2 - *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.

PPC 2012 1 - *Керча И.* Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 1. 580 с.

PPC 2012 2 - *Керча И.* Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 596 с.

СП 1882 - *Піскунов Ф.* Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка. 2-е изд., доп. Киев: Тип. Е.А. Федорова, 1882. 304 с.

ССРЯ 1975 - *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. 4-е изд., репрод. М.: Рус. яз., 1975. 600 с.

Степанова 1970 - *Степанова Г.В.* Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 19 с.

Таннен 2005 - *Таннен Д.* Ты просто меня не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 289–309.

Таргонская 1993 - *Таргонская Е.П.* Глаголы речи в памятниках письменности XI–XIV веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 16 с.

Тишечкина 1990 - *Тишечкина Е.Н.* Лексико-семантические соответствия глаголов речи в русском, белорусском и польском языках // Беларуско-руско-польское супастаўляльнае мовазнаўства. Витебск, 1990. С. 95–97.

Толстик 2016 - *Толстик С.А.* Прилагательное *картавый* в русинском языке как характеристика внешности человека // Русин. 2016. № 3 (45). С. 162–173.

ЧПИ 2007 - *Алексеевко М.А., Литвинникова О.И.* Человек в производных именах русской народной речи. М.: ЭЛПИС, 2007. 517 с.

ЯРД 1994 - Логический анализ языка. Вып. 7: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. 188 с.

REFERENCES

Antonova, S.M. (2003) *Glagoly govoreniya – dinamicheskaya model' yazykovoy kartiny mira: opyt kognitivnoy interpretatsii* [Verbs of speaking – a dynamic model of the world linguistic picture: the cognitive interpretation experience]. Grodno: Grodno State University.

Arutyunova, N.D. (2000) *Yazyk o yazyke* [Language about Language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Bakhtina, V.P. (1965) *Leksiko-grammaticheskaya sochetaemost' glagolov rechi v russkom literaturnom yazyke II poloviny XIX veka* [Lexical and grammatical combinability of speech verbs in the Russian literary language of the second half of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

Bessonova, Yu.A. (2010) *Semantika dialektnykh glagolov rechi v orlovskikh govorakh: strukturnyy, kommunikativnyy, kul'turologicheskiy aspekty* [Semantics of dialectal speech verbs in Oryol dialects: Structural, communicative and cultural aspects]. Orel: ORAGS.

Bondar, I.P. (1969) *Glagoly rechi v staroslavlyanskom, russkom i bolgarskom yazykakh* [The speech verbs in old Church Slavonic, Russian and Bulgarian languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

Onyshkevich, M.O. (1966) *Slovar' boykovskogo dialekta* [The Dictionary of Dialect of Boykos]. In: Kalnyn, L.E. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya i leksikologiya* [Slavic Lexicography and Lexicology]. Moscow: Znanie. pp. 61–105.

Girnyak, S.P. (1999) *Strukturno-semanticheskaya organizatsiya slovotvorchikh gnizd z bazovimi dieslovami movlennya v ukrains'kiiy movi XIX–XX st.* [The structural-semantic organization of word-formation nests with the base verbs of speaking in the Ukrainian language of the 19th–20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Donetsk.

Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul'ski govirki. Korotkiy slovník* [Huzul Regional Dialects. A Concise Dictionary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.

Egorova, Yu.V. (2003) *Vozmozhnosti kharakteristiki cheloveka govoryashchego s pomoshch'yu russkikh neglagol'nykh slov* [Possible characteristics of a person speaking with Russian non-verbal words]. Abstract of Culturology Cand. Diss.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1989) *Etimologichnyi slovník ukrainskoï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Korshunova, L.A. (2002) *Leksiko-semanticheskie gruppy glagolov govoreniya, myslitel'noy deyatel'nosti, chuvstva v govorakh Nizhegorodskoy oblasti* [Lexical-semantic group of verbs of speaking, thinking activities, and feelings in Nizhny Novgorod regional dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Arzamas.

Krylova, I.A. (1996) *Semantiko-stilisticheskaya kharakteristika LSG glagolov rechi* [The semantic and stylistic characteristics of lexical-semantic groups of speech verbs]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Nichman, Z.V. (1980) *Glagoly govoreniya (ustnoy rechi) v sovremennom russkom yazyke* [Verbs of speaking (oral speech) in the modern Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk

Rezanova, Z.I., Galimova, D.N., Kalitkina, G.V. et al. (2014) *Kartiny russko-gο mira: Metaforicheskie obrazy traditsionnoy kul'tury* [Pictures of the Russian world: Metaphorical Images of Traditional Culture]. Moscow: LENAND.

Rezanova, Z.I. & Day Inli (2011) *Metaforicheskoe modelirovanie formal'nykh i soderzhatel'nykh aspektov rechi v russkom i kitayskom yazykakh* [Metaphorical modeling of formal and content speech aspects in the Russian and Chinese languages]. *Yazyk i kul'tura*. 2 (14). pp. 89–102.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusin – Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusin – Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2012a) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PolyPrint.

Piskunov, F. (1882) *Malorossiysko-chervonorusskiy slovar' zhivogo i aktovogo yazyka* [Little-Russian – Red Rusin Dictionary of the Living Language]. 2nd ed. Kyiv: E.A. Fedorov.

Aleksandrova, Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The Dictionary of Russian synonyms]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Stepanova, G.V. (1970) *Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov rechi v sovremennom russkom yazyke* [Lexico-semantic group of speech verbs in the modern Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Tannen, D. (2005) Ty prosto menya ne ponimaesh: Zhenshchiny i muzhchiny v dialoge [You just don't understand me. Women and men in dialogue]. In: Kirillina, A.V. (ed.) *Gender i yazyk* [Gender and Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 289–309.

Targonskaya, E.P. (1993) *Glagoly rechi v pamyatnikakh pis'mennosti XI – XIV vekov* [The speech verbs in the written monuments of the 11th – 14th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Tishechkina, E.H. (1990) [Corresponding lexical and semantic speech verbs in the Russian, Belarusian and Polish languages]. *Belarуска-ruska-pol'skoe supastaul'noe movaznaustva* [Belarusian-Russian-Polish Comparative Linguistics]. Proc. of the Conference. Vitebsk. pp. 95–97.

Tolstik, S.A. (2016) The adjective *kartavyy* in the Rusin language as a characteristic of human appearance. *Rusin*. 3 (45). pp. 162–173. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/12

Alekseenko, M.A. & Litvinnikova, O.I. (2007) *Chelovek v proizvodnykh imenakh russkoy narodnoy rechi* [Man in the derived names of Russian dialect speech]. Moscow: ELPIS.

Arutyunova, N.D. (ed.) (1994) *Logicheskiy analiz yazyka* [Logical analysis of language] Vol.7. Moscow: Nauka.

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Starikova Galina - Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/11

ИСТОРИК-СЛАВИСТ ИВАН ОНУФРИЕВИЧ ПАНАС

Н.А. Казарова

Южный Федеральный университет
Россия, 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 104
E-mail: nin-k@yandex.ru

Авторское резюме

В статье реконструируется жизненный путь историка-слависта И.О. Панааса, русина, уроженца Галиции. Опираясь на архивные источники, найденные в Государственном архиве Ростовской области, автор вводит в научный оборот факты, позволяющие полнее представить биографию ученого и его общественную деятельность. Особое внимание уделено периоду становления исследователя, пришедшему на годы революции и гражданской войны, до его переезда в Прагу.

Ключевые слова: Иван Онуфриевич Панас, русин, историк-славист, Варшавский (Донской) университет, Прага, русофильское движение.

HISTORIAN AND SLAVIST IVAN ONUFRIEVICH PANAS

N.A. Kasarova

Southern Federal University
104 B. Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344019, Russia
E-mail: nin-k@yandex.ru

Abstract

The article reconstructs the biography of the historian and Slavist I.O. Panas, Rusin and a native of Galicia. Basing on archival sources from the Rostov region state archives, the author introduces the facts that represent the biography of the researcher and his public activity. Particular attention is paid to the period of his formation as a researcher,

which occurred during the years of the Revolution and the Civil War, before his leaving for Prague.

Keywords: Ivan Onufrievich Panas, Rusin, Slavic historian, Warsaw (Don) University, Prague, Russophile movement.

Имя историка-слависта Ивана Онуфриевича Панаса (1890–1980) относится к числу имен практически забытых ученых, чьи первые шаги в науке пришлось на период войн и революций. Как и многие другие слависты, И.О. Панас в начале 1920-х гг. оказался в Праге, и большая часть его научной, преподавательской и общественной деятельности пришлось на пражский период жизни. В Праге он и похоронен на православном участке Ольшанского кладбища. Становление же И.О. Панаса как ученого пришлось на период его жизни в Ростове-на-Дону, где он оказался в 1915 г. вместе с другими беженцами-галичанами. В Ростове он прожил 6 лет (с 1915 по 1921 г.), и этот период его жизни и деятельности до сих пор остается неизвестным для исследователей. Восстановить основные вехи его биографии до эмиграции нам удалось на основании документов, находящихся в Государственном архиве Ростовской области. Они вводятся нами в научный оборот впервые.

Иван Онуфриевич Панас родился в селе Поддубицы уезда Рава Русская 26 ноября 1890 г. и был крещен в церкви Покрова святой Девы Марии 11 декабря 1890 г. Его родителями были дьяк Онуфрий Романович Панас и крестьянка Матрона Константиновна (в девичестве Крыса) (ГАРО 1: 9). Иван рано проявил интерес и способности к языкам, в том числе и древним. Он, будучи по национальности русином, с отличием окончил немецкую гимназию во Львове. В 1911 г. поступил на историко-филологический факультет Львовского университета, но пробыл там только один семестр, после чего перевелся в Венский университет, где проучился три семестра (ГАРО 1: 34).

Война заставила его в очередной раз изменить жизненные планы. Какое-то время Панас, видимо, был студентом Киевского университета. Об этом свидетельствует прошение о принятии его в Варшавский университет на основании документов, хранящихся в канцелярии Университета св. Владимира, и удостоверение о том, что он является студентом историко-филологического факультета Университета св. Владимира от 6 сентября 1915 г. (ГАРО 1: 45, 47). В октябре 1915 г. в статусе беженца Иван Онуфриевич поступил на классическое отделение историко-филологического факультета Варшавского университета, эвакуированного в Ростов-на-Дону (ГАРО 1: 34). Там он и продолжил обучение. Историко-филологический факультет считал возможным зачислить его на 3-й курс классического отделения

на основании представленных документов Львовского и Венского университетов с тем, чтобы он выдержал со временем экзамены по предметам, по которым у него не хватало отметок в представленных им документах (ГАРО 1: 11–28, 44, 48). Решением ученого совета университета студент И. Панас был освобожден от платы за право обучения «в виду полной несостоятельности, как беженец в России» (ГАРО 1: 45).

Условия военного времени не располагали к учебе и научным занятиям. Профессор Анатолий Федорович Семенов, ставший научным наставником И.О. Панаса, писал позже об этом периоде в автобиографии: «То была эпоха жестокой войны и государственной разрухи. Особенно печальным был факт, что масса студенчества принуждена была прервать свои штудии, будучи призванными на военную службу. Аудитории пустовали. Тем не менее мне удалось воспитать одного молодого ученого, знания которого ныне были оценены за границей, – это И.О. Панас, доцент Пражского университета» (Казарова и др. 2014: 150).

Круг научных интересов молодого ученого, несомненно, сложился под влиянием А.Ф. Семенова. Профессор читал лекции по греческой литературе, истории греческого языка, истории античной культуры, греческой палеографии и эпиграфике. На его семинарских занятиях студенты штудировали тексты Гомера, Софокла, Эврипида, Феокрита, Катулла, Цицерона, Тацита (ГАРО 3: 189; Казарова и др. 2014: 149).

На выпускных экзаменах в 1917 г. Панас продемонстрировал отличные знания по всем предметам (ГАРО 1: 34). Представленная им диссертация «*Aeschili Prometheus vinctum esse fabulam post correctam*» («О подлинности драмы Эсхила “Прикованный Прометей”») была признана ученым советом факультета удовлетворительной, на основании чего 14 августа 1918 г. он получил ученую степень кандидата филологических наук и по рекомендации профессора А.Ф. Семенова был оставлен при университете для приготовления к получению профессорского звания по кафедре классической филологии (ГАРО 1: 4, 10, 41; ГАРО 2: Л.38). Рекомендацию Семенова поддерживали профессор П.Н. Черняев, С.И. Вехов, Е.А. Бобров (ГАРО 2: 44). При этом профессор А.М. Придик высказал сомнение в способностях соискателя к научной работе, в частности якобы из-за плохого знания русского языка и неспособности ясно излагать свои мысли. Поэтому было принято решение оставить И.О. Панаса при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии сроком на один год, без стипендии и с условием, чтобы через полгода он представил отчет о своих научных занятиях на рассмотрение специалистов А.Ф. Семенова и А.М. Придика (ГАРО 1: 6; ГАРО 2: 44).

Вынужденный заботиться о хлебе насущном, Иван Онуфриевич совмещал научную работу с преподаванием в средних учебных заведениях. Его фамилия числится в списке штатных преподавателей 1-й ростовской мужской гимназии, женской гимназии, впоследствии 22-й советской школы 2-й ступени, которую он одно время возглавлял. И.О. Панас вел и занятия в мужской гимназии для уроженцев Прикарпатской Руси, открытой в Ростове-на-Дону для детей беженцев из Галиции (ГАРО 5: Л. 1 об.). Он также являлся членом-экзаменатором испытательной комиссии для проведения экзаменов на звание учителей средних учебных заведений по латинскому и немецкому языкам при Донском отделе народного просвещения (ГАРО 1: 36, 38–39).

В 1920 г. Панас представил отчет о своих научных занятиях и получил положительные отзывы профессоров А.Ф. Семенова, Е.А. Черноусова, Н.Н. Любовича и Е.А. Боброва. На этом основании молодой ученый был оставлен в университете еще на год (ГАРО 1: 6; ГАРО 2: 167).

В начале 1921 г. его приняли в штат университета преподавателем кафедры греческой филологии с поручением чтения лекций на классическом отделении историко-филологического факультета (ГАРО 1: 5, 7). Одновременно он исполнял должность помощника заведующего каталогом университетской библиотеки (ГАРО 1: 1, 8). Однако начавшиеся в стране «пролетаризация» и «советизация» университетов привели к радикальному изменению структуры факультетов, смене социального состава студентов и преподавателей, формированию новых учебных планов и в Донском университете. Были закрыты историко-филологический и юридический факультеты и резко сокращены часы, отводившиеся на преподавание древних языков. Вместо этих дисциплин И.О. Панасу было поручено чтение курса «Введение в языковедение» на вновь созданном факультете общественных наук с двумя отделениями – правовым и общественно-педагогическим.

Не видя перспектив своей дальнейшей деятельности в университете, И.О. Панас в июне 1921 г. обратился к руководству учебного заведения с просьбой разрешить ему научную командировку в Киев, Москву и другие города на летнее время. Необходимость такой командировки он мотивировал отсутствием в Ростове-на-Дону пособий, необходимых для подготовки новых курсов, порученных ему в будущем академическом году (ГАРО 1: 35). На самом же деле, по-видимому, это время он рассчитывал употребить для поиска нового места работы.

Его просьба была удовлетворена: ему была дана командировка по делам службы до 15 августа 1921 г. (ГАРО 1: 35). Однако к началу учебного года он в Ростов-на-Дону не вернулся (ГАРО 4: 1). Иван

Онуфриевич уехал на родину в Галицию, но, не найдя и там подходящего места для работы, перебрался в Прагу, где при поддержке правительства Чехословацкой республики разворачивалась так называемая Русская акция. Благодаря ей многие молодые русские эмигранты смогли получить образование в высших и средних учебных заведениях, а профессора и преподаватели – вернуться к педагогической деятельности. В 1920-е гг. Прага стала научным центром русской эмиграции. И.О. Панас читал лекции и вел занятия по латинскому и греческому языкам и словесности для русских студентов в Карловом университете. Но основное внимание он стал уделять славистике. В 1925 г. в Праге вышел его очерк «Современная Чехословакия». Целью автора было осветить для русского читателя все стороны жизни Чехословацкой республики. Он исходил из того, что Чехословакия интересна для русских как родственная им славянская страна, оказавшая поддержку тысячам русских эмигрантов, нашедших в ней достойный приют. Панас делает экскурс в историю страны, а затем останавливается на современном состоянии Чехословакии, возникшей как государство в 1918 г. на развалинах Австро-Венгрии (Панас 1925: 6). Помимо чтения лекций в Карловом университете и работы в русских научных организациях, ученый тесно сотрудничал со студенческими организациями, стоявшими на принципах русского единства, такими, как союз русских студентов из Галиции «Червонная Русь» и обществом студентов-малороссов и белорусов «Единство русской культуры».

В Праге в 1925 г. его посетил во время зарубежной командировки профессор А.Ф. Семенов, специально приехавший из Мюнхена, чтобы повидаться со своим учеником. Это была их последняя встреча (Казарова и др. 2014: 156; Семенов 1928: 169).

В 1920–1930-е гг. И.О. Панас проявил себя как один из самых деятельных идеологов и пропагандистов русского единства в среде пражской эмиграции, часто выступая с публичными лекциями об украинском вопросе, о единстве русского языка, значении античной культуры в Праге, Ужгороде, Мукачеве, Афинах. Он организовал издательство «Единство», основным направлением которого была идея национально-культурной общности всех трех ветвей русского народа, и руководил им. Там было издано несколько работ русских ученых. И.О. Панас также сотрудничал с редакцией журнала «Казак» (ГАРФ: 1). Ученый принимал участие во многих международных конгрессах русских ученых за границей. «Готовлюсь к большому путешествию София – Афины – Рим. Много работы и много хлопот», – сообщал он историку С.Г. Пушкиреву в августе 1930 г. (ГАРФ: 2).

В 1931 г. умер известный славист академик Е.Ф. Карский. И.О. Панас откликнулся на смерть ученого статьей в русской газете «Россия и сла-

вянство», издававшейся в Париже. В статье «Академик Е.Ф. Карский» он подчеркивал выдающееся значение трудов ученого-слависта, посвященных изучению белорусского наречия, белорусской письменности и белорусской этнографии (Панас 1931). Трехтомный труд Карского «Белорусы» И.О. Панас считал книгой, необходимой для всякого, кто занимается историей русского языка, юго-западной русской литературой, западнорусской историей и этнографией. Характеризуя в общих чертах исследовательскую деятельность Е.Ф. Карского, автор статьи приходит к заключению, что богатство содержания и обилие собранного материала, глубокое знание литературы, объективность и любовь к науке были главными чертами деятельности академика, которого он ставит в один ряд с такими русскими филологами, как А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Б.В. Ляпунов. Панас характеризует Карского не только как ученого, но и как педагога, у которого ему довелось учиться в Варшавском университете. Автор отмечает, что как преподаватель Е.Ф. Карский стремился дать студенту прежде всего хорошие пособия. Такими пособиями были его «Русская диалектология» и в особенности «Русская кирилловская палеография» – плод долголетних изучений ученым древнерусских памятников.

Не менее важным для Панаса являлось и то, что профессор Карский был сознательным русским патриотом, которому судьба России, особенно ее западнорусских окраин, была небезразлична. Своими многочисленными трудами он обратил внимание русского общества на эти земли и пробудил сознание русскости в самом народе, в течение столетий находившимся под сильным влиянием польско-католической культуры. Как и сам Панас, Карский был противником как белорусского, так и малорусского национального, культурного и государственного сепаратизма. На основании своих научных исследований он признавал единство русского языка в его наречиях и считал русский литературный язык общерусским литературным языком. Как и белорус Карский, русин Панас считал, что белорусский, малорусский и собственно русский язык роднит общая основа и различия между языками не таковы, чтобы они могли характеризовать целый язык, а не его наречия.

После ликвидации Комитета по оказании помощи русским студентам Иван Онуфриевич преподавал в русской гимназии в Праге и до войны был ее последним директором, пока по доносу его не арестовало гестапо. После войны он вновь возглавил русскую гимназию, преподавал в ней латинский, немецкий и русский языки.

В 1950-е гг. И.О. Панас заведовал русским отделением кафедры языков в Пражском политехническом институте, был секретарем «Дней русской культуры в Чехословакии», принимал участие в ра-

боте конгресса славистов в Москве в сентябре 1958 г., вел активную переписку с другими учеными (НИОР РГБ: Л. 1). Умер И.О. Панас в 1980 г. в Праге.

В лице Ивана Онуфриевича русины получили известного историка-слависта, филолога-классика, талантливое педагога и активного общественного деятеля.

ЛИТЕРАТУРА

ГАРО 1 - Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 566. И.О. Панас.

ГАРО 2 - ГАРО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 217. Протоколы заседаний историко-филологического факультета Донского университета 1917–1920 гг.

ГАРО 3 - ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 357. Протоколы № 38–48 заседаний историко-филологического факультета Донского университета 1917–1918 гг.

ГАРО 4 - ГАРО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 848. В.А. Францев.

ГАРО 5 - ГАРО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 11. Об открытии в Ростове мужской гимназии для уроженцев Прикарпатской Руси.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 198. Письма И.О. Панаса С.Г. Пушкареву.

Казарова и др. 2014 - *Казарова Н.А. и др.* Историки Варшавского университета. Время и судьбы. Ростов н/Д.: Изд-во Южного ун-та, 2014. 192 с.

НИОР РГБ - Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 799. К. 10. Ед. хр. 48. Письмо И. Панаса и П. Савицкого из Праги в Москву 5 декабря 1960 г.

Панас 1925 - *Панас И.О.* Современная Чехословакия. Прага, 1925.

Панас 1931 - *Панас И.О.* Академик Е.Ф. Карский. Россия и славянство. Париж 1931. 4 июля.

Семенов 1928 - *Семенов А.Ф.* Поездка в Мюнхен // Известия СКГУ. 1928. № 3 (16).

REFERENCES

The State Archives of Rostov Region. Fund R-46. List 3. File 566.

The State Archives of Rostov Region. Fund 527. List 1. File 217.

The State Archives of Rostov Region. Fund R-46. List 1. File 357.

The State Archives of Rostov Region. Fund 527. List 1. File 848.

The State Archives of Rostov Region. Fund 493. List 1. File 11.

The State Archives of the Russian Federation. Fund R-5891. List 1. File 198.

Kazarova, N.A. et al. (2014) *Istoriki Varshavskogo universiteta. Vremya i sud'by*

[Historians of the University of Warsaw. Time and Fate]. Rostov-on-Don: Southern University.

The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 799. C. 10. Unit 48.

Panas, I.O. (1925) *Sovremennaya Chekhoslovakiya* [Contemporary Czechoslovakia]. Prague: [s.n.].

Panas, I.O. (1931) *Akademik Ye.F. Karskiy. Rossiya i slavyanstvo* [Academician E.F. Karsky. Russia and the Slavs]. Paris: [s.n.].

Semenov, A.F. (1928) *Poyezdka v Myunkhen* [A trip to Munich]. *Izvestiya SKGU*. 3 (16).

Казарова Нина Акоповна – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного Федерального университета (Россия).

Kazarova Nina - South Federal University (Russia).

E-mail: nin-k@yandex.ru

УДК 94(47) + 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/12

А.С. БУДИЛОВИЧ И КАРПАТСКАЯ РУСЬ

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

А.С. Будилович (1846–1908) известен не только как выдающийся славист. Он был и общественно-политическим деятелем, отстаивавшим идею единства славянского мира и триединого русского народа. Во время своих зарубежных поездок он побывал в Австро-Венгрии, где посетил регионы, населенные русинами (Закарпатье, Буковина). Родившийся в Западной Руси, где были сильны противоречия с польским населением, он сочувственно относился к русинам Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, оказавшихся в составе Австро-Венгрии, а также российской Холмщины, которая, находясь в составе Привислинского края, продолжала подвергаться колонизации. Во многих статьях он поднимал вопрос о тяжелом положении русинов и их борьбе за национальное возрождение. А. Будилович был инициатором и первым председателем Галицко-русского благотворительного общества, созданного для поддержки населения «Подъяремной» Руси.

Ключевые слова: А. Будилович, Австро-Венгрия, Россия, Карпатская Русь, русины, русские, Буковина, Галиция, Подкарпатская Русь (Закарпатье).

A.S. BUDILOVICH AND CARPATHIAN RUS'

S.G. Sulyak

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

A.S. Budilovich (1846–1908) is famous not only as an outstanding Slavist. He was also a public political figure who defended the idea of the Slavic world unity and triune

Russian nation. During his trips to Austro-Hungary, he visited the regions inhabited by Rusins (Transcarpathia, Bukovina). Born in Western Russia, where there were strong contradictions with the Polish population, he sympathized with the Rusins of Galicia, Bukovina and Ugric Rus', who were part of Austro-Hungary and Russian Kholmschina, which, as part of Privislinski Krai (Kingdom of Poland), were subjected to polonisation. In many papers he raised the question of the Rusins' plight and their struggle for national revival. A. Budilovich was the initiator and the first chairman of the Halych-Russian Charity that supported the population of the "Enslaved" Russia.

Keywords: A. Budilovich, Austro-Hungary, Russia, Carpathian Rus', Rusins, Russian, Bukovina, Galicia, Subcarpathian Rus (Transcarpathia).

А.С. Будилович умолк – похоронили мы в нем великого русского патриота, глубоко верившего в Россию, в разум и мощь русского народа, построившего все свое мирозерцание на изучении всего славянства. Но да будет его вера в Россию и его преданность началам русской жизни и истории поучением для поколений.

П.А. Кулаковский (1908: 741).

Сегодня многие работы известного русского слависта и общественно-политического деятеля А.С. Будиловича (1846–1908), к сожалению, оказались незаслуженно забыты. Можно согласиться с мнением О.А. Фомичевой, что «в современной историографии прослеживаются две тенденции в подходе к изучению наследия Будиловича». Первая, традиционная, «рассматривает его в рамках истории славянофильского учения (исследователь почему-то считает, что в современной литературе преобладает точка зрения о консервативной природе славянофильства. – С.С.) и славяноведения в формате биографических статей», в которых ученого представляют как «воинственного славянофила с романтическим представлением о будущем славянских народов». Сторонники второй тенденции пытаются «переосмыслить взгляды и деятельность Будиловича на основе обращения к его конкретным трудам» (Фомичева 2013: 11–12).

На наш взгляд, при изучении наследия А.С. Будиловича нельзя подходить к нему только с позиций сегодняшнего дня – необходимо учитывать и реалии соответствующей исторической эпохи. В период его деятельности теория единого русского народа была не только официальной концепцией. Ее разделяло большинство российских и зарубежных ученых того времени и основная масса великороссов, малороссов и белорусов, а также русинов, проживавших как на территории России (Холмщина, север Бессарабии), так и в Австро-Венгрии (Буковина, Галичина, Угорская Русь).

А.И. Будилович, «прямой и старший ученик... первых основателей и учителей славяноведения в российских университетах, так и старейших и первых их учеников» (Кулаковский 1909: 100), родился 24 мая (5 июня) 1846 г. в с. Комотово Гродненского уезда Гродненской губернии. Его детство прошло в с. Токари Брестского уезда той же губернии. Проживание «на рубеже народностей» способствовало пониманию взаимоотношений между местными жителями (белорусами, малороссами, поляками, литовцами, евреями) (Карский 1909: 151).

Будилович был родом из бедной и скромной семьи сельского священника, вторым ребенком из 14 детей (7 сыновей и 7 дочерей). Отец его был сыном униатского священника и перешел в православие в 1839 г. Его фамилия звучала на польский манер – Будзиллович. Таким образом, как отмечает П.А. Кулаковский, он «родился в ту пору, когда ясно обозначилось возрождение русского самосознания у белорусов во всей Западной Руси». Вероятно, «очищение от польского напластования своего родового прозвища он сделал по соглашению со своим старшим братом Александром» (который впоследствии стал протоиереем в Холмской Руси) (Кулаковский 1909: 101–103).

Во время польского восстания 1863–1864 гг. «возстанцы» прислали отцу А. Будиловича уведомление, что он «как слишком русский приречен к смертной казни», были и угрозы перебить всю его семью (известно, что несколько православных священников были повешены, один – закопан заживо в могилу) (Кулаковский 1909: 104).

О мировоззрении жителей данного региона хорошо высказалась Л.П. Лаптева: «Православные жители страдали от религиозного фанатизма поляков, вынуждены были терпеть унижения и высокомерное отношение, а также и страх перед кровавыми ужасами состоявшегося в эти годы польского восстания, что накладывало отпечаток на характер украинского и русского населения этих областей. Не случайно многие наиболее непримиримые в отношении поляков русские деятели, такие, как А.С. Будилович, О.А. Коялович, П.А. Кулаковский и ряд других, были уроженцами именно западных губерний тогдашней России; неприязненные воспоминания детства и юности способствовали выработке у этих людей определенных, подчас крайне негативных взглядов на поляков» (Лаптева 2005: 728).

По окончании Виленской духовной семинарии в 1863 г. А. Будилович поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Закончил его в 1867 г., получив золотую медаль за конкурсное сочинение «О литературной деятельности М.В. Ломоносова», и остался при университете для подготовки к профессорскому званию по славянской филологии, под руководством профессоров И.И. Срезневского и В.И. Ламанского. С 1869 по

1872 г. он - приват-доцент и доцент славянских наречий в Санкт-Петербургской духовной академии. Одновременно в 1871–1872 гг. он преподавал славянские языки в Санкт-Петербургском историко-филологическом институте. В 1871 г. защитил магистерскую диссертацию «Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской публичной библиотеки XI века». В 1875–1881 гг. работал ординарным профессором Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. В 1878 г. в Санкт-Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях», получив степень доктора славянской филологии. В 1881–1892 гг. – профессор кафедры русского и церковнославянского языков Варшавского Императорского университета. Здесь в 1892 г. он становится редактором ежемесячного журнала «Славянское обозрение» (выходил ровно год).

В 1882 г. Будиловича избрали членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по Отделению русского языка и словесности, с 1901 г. он являлся почетным членом Санкт-Петербургской духовной академии. С 1885 г. – тайный советник. В 1892–1901 гг. – ректор и профессор кафедры сравнительной грамматики славянских наречий Императорского Юрьевского университета. В 1899 г. стал заслуженным профессором. С 1901 г. – член Совета Министерства народного просвещения. В том же году А. Будилович переехал с семьей в Петербург. В 1905 г. он был назначен председателем Особого совещания по вопросам об образовании инородцев. В 1907–1908 гг. стал редактором-издателем газеты «Московские ведомости» (Булахов 1976: 42; Иванов 2008: 71–73; Климаков 2014: 7–25; Славянофилы 2009: 80–81; Смолин 2003: 106; Фомичева 2013: 53–236).

Поворотным моментом для оформления его панславянских взглядов, увлечения «русинским вопросом» и начала политической деятельности послужило участие в 1867 г. в Славянском съезде, проходившем в Москве, где он ближе познакомился с проблемами славян Австро-Венгрии, в том числе и русинов. В том же году его работы были опубликованы в 7 номерах печатного органа съезда – газеты «Голос».

В 1869 г. Будилович вступил в Санкт-Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета, с 1871 по 1872 г. был его секретарем. Позже он стал товарищем председателя (Фомичева 2013: 46–48, 55).

В 1872 г. Санкт-Петербургский университет направил А. Будиловича в двухлетнюю заграничную командировку. Он посетил Германию, Австро-Венгрию, Румынию, Сербию, Черногорию, европейскую часть

Турции. Командировка охватывала и славянские земли Австро-Венгрии. Особое внимание ученый уделил Буковине, Молдавии, Валахии, Трансильвании, подкарпатской Венгрии и Хорватии. Он познакомил общество с «зарубежными нашими братьями карпаторусами» (Грот 1909: 1100).

Поездка имела важное значение и для личной жизни ученого. В Будапеште он познакомился с видным деятелем русинского возрождения А.И. Добрянским и его семьей (Грот 1909: 1100–1101). С той поры почти каждое лето он проводил в имении Добрянского (Кулаковский 1909: 113). В 1876 г. Будилович женился на его дочери Елене Адольфовне (Грот 1909: 1104). Вторая дочь А. Добрянского Ольга Грабарь стала видным деятелем галицко-русского движения (Кулаковский 1909: 113).

В 1903 г. он создал и возглавил в Петербурге новое «Галицко-русское общество», которое «поставило своей целью поддерживать сознание единства русских галичан со всем русским народом и заботиться о связях с Червонной Русью, столь мало известной у нас» (Кулаковский 1909: 122).

Во время революционных событий 1905–1907 гг. Будилович стал членом «Русского собрания», а в 1906 г. начал издавать «Окраины России» (Иванов 2008: 72).

В периодических изданиях (журналы «Славянское обозрение», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русский филологический вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Беседа», газеты «Русь», «Варшавский дневник», «Новое время», «Московские ведомости», «Известия Славянского благотворительного общества», «Русское обозрение», «Окраины России» и др.) А. Будилович опубликовал более 300 статей (О.А. Фомичева считает, что около 160 (Фомичева 2013: 29–30), однако Ю.В. Климаков упоминает, что только за 10 месяцев своего редактирования «Московских ведомостей» Будилович напечатал в газете около 150 статей на различные темы (Климаков 2014: 25)), среди которых были и работы, посвященные Карпатской Руси (несколько из них впервые после более чем столетнего перерыва опубликованы в № 1 «Библиотеки журнала “Русин”» за 2017 г.).

Тема Карпатской Руси постоянно привлекала внимание ученого. В 1872–1874 гг. во время своей заграничной командировки он «совершил несколько экскурсий из г. Черновиц по окрестным селениям Надпрутской долины», «пробыл несколько недель в среде наших ближайших заграничных соплеменников, угорских русских, в их городах Сиготе, Гуште, Мукачеве, Унгваре, Бардееве, Пряшеве и в некоторых деревнях Землинской и Шаришской жупаний» (Будилович 1874: 132).

Описывая русское население Буковины, он указывал его численность до 250 тыс. чел., однако статистическим данным центральных австрийских комитетов, так же, как и показаниям народных переписей, верить нельзя. Эти переписи направлены на преуменьшение населения славянского, считал ученый, в пользу других народностей – немецкой, мадьярской, итальянской, румынской. Особенно это касается русского элемента. Искусственное его уменьшение в Буковине совершается с помощью румынского элемента, в Венгрии – с помощью мадьярского, отчасти словацкого.

Несмотря на это, русское население в Буковине составляет абсолютное большинство. Правда, его этнографические границы определить трудно, так как они не идут сплошной линией. Румынские поселения есть за Прутом и Серетом, русские – за Серетом, на Сучаве, под Кирлибабой, близ границ с Семиградьем. Поэтому Прут и Серет нельзя назвать пограничной рекой, разделяющей русское и румынское население.

Румынское население находится в более привилегированном положении: в руках румын – большая часть крупных поземельных участков, они преобладают в светских и духовных управлениях, влиятельны в местной администрации, имеют несколько гимназий (русские – ни одной); даже в духовной семинарии, где русских большинство, они должны учиться на румынском языке и затем на этом языке проповедовать в русских приходах.

«И несмотря на все это, русская народность в Буковине ширится, а румынская убывает» (Будилович 1874: 133).

Ученый различает три типа русского населения Буковины. Самое многочисленное – гуцулы (гуцулами Будилович ошибочно считает всех русинов Буковины). Этот «горный тип», по словам исследователя, встречается не только в горных и пограничных с румынами частях Галиции и Буковины, но и в закарпатском (венгерском) Мармароше (Марамуреше). Он заметил в гуцулах «сильную примесь крови волошской». Это влияние проявляется не только во внешнем виде, но и в costume, песнях, музыке, в обстановке быта и языке (Будилович 1874: 134). А. Будилович указывает, что влияние это двустороннее: «...еще могущественнее, без сомнения, было влияние первых на вторых, что и отразилось не только в современном языке волохов, но и в массе волошских исторических памятников, написанных на русском языке». Он заметил «факт чрезвычайного сходства между русскими и румынами, и притом так, что подоляне русские похожи на молдаван, а горцы (гуцулы) – на волохов в собственном смысле, или “мунтян”». Он считал, что большую часть гуцулов составляют обрусевшие волохи (Будилович 1874: 135). Также для ученого нет сомнения, что «и

другие элементы народные присоединились к образованию этого любопытного гуцульского типа» (Будилович 1874: 136).

Исследователь обратил внимание на то, что все буковинские гуцулы – православные, а не униаты. «Зовут же они себя и волохами, но не русскими», «потому что “волох” действительно еще упорней в православии, чем русский» (Будилович 1874: 136).

Об этом же упоминал посетивший Буковину несколькими годами ранее В.И. Кельсиев. Когда он спрашивал у руснаков (второй этноним у русинов. – С.С.), какая у них церковь, они отвечали: молдавская (в данном случае слова «молдавская» и «волошская» выступают синонимами; в Средние века в польских и русских текстах Молдавию называли и «Молдавия», и «Волощина», соответственно, также и население страны. – С.С.), а вера – русская, молдавская. Исследователь считал, что, когда в Буковину в конце XVI – начале XVII в. стала проникать уния под именем «русской веры», руснаки ее отвергли. А так как униатство стало называться «русская вера», то они свое восточное православие стали называть «молдавская вера». «Это чрезвычайно усилило в Буковине молдавский элемент. Чтобы быть православным, нужно было не держаться русской веры и перестать быть русским; поэтому руснаки и стали делаться молдаванами» (Кельсиев 1868: 288–289).

Вторая часть русских в Буковине – униаты, все они выходцы из Галиции, их число незначительно (Будилович 1874: 136). Третья часть русского населения – липоване, великорусские раскольники, имеющие здесь, в Белой Кринице, свою митрополию. Эта часть «незначительная по числу, но важная по идеям, какие она представляет, и по энергии своих членов» (Будилович 1874: 137).

Говоря о местной русинской интеллигенции, А. Будилович отмечает: «...к сожалению, как и во многих других славянских землях, она далеко не соответствует своему народу». Особенно это касается духовенства, других представителей интеллигенции здесь нет: помещики почти все румыны, немцы, евреи или армяне, среди чиновников хотя и есть русские – их начальники немцы, русские учителя должны преподавать на немецком или румынском и «таить свои народные чувства» (Будилович 1874: 138).

Правда, есть и патриотически настроенные лица из среды священников и светской интеллигенции. Но это редкие случаи, в этом плане «даже Галиция гораздо выше Буковины». В Черновцах есть клуб «Русская беседа» (раньше их было две, гражданская и ученическая, потом они объединились, «но особенного оживления в местную общественную русскую жизнь они не внесли») (Будилович 1874: 139).

Описывая мадьяр, исследователь упомянул о нескольких православных венгерских селениях за Дебрецином, Дорогом, Бесермени

(в Бесермени 1,5 тыс. чел. говорят по-русски (Будилович 1874: 159)) и т.д. Их жители твердо держатся за православное богослужение на славянском языке, называют себя *orosz ember* (русский человек), хотя не только не говорят по-русски, но и не понимают этот язык. Таких мадьяров насчитывается там несколько десятков тысяч (Будилович 1874: 155).

Численность венгерских русских (русняков) А. Будилович определяет в 500 тыс. чел. Они заселяют (в большей или меньшей степени) весь венгерский склон центральных Карпат, от истоков Попрада и Вага до истоков Тисы, занимая приблизительно следующие жупании: Марамарош (Мармарош, Марамуреш), Угоча, Берег, Уж (Ужгород (Унг (Унгвар)), Земплен (Землин), Шарош (Шариш), Сепеш (Спиш), Абауй-Торна, части комитатов Гёмёр-Кишхонт, Барш, Заболч и Сатмар. Были раньше русские поселения в Новоградском комитате (Ноград) и на другом берегу Дуная (Oroszvar). От них остались только названия деревень и урочищ (Будилович 1874: 159).

Выступая в 1896 г. на X Археологическом съезде, Будилович поднял вопросы «об изучении вещественных и бытовых остатков угро-славянской старины», в том числе о «времени поселения славян за Карпатами и расселения их оттуда»; об отношении угорских и дунайских славян к дакам и гетам, иллирам и языгам, кельтам и германцам, римлянам и валахам; о происхождении и древнейших границах Закарпатской Руси» и т.д. Развивающийся мадьяризм задался целью заглушить все немадьярские народности Венгрии, он «задался целью вытравить все это славянство не только в настоящем, но и в прошлом Венгрии». А «мадьярская археология при нынешнем ее направлении является не сотрудником, а скорее врагом археологии угро-славянской». Поэтому «слабая разработка угро-славянских древностей является главным тормозом в дальнейшем развитии славянской археологии и истории». Подобное смешение задач научных и политических заметно и в других австро-венгерских землях (Галичине, Чехо-Моравии, Словении, Далмации).

Ученый предлагал Русскому археологическому обществу при содействии Академии наук и Императорского географического общества, Киевского общества летописца Нестора и других организаций, объединяющих ученых предпринять научную экспедицию в Венгрию (Будилович 1899: 265–267, 269).

Вопрос об изучении славян Венгрии, в частности русинов, А. Будилович ставил и позже. Он предлагал «для решения неясных и неисследованных историко-этнологических вопросов» Императорскому русскому географическому обществу организовать экспедицию в угро-русскую область (Будилович 1903: 275).

Подобно Галицкой Руси, территория венгерских русских делилась на Верховину и Подолье. Три четверти территории русского Закарпатья занята лемками (лемаками). Они соответствуют по своему положению и отчасти по типу галицким бойкам. Их юго-западная часть носит название сотаков. Юго-восточную часть Верховины занимали лишаки, мало отличающиеся от коломыйских и буковинских горцев (гуцулов). По мнению исследователя, лишаки, «подобно гуцулам, обнаруживают в себе немалую часть волошской крови». «Связь же гуцулов коломыйско-буковинских и мармарошских самая тесная и непрерывная» (Будилович 1874: 159–160).

«Словенский язык (то есть язык словаков) считается здесь почти такой же принадлежностью образования, как в Галиции польский...». «Со Землинского католичества и до Спиша» сильна примесь словенизмов, во многих случаях русский язык модно назвать «ословенивавшимся». «Лишь православная вера хранит еще в этих местах память русского имени, след русской народности. В тех же селениях, где заведен католицизм, а имя русское исчезло, народ, по наставлению ксензов, зовет себя словаками или просто католиками, то есть не русскими». «Русская народность считается в Венгрии самую последнюю и как-то позорной... Грозны для мадьяр эти русские не только свои именем, но важностью той территории, которую они занимают. В их руках находятся все проходы через Карпаты от Татр до Кирлибабы. Они господствуют над всей Северо-Восточной Венгрией» (Будилович 1874: 161).

Интеллигенция вынуждена получать образование на венгерском языке, нет ни одной гимназии с русским языком обучения. Вся их местная литература состоит из одной газеты («Свет», затем «Сова», «Новый свет», теперь – «Карпат») и нескольких брошюр. Книги из России «считаются здесь опасной политической пропагандой» (Будилович 1874: 162–163).

В статье «Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории и жизни» (1902) исследователь приходит к выводу, что, с одной стороны, «совершенная безнадежность попытки омадьярить все народы Угрии с полной очевидностью представится каждому, кто хоть несколько знаком со взаимным отношением сил этих народов, их международным положением и вообще с процентом народной ассимиляции». «Мадьяры, положим, относительно многочисленнее (автор в своем материале подвергает критике завышенные данные по численности венгерского населения в венгерской и австрийской статистике. – С.С.) словаков, угрорусов, угросербов, угрорумын, угро-немцев и т. д., но ничто не мешает угорским славянам объединиться на почве какого-нибудь общего языка, напр. русского, и тогда они в совокупности превысят мадьярскую народность в отношении стати-

стическом. С другой стороны, мадьяры являются оторванным от племенного ствола осколком, который лишен возможности опираться в материальном или нравственном смысле на силы, напр. Финляндии и вообще чудских соплеменников, тогда как остальные народы Угрии имеют по соседству родичей, напр. румыны - в Молдо-Валахии, сербы - в Сербии, Боснии, Черногории, словаки - в Чехо-Моравии, угорорусы - в Галичине да и вообще в России, немцы - в Германии и т.д. Некоторые из этих народов могут опереться и на большие мировые языки, напр. немецкий, русский, с которыми, конечно, не в пору тягаться языку и литературе мадьярской» (да и сама трудность изучения мадьярского языка для народов другого происхождения мешает его распространению в среде немадьярских народов Венгрии) (Будилович 1902: 12–13).

В работе «Статистические таблицы распределения славян...» (1875) А. Будилович определил количество русских в Австро-Венгрии в 3 млн 223,1 тыс. чел. Из них униатов в Галиции – 2 млн 311,9 тыс., в Венгрии – 596 тыс., русских католиков в Галиции – не менее 150 тыс. чел. (Будилович 1875: 4, 20–21).

Анализируя причины червонорусской эмиграции (червоннорусскими областями Австро-Венгрии ученый считал Восточную и Среднюю Галичину, Северную Буковину и Восточную Венгрию, западный форпост русского народа), А. Будилович полагал, что ее породили серьезные внутренние проблемы Австро-Венгрии. Среди них – национальный гнет со стороны поляков и мадьяров, исключение русинов из всех сфер «физической и духовной жизни», в том числе из политической, экономической, церковной, школьной. Примерно такая же ситуация в Буковине, где «интересы русского населения в церкви приносятся иной раз в жертву языку румынскому». После 25 лет дуализма «и отдачи Руси Галицкой в кабалу полякам, а Закарпатской – мадьярам» «постепенно теряют значение отхожие промыслы и перерождаются в настоящую эмиграцию». «В Североамериканских штатах уже насчитывают более 150 000 червонорусских рабочих, которые заняты главным образом в каменноугольных копях». С лета 1892 г. началось эмиграционное движение («настоящая народная эмиграция») из галицкого Подолья в Россию. «Подольяне целыми тысячами распродают свои дедовские поля и усадьбы, забирают жен и детей и вопреки всем отговоркам местной интеллигенции и даже противодействию властей бегут через границу, в соседние Волынь и наше Подолье. И пока эти внутренние причины не будут устранены, эмиграция не прекратится» (Будилович 1892: 18, 22–29, 34).

Говоря о единстве русского народа, А. Будилович отрицательно высказывался против попыток некоторых ученых заменить выражение *русский язык* на *великорусский*, «чтобы таким образом открыть на

нашем юге простор для другого русского языка, именуемого южнорусским, или украинским». В связи с этим, считал ученый, «пошатнулось понятие о русской национальной школе, возникли проекты раздвоения ее на национальные школы - великорусскую и украинскую, а для некоторых еще и белорусскую» (Будилович 2014а: 320). Говоря об украинском языке, А. Будилович считал, что «мы имеем перед собой не второй литературный язык, а областной диалект, напоминающий нижнесаксонский и швабский диалекты в Германии, венецианский и сицилийский в Италии, провансальский и гасконский во Франции и т. п.». Причем писавшие на этом диалекте «наши украинцы не задавались целью создать в нем соперника языку Пушкина и Гоголя. Наоборот, они прибегали к последнему во всех тех случаях, где на первый план выдвигался не местный колорит, а более серьезное содержание и общенародные задачи» (Будилович 2014а: 320).

Мысль о «втором большом русском языке» в последние десятилетия зародилась в Галиции и Буковине. Но в основу его там положен был «не старый славяно-русский или новый ломоносовский язык, даже не поэтический диалект Шевченко, а особый искусственный жаргон, скованный из стихий речи украинской и червонорусской и пропитанный множеством наслоений из языка польского, особенно в области терминологической и фразеологической», «как бы второе издание западнорусского актового языка XVII в.» (Будилович 2014а: 327). Это было сделано по почину австрийского правительства и польского общества. Попытки перенести эту жаргонную литературу в Угроссию не удалось, не встретили сочувствия в обществе и в правительстве, которое рассчитывает омадьярить данную ветвь русского народа в течение одного-двух поколений. Теперь у галицких сепаратистов «открылась надежда заплавить своею жаргонною литературою нашу Украину путем низшей, средней и высшей школы» (Будилович 2014а: 328).

Он напоминает, что «в выработке нашего нынешнего ломоносовского языка наряду с писателями Великой и Белой Руси деятельное участие принимали южнорусы, как, например, Кантемир, Богданович, Капнист, Гнедич, Гоголь и целая плеяда новейших авторов» (Будилович 2014а: 326).

«Из этого видно, что наш нынешний литературный язык не может быть назван великорусским ни по своему происхождению, ни по составу и строю, ни, наконец, по своим культурным задачам. Наоборот, язык Ломоносова должен быть с полным правом признаваем языком общерусским, подобно тому как на Западе язык Данте признается общетальянским, Лютера – общенемецким, Кальвина и Мольера – общепольским и т. д.» (Будилович 2014а: 327).

Говоря об украиномании, А. Будилович писал: «Несмотря на злостное шипение двух дюжин единомышленных с г. Грушевским украиноманских депутатов того же парламента из Галиции и Буковины, мужественные речи гг. Маркова и Глебовицкого были очень сочувственно встречены чешскими и многими другими славянскими депутатами рейхсрата, а затем – что еще важнее – поддержаны в сотнях народных веч, созванных по этому поводу в Галиции представителями Русско-народной партии. На этих вечерах предано всенародному осуждению лжеучение о племенной и культурной “самостийности” украинцев и постановлено хранить как святыню свое русское имя и унаследованное от предков сознание единства русского языка и народа» (Будилович 2014b: 318).

Интересовал А. Будиловича и холмский вопрос. Холмщина составляла «издревле органическую часть Волыни и червонорусских областей» (Будилович 1907: 6). Он выступал за выделение Холмщины и Подляшья из состава Польши в состав западнорусских областей. Несмотря на то что в Вене и Кракове любят противопоставлять русинов (рутенгов) москалям, московитам, теперь в пользу этого выступают и некоторые профессора Краковского, Львовского и Черновицкого университетов, что «объясняется зависимостью от австро-польской администрации, которая со времен гр. Агенора Голуховского (наместник Галиции в 1849–1859, 1866–1868 и 1871–1875 гг. – С.С.) ревниво следит за недопущением на галицких и буковинских кафедрах опасного учения о племенном и культурном единстве русского народа»; «неопровержимыми данными славянской диалектологии установлено, что все наречия русского языка составляют столь же прочное единство, как все наречия польского, чешского и сербского или любого другого славянского языка. По единству же языков можно с уверенностью заключить и о единстве народов». «Австро-венгерская же теория о племенном и историческом дуализме русинов и москалей выдумана политиками, а не учеными» (Будилович 1907: 4–5).

Ученый не сомневался, что если бы в 40-х гг. XIX в. на ту область распространилась иерархическая власть Иосифа Семашко, то уния на Холмщине исчезла бы (Будилович 1907: 8).

О значении творчества А. Будиловича для Карпатской Руси написала после смерти ученого львовская газета «Галичанин» (18 декабря 1908 г., № 285): «Кончина Будиловича составляет громадный убыток для русской и славянской науки. Австрийская Русь потеряла в покойном своего защитника и покровителя, а русское общество лишилось одного из лучших и беспристрастных информаторов насчет зарубежной Руси. В течение по крайней мере 35 лет пояснял он этому обществу в периодических изданиях положение русской нации в

Австрии, возбуждая к ней сочувствие и симпатии и постоянно напоминая русской публике державной Руси о существовании русского народа за рубежами русского государства» (Кулаковский 1909: 124).

ЛИТЕРАТУРА

Будилович 1874 - *Будилович А.С.* Путевые заметки о долине Среднего и Нижнего Дуная // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Декабрь. Т. 176. С. 132–174.

Будилович 1875 - *Будилович А.С.* Статистические таблицы распределения славян: а) по государствам и народностям, б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям). С объяснительной запиской. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1875. 23 с.

Будилович 1892 - *Будилович А.С.* Червонорусская эмиграция // Славянское обозрение. 1892. Сентябрь. Т. 3. С. 15–34.

Будилович 1899 - *Будилович А.С.* О задачах славяно-русской археологии по отношению к областям и народностям нынешней Венгрии // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 / Под ред. гр. П.С. Уваровой. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. С. 264–269.

Будилович 1902 - *Будилович А.С.* Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории и жизни // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1902. Октябрь. № 1. С. 2–13.

Будилович 1903 - *Будилович А.С.* К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси // Живая старина. 1903. III. С. 265–275.

Будилович 1907 - *Будилович А.С.* Холмская Русь и поляки. Три статьи профессора А.С. Будиловича (перепечатка из «Окраин России», 1907. № 2, 3 и 5). СПб.: Тип. «Россия», 1907. 49 с.

Будилович 2014а - *Будилович А.С.* О единстве русского народа. Речь, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского Славянского благотворительного общества 14 февраля 1907 г. // Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 318–346.

Будилович 2014б - *Будилович А.С.* Украйномания у нас и за рубежом // Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 306–318.

Булахов 1976 - *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1976. Т. 1. 320 с.

Грот 1909 - *Грот К.Я.* Памяти Антона Семеновича Будиловича // Исторический вестник. 1909. Т. CXV. С. 1097–1022.

Иванов 2008 - *Иванов А.А.* Будилович Антон Семенович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов /

Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 71–73.

Карский 1909 - *Карский Е.Ф.* Памяти А.С. Будиловича // Русский филологический вестник. 1909. № 1. С. 149–161.

Кельсиев 1868 - *Кельсиев В.И.* Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 351 с.

Климаков 2014 - *Климаков Ю.В.* Предисловие // Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 5–27.

Кулаковский 1908 - *Кулаковский П.А.* Антон Семенович Будилович // Краины России. 1908. № 51–52. 20–27 декабря. С. 734–741.

Кулаковский 1909 - *Кулаковский П.А.* А.С. Будилович (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Август. Новая серия. Ч. XXII. С. 100–125.

Лаптева 2005 - *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с.

Славянофилы 2009 - Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 736 с.

Смолин 2003 - *Смолин М.Б.* Будилович Антон Семенович // Святая Русь. Большая Энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов, составитель А.Д. Степанов. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 106.

Фомичева 2013 - *Фомичева О.А.* Деятельность А.С. Будиловича (1846–1908) в национальных регионах Российской империи: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 283 с.

REFERENCES

Budilovich, A.S. (1874) Putevye zametki o doline Srednego i Nizhnego Dunaya [Travel notes on the valley of the Middle and Lower Danube]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 176. pp. 132–174.

Budilovich, A.S. (1875) *Statisticheskie tablitsy raspredeleniya slavyan: a) po gosudarstvam i narodnostyam, b) po veroispovedaniyam, azbukam i literaturnym yazykam (narechiyam). S ob'yasnitel'noy zapiskoy* [Statistical tables for the distribution of the Slavs: a) for states and nationalities, b) for religions, alphabets and literary languages (dialects). With an explanatory note]. St. Petersburg: A. Transhel.

Budilovich, A.S. (1892) Chervonorusskaya emigratsiya [The Red Russian emigration]. *Slavyanskoe obozrenie*. 3. pp. 15–34.

Budilovich, A.S. (1899) O zadachakh slavyano-russkoy arkheologii po ot-nosheniyu k oblastyam i narodnostyam nyneshney Vengrii [On the objectives of Slavic-Russian archeology concerning regions and nationalities of present-day

Hungary]. In: Uvarova, P.S. (ed.) *Trudy Desyatogo arkheologicheskogo s"ezda v Rige* [Proceedings of the Tenth Archeological Congress in Riga]. Moscow: G. Lissner i A. Geshel. pp. 264–269.

Budilovich, A.S. (1902) Sovremennyy mad'yarizm v perspektivakh ugro-sla-vyanskoj istorii i zhizni [Modern Magyarism in the perspectives of a Ugro-Slavic history and life]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. 1. pp. 2–13.

Budilovich, A.S. (1903) K voprosu o plemennykh otnosheniyakh v Ugor-skoy Rusi [On the issue of tribal relations in Ugrić Russia]. *Zhivaya starina*. III. pp. 265–275.

Budilovich, A.S. (1907) *Kholm'skaya Rus' i polyaki. Tri stat'i professora A.S. Budilovicha* [Rus' in the Lands of Kholm and the Poles. Three articles by Professor A.S. Budilovich]. St. Petersburg: Rossiya.

Budilovich, A.S. (2014a) O edinstve russkogo naroda. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii S.-Peterburgskogo Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva 14 fevralya 1907 g. [On the unity of the Russian people. Speech delivered in the ceremonial meeting of the St. Petersburg Slavic Charitable Society on February 14, 1907]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Slavyanskoe edinstvo* [Slavic Unity]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii. pp. 318–346.

Budilovich, A.S. (2014b) Ukraynomaniya u nas i za rubezhom [Ukrainomania here and abroad]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Slavyanskoe edinstvo* [Slavic Unity]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii. pp. 306–318.

Bulakhov, M.G. (1976) *Vostochnoslavjanskije yazykovedy* [East Slavic linguists]. Vol. 1. Minsk: Belarus State University.

Grot, K.Ya. (1909) Pamyati Antona Semenovicha Budilovicha [In memory of Anton Semenovich Budilovich]. *Istoricheskij vestnik*. 115. pp. 1097–1022.

Ivanov, A.A. (2008) Budilovich Anton Semenovich [Budilovich Anton Semenovich]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundreds. The Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii. pp. 71–73.

Karskiy, E.F. (1909) Pamyati A.S. Budilovicha [In memory of A.S. Budilovich]. *Russkiy filologicheskij vestnik*. 1. pp. 149–161.

Kelsiev, V.I. (1868) *Galichina i Moldaviya. Putevye pis'ma Vasiliya Kel'sieva* [Galicia and Moldova. Vasily Kelsiev's Travel Letters]. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina.

Klimakov, Yu.V. (2014) Predislavie [Foreword]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Slavyanskoe edinstvo* [Slavic Unity]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii. pp. 5–27.

Kulakovskiy, P.A. (1908) Anton Semenovich Budilovich [Anton Semenovich Budilovich]. *Okrainy Rossii*. 51–52. pp. 734–741.

Kulakovskiy, P.A. (1909) A.S. Budilovich (Nekrolog) [A.S. Budilovich (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 22. pp. 100–125.

Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [History of Slavic Studies in Russia in the 19th Century]. Moscow: Indrik.

Platonov, O.A. (ed.) (2009) *Slavyanofily. Istoricheskaya entsiklopediya* [Slavophiles. A Historical Encyclopedia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

Smolin, M.B. (2003) Budilovich Anton Semenovich [Budilovich Anton Semenovich]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Svyataya Rus'. Bol'shaya Entsiklopediya russkogo naroda. Russkiy patriotizm* [Holy Russia. The Great Encyclopedia of the Russian Folk. Russian Patriotism]. Moscow: Entsiklopediya russkoy tsivilizatsii. pp. 106.

Fomicheva, O.A. (2013) *Deyatel'nost' A.S. Budilovicha (1846–1908) v natsional'nykh regionakh Rossiyskoy imperii* [The activity of A.S. Budilovich (1846–1908) in the national regions of the Russian Empire]. History Cand. Diss. Moscow.

Суляк Сергей Георгиевич – доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sulyak Sergey - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/13

РУСИНСКОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *ШУМНЫЙ* КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

С.А. Толстик

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

Исследуются происхождение русинского слова *шумный*, характеризующего внешне привлекательного человека, и история возникновения в его семантической структуре значения положительной оценки внешности ('красивый'). Помимо русинского языка, адъектив *шумный* в значении 'красивый' представлен в говорах украинского и западнославянских языков (польского, чешского, словацкого). В других славянских языках анализируемое прилагательное имеет в основном звуковую семантику ('производящий, создающий шум', 'крикливый, громко разговаривающий', 'происходящий с шумом' и ряд других переносных значений). В результате проведенного сравнительно-исторического анализа было выявлено, что семантика внешности, ее эстетическая оценка могли развиваться у прилагательного *шумный* через ступень 'интенсивный, сверх меры привлекательный'. Возникновение представленных межъязыковых соответствий омонимичного характера ('красивый' и 'производящий шум') в русинском и других славянских языках является результатом расхождения семантики слов с изначально общим этимологом. В значении 'красивый' прилагательное *шумный*, как и украинско-западнославянские соответствия, является полонизмом.

Ключевые слова: диахрония, историческая лексикология, этимология, мотивация, славянское языкознание, сравнительно-историческое языкознание, межъязыковая омонимия, русинский язык.

THE RUSINIAN ADJECTIVE *SHUMNYI* AS A CHARACTERISTIC OF A PERSON'S APPEARANCE

S.A. Tolstik

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia,
E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract

The paper represents an analysis of the origin of the Rusinian adjective *shumnyi* that characterises a beautiful person and its history in the semantic structure of the meaning of appearance positive evaluation ('beautiful'). Besides Rusin, the word '*shumnyi*' with the meaning 'beautiful' is found only in Ukrainian and Western Slavic dialects (Polish, Czech, and Slovak dialects). In other Slavic languages this adjective has mainly the sound semantics ('producing noise', 'loud, talking loudly', 'occurring with noise' and a number of other figurative meanings). The comparative historical analysis showed that the adjective '*shumnyi*' could develop the semantics of appearance, its aesthetic evaluation through 'intense, super-attractive'. The interlingual homonymic correspondences ('beautiful' and 'noise producing') in the Rusin and other Slavic languages result from the divergence in the semantics of the words that have a common etymon. The adjective '*shumnyi*' and the Ukrainian-West Slavic correspondences are polonisms in the meaning of the 'beautiful'.

Keywords: diachrony, historical lexicology, etymology, motivation, Slavic linguistics, comparative historical linguistics, interlingual homonymy, Rusin language.

Большое значение для изучения лексики родственных языков (в нашем случае – славянских) имеет анализ фактов межъязыковой омонимии. Проблемы русинско-русской межъязыковой омонимии были представлены в работе В.Г. Наумова «Русинско-русские межъязыковые формально-семантические соответствия в лексикографическом представлении: принципы создания учебного словаря», где впервые анализировался русинско-русский материал такого типа (Наумов 2014).

Занимаясь историко-этимологическим анализом славянских прилагательных со значением внешности, мы обнаружили в русинском языке адъектив *шумный*, который имеет совершенно другое

значение, чем хорошо известное нам формально такое же русское прилагательное.

В русинском языке как эстетическая оценка внешности человека используется прилагательное *шумный*, которое обозначает красивого человека (значение 'красивый, пышный, рослый'): *Ганька, вже жунчовка, шумна, як бабовка* 'Ганька уже женщина, красивая, как кукла' (Керча 2007: 597; Керча 2012: 422). Эта лексема может характеризовать в русинском языке не только человека, но и предмет, нечто красивое (Керча 2007: 597).

Известное русскому языку значение прилагательного *шумный* 'производящий, создающий шум' наблюдается и в русинском языке (Горошак 1993: 249–250; Керча 2007: 597; Керча 2012: 422; Нпат 2003: 112). По всей видимости, русинские *шумный* 'красивый' и *шумный* 'создающий шум' являются омонимами, однако в словаре И. Керчи они даны в одной словарной статье (Керча 2007: 597).

Производное от *шумный* наречие *шумно* (*шумні*) в русинском языке также имеет значение эстетической положительной оценки, а также общей положительной оценки 'красиво, с фасоном' и 'хорошо' (Горошак 1993: 249–250).

В русинском языке с этой же семантикой отмечено формально близкое прилагательное *шувный* и наречие *шувно* / *шувні* 'красиво, хорошо, много' (Керча 2007: 597; Керча 2012: 422). Полагаем, что это фонетический вариант анализируемого прилагательного *шумный* с результатом диссимилиации.

Другие слова с корнем *шум-* в русинском языке не характеризуют внешность человека, а в основном имеют звуковую семантику *шуміти* 'шуметь', *шумоніти* 'шелестеть', *шумлячий* 'шумный' и др. Русинские лексемы с корнем *шум-* могут также обозначать пену или нечто связанное с пеной: *шумовати* 'пениться', *шумованя* 'бурление, вспенивание', *шумоватый* 'пенистый', *шумовина* 'пена' и др. (Керча 2007: 597; Пиртей 2004: 355; Турчин 2011: 349–350). В ряде однокорневых образований сочетаются звуковая семантика и значение 'пена, накипь', например существительное *шума* и его диминутив *шумка*, *шумовины*, а также *шумовый* 'шумовой' и 'пенный' (Керча 2007: 597; Пиртей 2004: 355; Турчин 2011: 349–350).

Производящее существительное *шум* имеет в русинском языке как значение 'пена', так и звуковое значение, в том числе терминологическое (медико-физиологическое), 'шум', а также выступает как название народной игры. В семантической структуре этого существительного также представлен ЛСВ 'кустарник': *Край хащами, лісами и шумами покритый* 'Край чащами, лесами и кустарником покрытый' (ЕСУМ 2012: 489–490; Турчин: 349).

Встречаются в русинском и оценочные обозначения человека с корнем *шум-*, например *шумиголова* ‘ветреник, ветреница, вертопрах, ветрогон’ (Керча 2007: 597).

На основании приведенного русинского материала с корнем *шум-* пока нельзя однозначно сказать, имеет ли отношение весь этот пласт лексики к прилагательному *шумный* в значении ‘красивый’ или же это данные омонимического характера.

Чтобы выяснить истоки возникновения семантики внешности у исследуемого русинского прилагательного, причины возникновения межъязыковых соответствий, по всей видимости, омонимического характера, обратимся к материалу других славянских языков.

С тем же значением внешности, что и в русинском, прилагательное *шумный* зафиксировано только в диалектах украинского, а также в говорах западнославянских языков – польского, чешского и словацкого, т. е. в диалектах, контактных с русинским языком.

В диалектах украинского языка оно имеет форму *шумний* и значение ‘прекрасный, красивый’ (ЕСУМ 2012: 490).

Польское диалектное слово *szumny* (и другие фонетические варианты – *szómny*, *sumny*, *siumny*, *siomny*) имеет значение ‘красивый, видный, осанистый’: *Czem dalej od ludzi, szumniejsza dziewczyna* ‘Чем дальше от людей, девушка красивее’. Другие значения этого польского диалектного прилагательного положительно характеризуют не только внешность человека, но и его характер, способности, поведение – ‘способный, даровитый’, ‘хороший’, ‘вежливый’, ‘смелый’: *Zbójnik szumny* ‘смелый разбойник’. Производные польские диалектные наречия *szumnie*, *szumno* также имеют семантику эстетической оценки ‘красиво’: *Szumnie tańczy* ‘красиво танцует’. *Ubrał się szumnie* ‘оделся красиво’ (Kałowicz 1907: 326–327).

В чешских говорах представлена лексема *šumný* также как характеристика внешне красивого человека (Miklosich 1886: 345; Rejzek 2001: 645; ЕСУМ 2012: 490).

Словацкое диалектное прилагательное *šumný* ‘хорошенький, красивый, прелестный’ характеризует внешне привлекательную девушку: *šumná dievčina* ‘хорошенькая девушка’ (СРС 1976: 528).

Для анализируемого прилагательного звуковая семантика является общеславянской (‘производящий, создающий шум’, ‘крикливый, громко разговаривающий’, ‘происходящий с шумом’ и ряд переносных значений ‘наполненный шумом, оживленный’, ‘производящий шум, сенсацию’) (СлРЯ 1988: 736; Сл. ц-сл. 1847: 465; СУМ 1980: 563; Черных 1994: 428 и др.). В отличие от других славянских языков в церковнославянском и древнерусском языках исследуемый аффикс представлен в значении ‘пьяный’ (Преображенский 1949: 111; Срез-

невский 1912: 1599–1600; Черных 1994: 428). Возможно, это связано с особенностями шумного поведения пьяного человека.

Производящими для анализируемого прилагательного являются существительное *шум* и глагол *шуметь* (СлРЯ 1988: 736; Сл. ц-сл. 1847: 465; СУМ 1980: 563; Черных 1994: 428 и др.). В их семантической структуре тоже представлены звуковые значения во всех славянских языках.

Обращает на себя внимание семантическая структура слова *шум* в древнерусском языке, которое, помимо широко распространенных в славянских языках звуковых значений ‘грохот, шум’, ‘крик, гомон’, ‘треск’, имеет не отмечаемые в славянском ареале значения ‘сила, могущество’: *И ять и аггел Гнь за врѣхъ его... положи и въ Вавилонѣ врѣху рѣва шжмо дха его. Дан.* и ‘буря, волнение’: *И бѣждѣть знаменія в слнцѣ... и на зѣмли тогѣ языкомъ, отъ нечаанія, шума морьскааго и възмѣщенія. Остр. Еванг.* (Срезневский 1912: 1599–1600). По всей видимости, в семантике древнерусского существительного *шум* актуализирована сема интенсивности.

В семантической структуре дериватов **šimъ* звуковое значение является общеславянским. Некоторые же славянские образования с корнем *šim-* имеют особые значения, например ‘пена’ (русин., укр., польск. диал.), ‘лес’ (ст.-сл., болг., сербохорв., ст.-чешск., словенск., польск.) (ЕСУМ 2012: 489–490; Мартынов 1971: 13–15). В русских псковских и тверских говорах существительное *шума* имеет семантику ‘сор’, в украинском языке – ‘остатки соломы’, в русинском – *шумина* ‘листья, снятые с кукурузного кочана’ (ЕСУМ 2012: 489; Опыт 1852: 268; Пиртей 2004: 355).

Семантика интенсивности представлена в украинском диалектном образовании *шуми* (pluralia tantum) ‘быстрое течение воды, быстрина’, хотя, по мнению авторов Этимологического словаря украинского языка (ЕСУМ), предшествующим значением было ‘сильный звук’ или же ‘пена’, то, чем этот звук может сопровождаться (ЕСУМ 2012: 490).

Таким образом, семантика внешности, ее положительной эстетической оценки в однокорневых прилагательному *шумный* славянских образованиях не фиксируется.

Чтобы выяснить направление филиации, причины возникновения значения внешности и межъязыковой омонимии, далее обратимся к данным этимологии.

Так, в этимологической литературе существуют две гипотезы о происхождении славянского **šimъ*. Обе версии указывают на один и тот же праславянский корень, но развитие значений представляют по-разному.

Во-первых, гипотеза о звукоподражательном происхождении (праславянский корень **šū-*), которая высказывается в Этимологическом

словаре русского языка А.Г. Преображенского, в ЕСУМ и других словарях (ЕСУМ 2012: 489; Преображенский 1949: 111; Brückner 1974: 557; Rejzek 2001: 645). Согласно этой точке зрения, родственным является церковнославянский глагол *сысати* 'свистеть, шипеть'. На индоевропейском уровне этот славянский материал сопоставляют со звукоподражательными лит. *šaukti* 'кричать, громко звать', греч. *κωκίω* 'кричу, сетую', санскр. *śúsmaś* 'шипение, свист' (ЕСУМ 2012: 489; Преображенский 1949: 111; Фасмер 1987: 486). М. Фасмер полагает, что данное предположение о связи указанной индоевропейской лексики со славянским **šumь* «гадательно» (Фасмер 1987: 486).

Во-вторых, П.Я. Черных, А. Брюкнер и другие исследователи предполагают, что существительное **šumь / шум* не является звукоподражательным по происхождению (Черных 1994: 428; Фасмер 1987: 486; Brückner 1974: 557). Так, П.Я. Черных (с комментарием «в этимологическом отношении неясное слово»), опираясь на древнерусские значения слова *шум* 'буря', 'волнение на море', предполагает, что первичным в таком случае могло быть не звуковое значение, а значение 'нечто, вызывающее шум'. Ср. пример из словаря А. Брюкнера *Woda szumna wałami* 'Вода, взволнованная (приводимая в движение) валами' (Черных 1994: 428; Brückner 1974: 557). П.Я. Черных не исключает продолжения и-е. **seu-* (откуда о.-сл. **sju > *šū*) 'приводить в движение', 'поворачивать, сгибать', а уже отсюда, возможно, значение 'производить шум', ср.: лит. *siaūsti* 'бить, бросать', 'веять', 'играть', 'бушевать', 'жужжать; гудеть; шуметь', *siaūsti* 'рев, гул; шторм', *siūtis* 'удар' (Черных 1994: 428; Fraenkel 1965: 780; Pokorný 2001: 914). Й. Покорный также относит указанный литовский материал к и-е. **seu-* с семантикой 'бурлить; кипятить', 'яростно двигать, сильно перемещать'. Причем семантика движения, перемещения, бития в продолжениях этого и-е. корня представлена в основном в балтийском ареале (ср. также латышск. *šāust* 'бич'), а в иранских и германских языках в основном актуализировано значение 'кипятить, нагревать', ср.: авест. *hāvayeiti* 'горит, жарится', герм. **supa* 'суп, бульон' и др. (Pokorný 2001: 914).

Таким образом, в балтийских языках, как и в древнерусском и церковнославянском, помимо звуковых значений, представлена семантика движения, интенсивности. На наш взгляд, именно поэтому вторая версия происхождения славянского **šumь* является более убедительной.

Что касается значения славянских слов с корнем *шум-* со значением 'пена, накипь' (ср., напр.: рус. *шумовка* 'ложка для снятия накипи, пены', русин. *шума* 'пена' и др.), то оно не связано генетически с праславянским корнем **šū-* и не имеет отношения к возникновению интересующей нас семантики внешности человека. По мнению многих

исследователей, эта лексика является германизмом по происхождению (ср.: др.-в.-нем. *scūm*, ср.-в.-нем. *schūm* ‘пена’, нем. *Schaum*) в том же значении, которое было заимствовано в польский язык, а позже и в восточнославянские языки (ЕСУМ 2012: 489; Преображенский 1949: 111; Фасмер 1987: 486; Brückner 1974: 557; Miklosich 1886: 345).

Отмечаемое в сербохорватско-словенско-паннонском ареале значение ‘лес’ восходит к ‘лиственный лес’, далее к *‘шумящий листьями’, ср.: болг. *шума* ‘листья, лиственный лес’ и некоторые другие лексические единицы со значением ‘листья, листва’ (ЕСУМ 2012: 489–490; Мартынов 1971: 13–15; Фасмер 1987: 486).

Вернемся к русинскому прилагательному *шумный*. По данным ряда этимологических словарей славянских языков, анализируемое прилагательное со значением ‘красивый’ в украинском, чешском и словацком языках является заимствованием, а именно полонизмом, хотя не исключено, что это заимствование пришло через словацкий (ЕСУМ 2012: 490; Rejzek 2001: 645). Й. Рейзек указывает, что это было заимствование из польского в значении ‘гордый; представительный, видный’ (Rejzek 2001: 645). Возможно, в русинский язык оно тоже пришло из диалектов польского, где имеет широкое распространение (и в значении ‘красивый’ в том числе).

Семантика внешности, ее эстетическая оценка могли развиваться у прилагательного *шумный* следующим образом: ‘движущийся, интенсивный’ > ‘слишком, сверх меры выделяющийся, привлекательный’ > ‘красивый’.

Подводя итоги, отметим, что возникновение представленных межъязыковых соответствий омонимичного характера в семантической структуре прилагательного *шумный*, с одной стороны, положительная эстетическая оценка внешности в русинском языке, говорах украинского и западнославянских языков, с другой стороны, общеславянское звуковое значение являются результатом расхождения семантики слов с изначально общим этимологом (значение ‘интенсивный’).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авест. – авестийский; болг. – болгарский; герм. – германский; греч. – греческий; диал. – диалектный; др.-в.-нем. – древневерхнемецкий; и.-е. – индоевропейский; латышск. – латышский; лит. – литовский; нем. – немецкий; о.-сл. – общеславянский; польск. – польский; рус. – русский; русин. – русинский; санскр. – санскрит; сербохорв. – сербохорватский; словенск. – словенский; ср.-в.-нем. – средневерхнемецкий; ст.-сл. – старославянский; ст.-чешск. – старочешский; укр. – украинский.

ЛИТЕРАТУРА

Горошак 1993 - *Горошак Я.* Перший лемківсько-польський словник. Pierwszy słownik łemkowski-polski. Лєгница, 1993. 257 с.

ЕСУМ 2012 - *Етимологічний словник української мови* = *Этимологический словарь украинского языка*. в 7 т. / Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни: У–Я; Ред. Т.Б. Лукинова, Г.П. Півторак, О.Б. Ткаченко. Киев: Наукова думка, 2012. Т. 6. 568 с.

Керча 2007 - *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = *Русинско-русский словарь*. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.

Керча 2012 - *Керча И.* Російсько-русинський словник – 65 000 слів = *Русско-русинский словарь* – 65 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 580 с.

Мартынов 1971 - *Мартынов В.В.* Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики // *Этимология* 1968 / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1971. С. 11–23.

Наумов 2014 - *Наумов В.Г.* Русинско-русские межъязыковые формально-семантические соответствия в лексикографическом представлении: принципы создания учебного словаря // *Русин*. 2014. № 4 (38). С. 189–207.

Опыт 1852 - *Опыт областного великорусского словаря*. СПб.: 2-е отделение АН, 1852. 279 с.

Пиртей 2004 - *Пиртей П.* Короткий словник лемківських говірок. Івано-Франківськ: Сіверсія, МВ, 2004. 364 с.

Преображенский 1949 - *Преображенский А.Г.* *Этимологический словарь русского языка*. Труды института русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Выпуск последний (Тело–Ящур). 144 с.

СлРЯ 1988 - *Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева*. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. Т. 4: С–Я. 800 с.

Сл. ц-сл. 1847 - *Словарь церковнославянского и русского языка*, составленный 2-м отделением Имп. АН: в 4 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1847. Т. 4. 471 с.

Срезневский 1912 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб., 1912. Т. 3: Т–Я. 1684 стб.

СРС 1976 - *Словацко-русский словарь*. Около 45 000 слов = *Slovensko – ruský slovník*. М.; Братислава: Рус. яз. – Словац. пед. изд-во, 1976. 768 с.

СУМ 1980 - *Словник української мови*: в 11 т. / Ред. тома С.І. Головащук. Киев: Наукова думка, 1980. Т. 11: Х–Ь. 700 с.

Турчин 2011 - *Турчин Є.Д.* Словник села Тилич на Лемківщині. Львів: Українська академія друкарства, 2011. 384 с.

Черных 1994 - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотипн.: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994. Т. 2: Панцирь–Ящур: 13 560 слов. 560 с.

Фасмер 1987 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип: В 4 т. Пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; Под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1987. Т. 4: Т-Ящур. 864 с.

Brückner 1974 - *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. 805 s.

Hnat 2003 - *Hnat A.* Krátky Rusinský slovník. Trebisov, 2003. 132 s.

Fraenkel 1965 - *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, Winter; Göttingen, 1965. Bd. 2. 1560 p.

Karłowicz 1907 - *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich: W 6 t. Kraków: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1907. T. 5: R S Ś T. 462 s.

Miklosich 1886 - *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 289 s.

Pokorny 2001 - *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1969. Bd. 2.

Rejzek 2001 - *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Leda, 2001. 752 s.

REFERENCES

Goroshchak, Ya. (1993) *Pershiy lemkiwsko-pol'skiy slovník. Pierwszy słownik lemkiwsko-polski* [The First Lemko-Polish Dictionary]. Legnica: [s.n.].

Lukina, T.B., Pivtorak, G.P. & Tkachenko, O.B. (eds) (2012) *Etymologicheskii slovar' ukrainskogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.

Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.

Martynov, V.V. (1968) Analiz po semanticheskim mikrosistemam i rekonstruktsiya praslavyanskoy leksiki [The analysis of semantic microsystems and reconstruction of the Proto-Slavic vocabulary]. In: Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologiya* [Etymology]. Moscow: Nauka. pp. 11–23.

Naumov, V.G. (2014) The Ruthenian-Russian interlingual formal-semantic similarity in lexicographical representation. *Rusin*. 4(38). pp. 189–207. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/14

Imperial Academy of Sciences. (1852) *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovaryá* [The Experience of the Regional Great Russian Dictionary]. St. Petersburg: Second Department of Academy of Sciences.

Pirtey, P. (2004) *Korotkiy slovník lemkiwskikh govirok* [The Abridged Dictionary of the Lemkos Dialects]. Ivano-Frankivsk: Siversiya, MV.

Preobrazhenskiy, A.G. (1949) *Etymologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Moscow: USSR Academy of Sciences.

Evgeniev, A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The Dictionary of the Russian language]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka* [The Dictionary of Church Slavonic and Russian languages]. Vol. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Sreznevskiy, I.I. (1912) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [The Materials for the Old Russian Dictionary]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Kollar, D., Dorityakova, V. & Filkusova, M. (1976) *Slovensko – ruský slovník* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow, Bratislava: Russkiy yazyk – Slovatskoe pedagogicheskoe izd-vo.

Golovashchuk, S.I. (ed.) (1980) *Slovník ukraїн'skoi movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 11. Kyiv: Naukova dumka.

Turchin, E.D. (2011) *Slovník sela Tilich na Lemkovshchini* [The Dictionary of the village Tylich in Lemkovshchina]. Lviv: Ukraїн'ska akademiya drukarstva.

Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd. ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of Russian language]. 2nd ed. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 4. Moscow: Progress.

Brückner, A. (1974) *Słownik etymologiczny języka polskiego* [The Etymological Dictionary of the Polish language]. Warsaw: Wiedza Powszechna.

Hnat, A. (2003) *Kratký Rusinský slovník* [The Short Ruthenian Dictionary]. Trebišov: vydané vlastným nákladom Andrej Hnat.

Fraenkel, E. (1965) *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [The Lithuanian Etymological Dictionary]. Vol. 1 – 2. Heidelberg, Winter; Göttingen.

Karłowicz, J. (1907) *Słownik gwar polskich: W 6 t.* [The Dictionary of Polish Dialects]. Vol. 5. Krakow: Nakładem Akademji Umiejętności.

Miklosich, F. (1886) *Etymologisches Wörterbuch der slavischen sprachen* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages]. Vienna: Wilhelm Braumüller.

Pokorny, J. (1969) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [The Indo-European Etymological Dictionary]. Vol. 2. Bern: [s.n.].

Rejzek, J. (2001) *Český etymologický slovník* [The Czech Etymological Dictionary]. Leda.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Tolstik Svetlana - Tomsk State University (Russia).

E-mail: stolstik@mail.ru

УДК 81'42; 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/14

ОТРАЖЕНИЕ ДИСКУРСИВНО СТАБИЛИЗИРОВАННЫХ СМЫСЛОВ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СЛОВАРЯХ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ*

И.В. Тубалова¹, П.А. Молчанова², М.А. Наземцева³

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: poph.sun@gmail.com

³E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Авторское резюме

В сопоставительном аспекте рассматриваются принципы отражения модусов советского политического дискурса в нормативных толковых словарях русского, украинского и белорусского языков. К исследованию привлекаются словари советского и постсоветского времени. Анализуются словарные статьи, представляющие лексические единицы, значение которых было модусно ориентировано в соответствии с идеологической позицией русского советского политического дискурса. Учитывая вектор распространения советских политических идей, в качестве исходного принят список лексических единиц, политически обусловленная стабилизация модусного смысла которых нашла отражение в словарях русского языка советского и постсоветского времени. Далее в словарях других славянских языков советского и постсоветского периодов были выявлены словарные статьи, отражающие значение эквивалентных лексем и их производных с различной степенью эквивалентности (при наличии). Их содержание было проанализировано с учетом специфики официальной политической позиции государства по отношению к советскому политическому режиму. Предположение о том, что политическая позиция государства по отношению к советскому политическому строю отражается в нормативных толковых

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ (грант № 16-18-02043).

словарях славянских языков, подтвердилось только частично. Словари славянских языков республик бывшего СССР, изданные в советское время, действительно очень активно ориентированы на отражение модусов советского политического дискурса, что объясняется как единством политической позиции этих республик, так и спецификой лексикографической традиции. При этом современное изменение политической позиции и государственного статуса не привело к таким кардинальным изменениям принципов отражения советского политического модуса в исследованном словаре украинского языка, каких можно было ожидать. Во многих случаях в современных словарях русского языка дистанцированное представление исследуемого смысла проявлено даже более активно.

Ключевые слова: нормативный толковый словарь, советский политический дискурс, русский, украинский, белорусский языки.

DISCURSIVELY STABILISED MEANINGS OF SOVIET POLITICAL DISCOURSE IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND BELARUSIAN DICTIONARIES*

I.V. Tubalova¹, P.A. Molchanova², M.A. Nazemtseva³

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: poph.sun@gmail.com

³E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Abstract

The paper discusses the reflection of modes of Soviet political discourse in Soviet and post-Soviet Russian, Ukrainian, and Belarusian standard explanatory dictionaries. The authors analyse the dictionary entries representing vocabulary units that have the meanings with modal orientation to the ideological position of the Soviet political discourse. Considering the vector of the Soviet political ideas, the authors used a source list of lexical units with politically conditioned stabilised modal meaning fixed in Russian dictionaries of Soviet and post-Soviet periods. The Soviet and post-Soviet dictionaries of other Slavic languages contain dictionary entries reflecting the meaning of equivalent lexemes and their derivatives with different degree of equivalence (if any). Their content was analyzed considering the specificity of official position of

*The research is supported by the Russian Science Foundation Grant Nr. 16-18-02043.

the government in relation to the Soviet political regime. The hypothesis that the political position of a government in relation to the Soviet political regime is reflected in standard explanatory Slavic languages dictionaries has been partially proved. The Slavic language dictionaries of the former USSR republics published in the Soviet times are focused on the reflection of Soviet political discourse modality due to both political unity of the republics and the specificity of lexicographical tradition. The modern change in political attitudes and state status did not result in such far-reaching changes in principles of reflection of Soviet political modality in the Ukrainian Dictionary, as it might have been expected. In the most contemporary Russian language dictionaries the distance representation of the meaning under study is even more active.

Keywords: standard explanatory dictionary, Soviet political discourse, Russian, Ukrainian and Belarusian languages.

В основе данного исследования лежит идея дискурсивно обусловленной стабилизации речевых единиц, отражающей результаты действия институциональных интенций в их системно-дискурсивном содержании, – «закрепления за речевой формой некоторого константного содержания, заданного социально-речевой сферой, воспринимаемой представителями данного социума как сфера ее порождения» (Тубалова 2016: 47).

Данная идея формируется на основании методологической позиции критического дискурс-анализа (Р. Водак, Т. ван Дейк и др.), при формировании которой ведущую роль играет анализ результатов влияния на язык идеологических оснований политического дискурса.

Любой дискурс, в том числе и политический, реализует в продуцируемых им текстах интенционально обусловленную ценностную позицию по отношению к передаваемой в них информации, которую можно определить как дискурсивный модус (Тубалова 2016: 52). Общий дискурсивный модус политического дискурса – это модус идеологически ориентированной эмоциональной оценочности (Тубалова 2016: 179).

Ценностное содержание и специфика протекания рассматриваемого дискурса определяются его политико-идеологической ориентацией, а манипулятивно обусловленная установка обеспечивает проявленность этого содержания в речевой форме, специфику ее реализации. Это приводит к тому, что текст политического дискурса оказывается специфическим для каждого конкретного политического режима: «...любой политический режим располагает своим собственным письмом, <...> в силу своей утонченной двусмысленности письмо представляет всякую власть, и как то, что она есть, и как то, чем она кажется; оно раскрывает и то, какой эта власть является на

самом деле, и то, какой она хотела бы выглядеть, – вот почему история различных видов письма могла бы стать одной из лучших форм социальной феноменологии» (Барт 2000: 63). Большинство продуцируемых дискурсом речевых единиц в процессе их стабилизации становятся не только знаками коммуникативной сферы политики как института, но и знаками дискурсивной сферы конкретного политического режима. На обусловленность речевой формы и ее реализации спецификой политического режима обращает внимание целый ряд исследователей (Р. Барт, К.А. Богданов, Г. Лассвелл, А.П. Романенко, П. Серио, Г.Г. Хазагеров и др.). В результате такой обусловленности все отображаемые в тексте политического дискурса реалии оцениваются по шкале «хорошо / плохо» с позиции конкретного политического режима, а фиксирующие их единицы становятся носителями такой оценочности.

Особо выраженный характер политико-идеологической обусловленности дискурсивного стиля обнаруживается в дискурсах тоталитарных политических систем: «письмо в данном случае выступает в роли спокойной совести, и его задача состоит в том, чтобы самым жульническим образом смешать первопричины явления с его отдаленнейшими последствиями, оправдывая любое действие самим фактом его существования» (Барт 2000: 63).

Одним из таких дискурсов, как отмечается в целом ряде исследований (Богданов 2009; Кронгауз 1994; Купина 1995; Романенко 2003; Серио 1999; Тубалова 2014, 2016 и др.), является советский политический дискурс.

Один из аспектов влияния советской политической идеологии на язык проявляется в нормативном закреплении политически обусловленных смыслов (советских политических модусов) в содержании лексических единиц, что является продуктом их дискурсивно обусловленной стабилизации. Так, позитивно-оценочный модус с позиции советского политического дискурса получают единицы *горком, замполит, коллективизация, комиссар, комсомолец, красный (сущ.), Красная армия, красноармеец, крестьянин, пятилетка, рабочий, советская власть, стахановец, товарищ* и др., негативно-оценочный – *белогвардеец, белый (сущ.), буржуй (=буржуа), враг народа, вредительство, единоличник, империализм, контрреволюция, кулак, кулачество, царизм, экспроприатор* и др. Еще большую конкретизацию этот модус может получать в аспектах внутренней организации оценочных смыслов (например, БЕЛЫЕ (сущ.) – «плохо», КРАСНЫЕ (сущ.) – «хорошо», БОГАЧ – «плохо», БЕДНЯК – «хорошо» и т.п.), их обоснования (РАБОЧИЕ и КРЕСТЬЯНЕ – «хорошо, потому что работают», ПОМЕЩИКИ и КАПИТАЛИСТЫ – «плохо, потому что эксплуатируют чужой труд») и т.д.

Результаты такой стабилизации отражаются в толковых словарях – в составе словника, содержании словарной дефиниции, системе помет, а также в специфике подбора иллюстративного материала. Процесс дискурсивно обусловленной стабилизации содержания лексической единицы заключается в закреплении за ней идеологически заданного оценочного модуса, ориентирующего их денотативное содержание на основании советской политической позиции.

Отражение в толковых словарях **русского языка** результатов влияния советской дискурсивной идеологии уже становилось предметом внимания исследователей (Купина 1995; Трипольская, Булыгина 2015; Тубалова 2016; Шипицына, Геращенко 2010). Впервые в данном аспекте материал словаря проанализирован в монографии Н.А. Купиной (Купина 1995). Т.А. Трипольская и Е.Ю. Булыгина рассматривают проблему реализации политического содержания в словарной статье, в том числе его намеренно скрытые формы экспликации: систему комментирующих помет и иллюстративный материал (Трипольская, Булыгина 2015).

Результаты влияния советской идеологии на содержание лексических единиц различным образом фиксируются в толковых словарях русского языка советского и постсоветского времени (Тубалова 2016).

Нам показалось интересным выявить, каким образом фиксируются модусные смыслы советского политического дискурса в словарях других славянских языков советского и постсоветского времени: как они отражаются в толковых словарях славянских языков республик бывшего СССР, сохраняются ли соответствующие результаты влияния советской политической идеологии в современных толковых словарях языков, функционирующих как государственные в постсоветском политическом пространстве?

Цель данной статьи – сопоставить принципы отражения модусов советского политического дискурса в словарях русского, украинского и белорусского языков советского и постсоветского времени.

К анализу привлечены толковые словари славянских языков бывшего СССР советского и постсоветского времени: русского языка – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т., Русский семантический словарь, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т., Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения; украинского языка – Словник української мови: в 11 т.; Великий тлумачний словник сучасної української мови; белорусского языка – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.

В соответствии с вектором распространения советских политических идей в качестве исходного был принят список лексических единиц, политически обусловленная стабилизация модусного смысла

которых нашла отражение в словарях русского языка советского и постсоветского времени – всего 128 единиц. К анализу привлечены лексические единицы двух типов:

1. Созданные в рамках русского советского политического дискурса для номинирования особых понятий, вошедших в употребление в рамках коммунистической идеологии (*белогвардеец, белый* (сущ.), *горком, замполит, коллективизация, комиссар, комсомолец, красный* (сущ.), *кулак, кулачество, Красная Армия, красноармеец, продотряд, продразверстка, пятилетка, советская власть, стахановец* и др.). Они демонстрируют прямую референтную отнесенность к политическим реалиям советской эпохи.

2. Трансформированные в рамках советского политического дискурса в целях их идеологизации (*буржуй (=буржуа), враг народа, вредительство, единоличник, империализм, контрреволюция, крестьянин, рабочий, товарищ, царизм, экспроприатор, электрификация* и т. п.). В рамках исследуемого дискурса семантика данных единиц демонстрирует специфику дискурсивной конфигурации общекультурных концептов и отражает специфику дискурсивной картины мира.

Далее в словарях других славянских языков советского и постсоветского периодов были выявлены словарные статьи, отражающие значение эквивалентных лексем и их производных с различной степенью эквивалентности (при наличии). В основном это заимствования и семантические кальки из русского языка, обладающие политической прецедентностью по отношению к русскому политическому дискурсу как дискурсу, в определенный период сыгравшему роль политического «старшего брата». Их содержание было проанализировано с учетом специфики официальной политической позиции государства по отношению к советскому политическому режиму, которая, как мы **предполагали**, отражается в нормативных словарях славянских языков в силу особого доступа власти к формированию политического дискурса (Дейк ван 2013).

Сопоставительный анализ проведен по следующим параметрам: а) наличие / отсутствие в составе словника исследуемых словарей славянских языков лексической единицы, идеологическая ориентированность которой зафиксирована в словарях русского языка советского времени, или ее семантического эквивалента; б) наличие / отсутствие результатов отражения исследуемого модусного смысла в словарных статьях рассматриваемых словарей; в) совпадение / несовпадение принципов его фиксации с принципами его фиксации в словарях русского языка.

Векторы сравнительного анализа результатов отражения в словарях результатов дискурсивной стабилизации лексических единиц

соответствовали онтологии распространения политических идей: 1) словари русского языка советского времени → словари украинского и белорусского языков советского времени; 2) советские и постсоветские словари русского языка → советские и постсоветские словари славянских языков республик бывшего СССР.

Рассмотрим специфику отражения советского идеологически ориентированного оценочного модуса в статьях словарей каждой группы, сопоставив их с принципами фиксации этого модуса в толковых словарях русского языка соответствующего периода.

Словари украинского и белорусского языков советского периода, как отмечают создатели теоретической лексикографии украинского и белорусского языков, во многом ориентированы на русскую лексикографическую традицию, в том числе и по политическим причинам. Так, В.К. Щербин обращает внимание на то, что «собственно белорусская лексикографическая традиция формировалась на базе общей восточнославянской лексикографической традиции и в условиях сильного влияния на словарную практику Белоруссии развитой русской лексикографической традиции» (Щербин 2013: 48), в частности, «чаще других в качестве лучших словарных образцов при создании белорусских словарей 1950–1980-х гг. использовались толковые и переводные словари русского языка» (Щербин 2013: 54). Аналогичные особенности отмечают теоретиками лексикографии украинского языка. Так, В.В. Дубчинский отмечает, что до 1950-х гг. к создателям словарей украинского языка были обращены жесткие официальные постановления «не вносить искусственного размежевания украинского языка и русского» (Дубчинский 2013: 256). После 50-х гг. XX в. эти требования смягчились, но не утратились полностью.

Уже в рамках указанных тенденций сходство принципов представления модусов советского политического дискурса в толковых словарях русского, украинского и белорусского языков советского времени представляется органичным. Естественность данного сходства определяется, кроме того, функционированием этих языков в едином государственном политическом контексте, а также особым статусом русского языка как языка нации, игравшей ведущую роль в продуцировании советской политической идеологии и, соответственно, русского политического дискурса как источника стабилизации советских политически ориентированных модусов в лексических единицах русского языка.

Анализ толковых словарей русского, украинского и белорусского языков советского времени показал, что, во-первых, все выявленные в словарях русского языка политически ориентированные лексические единицы фиксируются и в словарях украинского и

белорусского языков соответствующего периода, а во-вторых, в подавляющем большинстве случаев они отражают единые модусные смыслы советского политического дискурса. При этом, несмотря на ориентацию лексикографической традиции составления толковых словарей украинского и белорусского языков на соответствующую традицию составления словарей русского языка, характерную для рассматриваемого периода, а также на единство политически заданной дискурсивной обусловленности и единство государственного политического пространства, способы их представления в словарных дефинициях не всегда совпадают.

По степени соответствия рассматриваемых модусных смыслов можно выделить четыре типа их эквивалентности в словарях русского, украинского и белорусского языков советского времени.

1. Полное совпадение модусного содержания, отраженного в словарных статьях, достигаемое – наиболее частотно – (1.1) за счет совпадения (полного или почти полного) формулировок словарных дефиниций («копирования»), включая их фрагменты, отражающие политическую ангажированность. Приведем типичные примеры: АПОЛИТИЧНИЙ – рус. *Безразличный к вопросам политики, уклоняющийся от участия в общественно-политической жизни* (БАС 1: 165); укр. *Який стоїть осторонь або **ухиляється** від участі в суспільно-політичному житті* (СУМ 1: 55); белор. *Які стаіць убаку ад грамадска-палітычнага жыцця або **ўхіляецца** ад ўдзелу ў ім* (ТСБМ 1); КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ – рус. *Объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства – колхозы* (БАС 5: 1168); укр. ***Об'єднання одноосібних селянських господарств у великі соціалістичні господарства – колгоспи*** (СУМ 4: 217); белор. ***Аб'яднанне дробных сялянскіх гаспадарак у буйныя сацыялістычныя гаспадаркі – калгасы*** (ТСБМ 2); ПРОЛЕТКУЛЬТ – рус. *Культурно-просветительная организация 1917–1932 гг., проводившая **ложные** идеи создания пролетарской культуры «лабораторным» путем* (БАС 11: 1184); укр. *Скорочення: пролетарська культура (**культурно-освітні організації 1917–1932 рр.**, які, маючи своїм завданням організовувати рух мас за оволодіння новою, пролетарською культурою, **проповідували хибні ідеї створення такої культури «лабораторним» шляхом*** (СУМ 7: 215); белор. *Літаратурна-мастацкая і **культурна-асветная арганізацыя 1917–1932 гг.**, якая **праводзіла заганныя ідэі ўтварэння пралетарскай культуры «лабараторным» шляхам*** (ТСБМ 4); (1.2) значительно реже – за счет иной формулировки, отражающей ту же политическую оценку, что и в словаре русского языка: АНАРХИЗМ – рус. *Мелкобуржуазное политическое течение, отрицающее необходимость государственной власти и организованной политической **борьбы пролетариата с буржуазией***

(БАС 1: 130); укр. *Ворожа марксизмові дрібнобуржуазна політична течія, яка заперечує будь-яку державну владу, організовану політичну боротьбу і виступає проти революційної диктатури пролетаріату* (СУМ 1: 54); белор. *Дробнабуржуазная рэакцыйная палітычная плынь, якая адмаўляе неабходнасць дзяржаўнай улады, ролю партыі рабочага класа і выступае супраць арганізаванай палітычнай барацьбы за дыктатуру пралетарыяту* (ТСБМ 1); БУРЖУАЗІЯ – рус. *В капиталистическом обществе – господствующий класс, владеющий средствами производства и живущий доходами от эксплуатации наемного труда* (БАС 1: 696); белор. *Пануючы клас капіталістычнага грамадства, які з'яўляецца ўласнікам прылад і сродкаў вытворчасці і жыве капіталістычным даходам, атрымліваючы прыбавачную вартасць эксплуатацыі наёмнай працы* (ТСБМ 1). Отметим, что даже при общем различии формулировок ключевые слова, передающие политически ангажированный смысл, совпадают.

Кроме того, модусы советского политического дискурса в абсолютном большинстве случаев равнозначно проявляются (1.3) в иллюстративном материале словарных статей исследуемых словарей. Как и в словарях русского языка рассматриваемого периода, в словарях украинского и белорусского языков используются в иллюстративной функции материалы произведений классиков марксизма-ленинизма как вербального источника фиксации общих политических идей (укр. АГІТАЦІЯ *В нерозривному зв'язку з пропагандою стоїть агітація серед робітників* (Ленін, 2, 1948, 293); АГРАРІЙ *Дрібний землероб, за своїм класовим становищем, стає неминуче, в міру розвитку товарного виробництва, дрібним аграрієм* (Ленін, 22, 1950, 80)) (СУМ 1: 16), но значительно реже, чем в словарях русского языка. При наличии в трудах классиков марксизма-ленинизма широко растиражированных в советском политическом дискурсе текстовых фрагментов, обнаруживающих содержание лексикографируемых единиц, они могут идентично использоваться в статьях как словарей русского языка, так и словарей других рассматриваемых языков (рус. КУЛАК / укр. КУРКУЛЬ: *Кулак – тот, который живет чужим трудом, который грабит чужой труд и использует для себя нужду <...> Ленин, т. 29, с. 240* (БАС 5: 1808) / *Куркуль – той, що живе чужою працею, що грабує чужу працю і використовує для себе нужду* (Ленін, 29, 1951, 232) (СУМ 4: 411)).

Что касается иллюстративного материала из художественных текстов, словари украинского и белорусского языка ориентированы на использование аутентичной литературы. При этом модусы советского политического дискурса в материалах такого типа также соответствуют отражаемым в иллюстративном материале словарей

русского языка. Это касается как случаев, когда иллюстративный материал усиливает модусный смысл, уже выраженный в словарных дефинициях (рус. КУЛАК *Благодаря колхозам у нас не стало бедноты, нет больше кулаков, эксплуатирующих бедноту. Никто не может теперь скупить землю у бедноты. Никто не может заставить на себя работать другого.* Калинин, *Все для войны, все для победы*, с. 70 (БАС 5: 1811); укр. КУРКУЛЬ *Його батько, Максим Сергійович, був за нове життя, виступав проти куркулів. Куркулі ж ховали від держави хліб, гноїли його в ямах* (Збан., Т. Шашло, 1949, 21) (СУМ 4: 411); белор. КУЛАК *Гаспадар – кулак багаты, – Як заўсёды стаў круціць, Толькі б меней заплаціць.* А. Александровіч (ТСБМ 2)), так и случаев, когда он становится единственной формой его представления (ЦАРИЗМ рус. *Государственный строй во главе с царем; царский режим. Чему вы удивляетесь? Вот такие-то люди и оказываются чаще всего за решеткой. Царизм жестоко расправляется со всеми, кто борется за лучшую долю народа.* Г. Марков, *Строговы*, I, 7 (БАС 17: 542); укр. *Державний лад на чолі з царем; царський режим. Царизм всіма силами домагався утвердити розхитаний авторитет своєї влади – в'язниці, страти і шибениці* були єдиними аргументами проти визвольного руху має (З глибин душі, 1959, 59) (СУМ 11: 181); белор. *Дзяржаўны лад, пры якім вярхоўная неабмежаваная ўлада належыць цару; царскі рэжым. Таксама, як і ўкраінскі народ, стагнаў наш народ пад ярмом польскіх паноў і царызму.* Купала (ТСБМ 5)).

2. Изменение **степени значимости** политически оценочного смысла в словарях украинского и белорусского языков (в сравнении со словарем русского языка), определяемой степенью самостоятельности реализующего его лексического значения, а также степенью его политической актуальности. Отметим, что значительно чаще указанное изменение реализуется в словаре украинского языка, что, вероятно, соответствует отмеченному исследователями более высокому уровню самобытности украинской лексикографической традиции по отношению к русской (в сравнении с зависимой от нее белорусской).

Изменение уровня самостоятельности политически заданного смысла в словарных статьях реализуется через систему помет, отсутствующих в словарях русского языка. Наиболее частотно политически ангажированные дефиниции получают в рассматриваемых словарях помету «переносное», что снижает уровень самостоятельности представляемого значения: БЕЛЫЙ – укр. *перен.*, *політ. Ворожий радянський владі; контрреволюційний; протилежне червоний* (СУМ 1: 181); ДИВЕРСИЯ – укр. *перен. Підривна робота в галузі ідеології* (СУМ 2: 270). В словарях русского и белорусского языков близкие по формулировке дефиниции лексической единицы БЕЛЫЙ и принципиально

по-разному представленные (см. далее) дефиниции лексемы ДИВЕРСИЯ приводятся без указанной пометы. Значительно реже степень значимости меняется за счет других помет. Так, дефиниция лексемы ОДНООСІБНИК в словаре украинского языка сопровождается пометой «историческое», что указывает на темпоральную локализацию его смысла, дистанцированную от времени создания словаря (выход соответствующего тома – 1980 г.). Политическая актуальность его значения снижается. В словарях русского и белорусского языков дефиниции лексем ЕДИНОЛИЧНИК / АДНААСОБНИК указанной пометой не сопровождаются.

3. Смягчение активности проявления политической оценки на уровне формы ее представления. Рассматриваемое различие реализуется тремя способами.

3.1. Сокращение текста словарной дефиниции за счет фрагментов, эксплицирующих политическую ангажированность, в первую очередь в ценностном аспекте. При таком сокращении политически заданный смысл может быть сохранен, но прописан менее подробно, с меньшей определенностью, при снижении уровня эмоциональности политической оценки: рус. БАСМА'ЧЕСТВО – *Контрреволюционное националистическое движение в Средней Азии, проявлявшееся в форме открытого политического бандитизма против Советской власти в 1917–1926 гг.* (БАС 1: 291); укр. БАСМА'ЦТВО – *Контрреволюційний націоналістичний рух в Середній Азії під час громадянської війни* (СУМ 1: 109). В другом случае исследуемый модусный смысл может быть представлен только косвенно: рус. КОЛЛЕКТИВИЗИРОВАТЬ – *Объединять в колхозы, обобществлять на социалистических началах* (БАС 5: 1164); укр. КОЛЕКТИВІЗУВАТИ – *Проводити, здійснювати колективізацію* (СУМ 4: 217). В дефиниции словаря украинского языка, в отличие от соответствующей дефиниции словаря русского языка, политически заданный смысл эксплицируется только на основании отсылки к содержанию используемой лексемы «коллективизация» (*Об'єднання одноосібних селянських господарств у великі соціалістичні господарства – колгоспи* (СУМ 4: 217)).

3.2. Изменение формулировки дефиниции, также приводящее к смягчению активности проявления политической оценки. Типичный пример: АГИТА'ЦИЯ – рус. *Устная и печатная деятельность, имеющая целью политическое воздействие на широкие народные массы* (БАС 1: 43); укр. *Громадська й політична діяльність, робота серед трудящих, спрямована на роз'яснення політики якої-небудь партії чи організації* (СУМ 1: 16). Если в дефиниции словаря русского языка используется номинация «воздействие» как отсылающая к более активной форме политического влияния, то в словаре украинского языка – номинация

«разъяснение», отсылающая к более мягкой его форме; рус. КУЛАК *Богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий батраков* (БАС 5: 1808); укр. КУРКУЛЬ *Багатий селянин-власник, на якого працюють наймити і незаможники* (СУМ 4: 411). В дефиниции словаря украинского языка отсутствует лексема «эксплуатирующий», которая в дефиниции словаря русского языка реализует политически оценочный смысл.

Отметим, что в словаре белорусского языка дефиниции соответствующих единиц гораздо более частотны, чем в словаре украинского языка, совпадают с дефинициями словарей русского языка и, соответственно, более последовательно сохраняют политически заданный смысл в полном объеме, ср.: белор. АГІТАЦІЯ *Вусная або праз друк дзейнасць, якая мае сваёй мэтай палітычнае ўздзеянне на свядомасць і настрой мас, распаўсюджванне сярод іх пэўных ідэй і лозунгаў* (ТСБМ 1); КУЛАК *Багаты селянін-уласнік, які эксплуатаваў беднякоў; вясковы буржуа* (ТСБМ 1).

3.3. Активность отражения оценочного модуса может снижаться за счет локализации способа его выражения в иллюстративном материале – в сравнении с формулировкой непосредственно словарной дефиниции. Так, в словаре русского языка идиоматическое выражение АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ отдельно описывается в словарной статье лексемы АПРЕЛЬ: *тезисы доклада В.И. Ленина, прочитанные им 4 апреля 1917 г. на собрании большевиков, делегатов Всероссийского совещания Советов, являющиеся исчерпывающей программой действия пролетарской партии в переходный период от буржуазно-демократической революции к социалистической* (БАС 1: 171). В словаре украинского языка отдельное описание данного выражения не представлено, но его модусный смысл отражается в иллюстративном материале статьи ТЕЗА: *В Квітневих тезах Ленін вперше в історії зробив прямий висновок про Ради як про державну форму диктатури пролетаріату* (Радянська Україна, 17.IV 1957, 1) (СУМ 10: 56).

4. В отдельных случаях политически заданный смысл, отраженный в дефинициях и в иллюстрациях словарных статей словаря русского языка, в дефинициях словарей украинского и белорусского языков полностью утрачивается. Идеологически обусловленное сужение значения не фиксируется ни в словарных дефинициях, ни в иллюстративном материале: рус. ВРЕДИТЕЛЬСТВО *Контрреволюционная, вредительская деятельность. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма*. Сталин, О правом уклоне в ВКП(б) (XII, 14) (БАС 2: 800); укр. ШКІДНИЦТВО *Злочинна, шкідлива діяльність – Якби Слинко не довів, що тут шкідництво, я певний, – у всьому ви*

обвинували б Каргата (Шовк., Інженери, 1956, 391); Чутка про нічне шкідництво вже облетіла всю бригаду (Десняк, Десну., 1949, 275) (СУМ 11: 474); белор. ШКОДНІЦТВА Злачынная, шкодніцкая дзейнасць. А час быў трывожны. Амаль у кожным нумары газет наведамлялася пра шкодніцтва, пра раскрыццё чорных шпійенскіх гнёздаў. Сабаленка (ТСБМ 5). В словаре русского языка ВРЕДИТЕЛЬСТВО трактуется как особый тип антисоциальной деятельности – «контрреволюционный», т. е. политически значимый. В словарях украинского и белорусского языков эквивалентная единица ШКІДНІЦТВО / ШКОДНІЦТВА также трактуется как обозначающая вид антисоциальной деятельности, но не аспектируемой как политически значимой, реализуя более широкое лексическое значение.

Таким образом, словари украинского и белорусского языков советского времени в целом отражают единство институционально заданного дискурсивного влияния в аспекте выражения советской политической идеологии в рамках единого государственного пространства. При этом словари белорусского языка – вероятно, в силу специфики лексикографической традиции – демонстрируют в отражении исследуемых модусов более выраженную, чем словари украинского языка, ориентацию на словари русского языка.

Специфику динамических изменений принципов отражения модусов советского политического дискурса в словарях славянских языков бывшего СССР, обусловленную изменением их государственного статуса и политической позиции, рассмотрим на примере современного словаря украинского языка (ВТССУМ 2005).

Словник этого словаря сохраняет все привлеченные к анализу лексемы, зафиксированные в словаре украинского языка советского времени, что отличает динамику его формирования от соответствующей динамики в словарях русского языка, утрачивающих целый ряд единиц, отражающих в советских словарях политическую ориентированность: БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА, БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ, ПРОЛЕТКУЛЬТ и др. Безусловно, такое сравнение приобретает релевантность только с учетом объема словников сопоставляемых словарей, но исследуемый современный словарь украинского языка содержит 250 000 единиц, а, например, Русский семантический словарь под общей ред. Н.Ю. Шведовой – около 300 000 лексических единиц, т. е. при меньшем объеме в современном словаре украинского языка единицы, не включенные в словник словаря русского языка, сохраняются. Политическую ориентированность лексической нормы, сформированной на разных этапах развития государства, составители словаря украинского языка представляют с большей подробностью.

Динамика изменения словарной дефиниции в аспекте отражения советских политических модусов также отличается от соответствующей динамики в словарях русского языка. В современных словарях русского языка переориентация политической оценки в большинстве случаев выражается в различных формах локализации «советского» политического модусного смысла, его объективировании (наиболее частотно – через включение в дефиницию функционально приближенного к помете компонента: АКТИВ-¹ **В советск. время:** *наиболее деятельная, передовая часть какой-л. общественной организации, коллектива* (ТСЯИ 1998: 43); КОМСОМОЛ *Коммунистический союз молодежи – общественная организация молодежи в СССР (1918–1991 гг.)* (РСС 2)), в большинстве сопровождаемой трансформацией дефиниции на основании косвенной переориентации идеологической позиции (БЕЛОГВАРДЕЕЦ **В годы гражданской войны:** *член Белой гвардии – русских военных формирований, сражавшихся за восстановление законной власти в России* (РСС 2)). В современном словаре украинского языка наиболее частотным способом выражения трансформации «советского» политического модуса является сокращение словарной дефиниции (реже – словарной статьи в целом) через устранение фрагментов, отражающих рассматриваемый смысл.

Рассмотрим в заявленном аспекте типы эквивалентности словарных статей, описывающих исследуемые единицы в словарях украинского языка советского времени и современном.

1. Совпадение дефиниций, фиксирующих советскую политическую ангажированность лексических единиц, в словарях украинского языка советского времени и современных. Интересно, что в отдельных случаях дефиниции современного словаря украинского языка полностью копируют дефиницию словаря советского времени, несмотря на отраженный в них политически ориентированный смысловой компонент, причем такое совпадение обнаруживается в описании единиц, не только созданных в рамках советского политического дискурса для фиксации продуцируемого им диктумного содержания, но и ориентированных им в соответствии с идеологической позицией. Так, для фиксации политически значимого диктума создана единица АГІТПУНКТ, идентично – без каких-либо помет – представленная в рассматриваемых словарях: *Осередок масово-політичної роботи серед населення, а також спеціально обладнане приміщення для такої роботи* (СУМ 1: 16; ВТССУМ 2005: 9). Для сравнения: в современном словаре русского языка данная единица описана с указанием на политико-темпоральную локализацию ее значения: АГИТПУНКТ **В советск. время:** *учреждение, ведущее массовую политико-просветительскую работу среди населения* (ТСЯИ 1998: 39). Описание адап-

тированного к условиям дискурса значения единицы РЕВОЛЮЦІЯ в рассматриваемых словарях также совпадает: *Докорінний переворот у житті суспільства, який приводить до ліквідації віджил ого суспільного ладу і утвердження нового, прогресивного* (СУМ 7: 475; ВТССУМ 2005: 1206). В современном словаре русского языка представлено независимое от советского политического дискурса ее значение: РЕВОЛЮЦИЯ *Коренное насильственное изменение в жизни общества, приводящее к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти* (РСС 3).

2. Утрата советского политического модуса через устранение компонентов словарной дефиниции, организуемых ключевыми словами советского политического дискурса, – наиболее частотный вид эквивалентности. В свою очередь, такая трансформация осуществляется двумя способами.

2.1. Редукция рассматриваемого компонента словарной статьи: БАСМА́ЦТВО *Контрреволюційний націоналістичний рух в Середній Азії під час громадянської війни* (СУМ 1: 109) – іст. Націоналістичний рух у Середній Азії під час і після громадянської війни (ВТССУМ 2005: 63); КОЛЕКТИВІЗА́ЦІЯ *Об'єднання одноосібних селянських господарств у великі соціалістичні господарства – колгоспи* (СУМ 4: 217) – іст. Об'єднання одноосібних селянських господарств у великі господарства – колгоспи (ВТССУМ 2005: 553); КОМУНІЗМ *Вища суспільно-економічна формація, що приходить на зміну капіталізові й ґрунтується на усуспільненні засобів виробництва; має два ступені розвитку: соціалізм і власне комунізм – безкласове суспільство, у якому здійснюється принцип: «від кожного – за його здібностями, кожному – за його потребами»* (СУМ 4: 254) – політ. Суспільно-економічна формація, що ґрунтується на усуспільненні засобів виробництва (ВТССУМ 2005: 562); ПРОЛЕТКУЛЬТ *Скорочення: пролетарська культура (культурно-освітні організації 1917–1932 рр., які, маючи своїм завданням організовувати рух мас за оволодіння новою, пролетарською культурою, проповідували хибні ідеї створення такої культури «лабораторним» шляхом)* (СУМ 7: 215) – іст. Культурно-освітня і літературно-мистецька організація, що виникла напередодні Жовтневої революції (ВТССУМ 2005: 1157), АНАРХІЗМ *Ворожа марксизмові дрібнобуржуазна політична течія, яка заперечує будь-яку державну владу, організовану політичну боротьбу і виступає проти революційної диктатури пролетаріату* (СУМ 1: 54) – Політична течія, яка заперечує будь-яку державну владу, організовану політичну боротьбу (ВТССУМ 2005: 54).

2.2. Замена политически ориентированного компонента словарной дефиниции нейтральным в аспекте политической ориентированности компонентом (редко): АГІТА́ЦІЯ⁻² *Громадська й політична*

діяльність, робота серед **трудящих**, спрямована на роз'яснення політики якої-небудь партії чи організації (СУМ 1: 16) – Громадська й політична діяльність, робота серед **загалу**, спрямована на роз'яснення політики якої-небудь партії чи організації (ВТССУМ 2005: 9). Вместо политически ангажированной советским дискурсом единицы «трудящиеся» использована нейтральная единицы «загал» («общественность»).

3. Утрата политически ориентированных значений в структуре словарной статьи. Так, в словарной статье ДИВЕРСИЯ, представленной в ВТССУМ, отсутствует дефиниция ЛСВ-3 соответствующей статьи СУМ: *перен. Підривна робота в галузі ідеології* (СУМ 2: 270). Кроме того, в словарных статьях ВТССУМ не представлены созданные в рамках советского политического дискурса на основании единиц, политическое содержание которых не зависит от конкретной политической позиции, устойчивые словосочетания, представленные в СУМ: *диктатура пролетаріату* (СУМ 2: 275), *соціалістична (пролетарська) революція* (СУМ 7: 475), *воєнний комунізм, науковий комунізм* (СУМ 4: 254) и др. Отметим, что последнее, возможно, отчасти определяется в том числе и спецификой словаря.

4. Появление особых помет, фиксирующих локализацию политически ангажированного значения. Наиболее частотно в этой функции в современном словаре украинского языка выступает помета **ісм.**, фиксирующая его темпоральную локализацию. Но если в словарях современного русского языка соответствующие помете компоненты словарной статьи последовательно дополняются трансформацией словарной дефиниции, фиксируя иную политическую позицию (см., напр., вышеприведенную дефиницию лексемы БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА в современном словаре русского языка), то в рассматриваемом словаре украинского языка указанная помета нередко становится единственной формой отражения результатов трансформации политического содержания исследуемых единиц. Так, при появлении пометы в остальном в «советском» и современном словарях украинского языка совпадают дефиниции лексем БІЛОГВАРДІЙЩИНА (*збірн., іст., зневажл. Білогвардійці, контрреволюціонери*) (СУМ 1: 183; ВТССУМ 2005: 81); БІЛИЙ (*Ворожий радянській владі; контрреволюційний; прот. червоний*) (СУМ 1: 181; ВТССУМ 2005: 80) и др.

Таким образом, предположение о том, что политическая позиция государства по отношению к советскому политическому режиму отражается в нормативных толковых словарях славянских языков, подтвердилось только частично. Словари славянских языков республик бывшего СССР, изданные в советское время, действительно очень активно ориентированы на отражение модусов советского

политического дискурса, что объясняется как единством политической позиции этих республик, так и спецификой лексикографической традиции. При этом современное изменение политической позиции и государственного статуса не привело к таким кардинальным изменениям принципов отражения советского политического модуса в исследованном словаре украинского языка, каких можно было ожидать. Во многих случаях в современных словарях русского языка дистанцированное представление исследуемого смысла проявлено даже более активно.

ЛИТЕРАТУРА

Барт 2000 - *Барт Р.* Нулевая степень письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 50–96.

БАС 1 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1950. Т. 1. 768 с.

БАС 2 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1951. Т. 2. 1395 с.

БАС 5 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1956. Т. 5. 1920 с.

БАС 11 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1961. Т. 11. 1844 с.

БАС 17 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1965. Т. 17. 2128 с.

Богданов 2009 - *Богданов К.А.* Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.

ВТССУМ 2005 - Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.). К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.

Дейк ван 2013 - *Дейк Т.А. ван.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке коммуникаций. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

Дубчинский 2013 - *Дубчинский В.В.* Лексикография украинского языка: прошлое и настоящее // Славянская лексикография. М.: Азбуковник, 2013. С. 251–309.

Киселевский 1973 - *Киселевский А.И.* О структуре и характере описания языка в энциклопедиях // Романо-германская и славянская лексикография: сборник теоретических статей. Минск, 1973. С. 83.

Кронгауз 1994 - *Кронгауз М.А.* Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике. М.: Рус. учеб. центр МС, 1994. С. 233–244.

Купина 1995 - *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.

Романенко 2003 - Романенко А.П. Особенности организации семантики «советского языка» (культурологический аспект) // Русский язык сегодня. М., 2003. Вып. 2. С. 247–256.

РСС 2 - Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2000. Т. 2. 762 с.

РСС 3 - Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3. 720 с.

Серио 1999 - Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.

СУМ 1 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1970. Т. 1. 801 с.

СУМ 2 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1971. Т. 2. 552 с.

СУМ 4 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1973. Т. 4. 840 с.

СУМ 7 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1976. Т. 7. 724 с.

СУМ 10 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 10. 659 с.

СУМ 11 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Киев: Наукова думка, 1980. Т. 11. 700 с.

Трипольская, Булыгина 2015 - Трипольская Т.А., Булыгина Е.Ю. Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 28–40.

ТСБМ 1 - Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977. Т. 1. 604 с.

ТСБМ 2 - Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1978. Т. 2. 768 с.

ТСБМ 4 - Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1980. Т. 4. 767 с.

ТСБМ 5 - Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1984. Т. 5, кн. 2. 608 с.

ТСЯИ 1998 - Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской; Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исследований. СПб., 1998. 700 с.

Тубалова 2014 - Тубалова И.В. Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 38–52.

Тубалова 2016 - Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.

Шипицына, Геращенко 2010 - Шипицына Г.М., Геращенко М.Б. Отражение в толковых словарях динамики коннотативных значений слов русского языка // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95), вып. 8. С. 83–90.

Щербин 2013 - Щербин В.К. Белорусская лексикографическая традиция: история и современность // Славянская лексикография. М.: Азбуковник, 2013. С. 21–60.

REFERENCES

Barthes, R. (2000) *Nulevaya stepen' pis'ma* [Zero degree of writing]. In: Mazo, V. (ed.) *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Post-structuralism]. Translated from French. Moscow: IG Progress. pp. 50–96.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1956) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Nauka.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1961) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 11. Moscow; Leningrad: Nauka.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 17. Moscow; Leningrad: Nauka.

Bogdanov, K.A. (2009) *Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoy kul'tury* [Vox populi: Folkloristic genres of the Soviet culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Busel, V. (ed.) (2005) *Velikiy tлумachniy slovník suchasnoï ukráíns'koï movi* [Great Explanatory Dictionary of Contemporary Ukrainian Language]. Kyiv: Irpin', Perun.

Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke kommunikatsiy* [and power: representation of domination in communicative language]. Translated from English by E.A. Kozhemyakina, E.V. Pereverzeva, A.M. Amatova. Moscow: LIBROKOM.

Dubchinskiy, V.V. (2013) *Leksikografiya ukrainskogo yazyka: proshloe i nastoyashchee* [Lexicography of the Ukrainian: the past and the present]. In: Chernyshov, M.I. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavonic Lexicography]. Moscow: Azbukovnik. pp. 251–309.

Krongauz, M.A. (1994) *Bessilie yazyka v epokhu zrelogo sotsializma* [Powerlessness of the language in the era of mature socialism]. In: Belikov, V.I. (ed.) *Znak: Sb. st. po lingvistike, semiotike i poetice* [Znak: Collection of articles on linguistics, semiotics and poetics]. Moscow: Rus. ucheb. tsentr MS. pp. 233–244.

Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and verbal reactions]. Ekaterinburg; Perm: Ural State University.

Romanenko, A.P. (2003) *Osobennosti organizatsii semantiki "sovetskogo yazyka" (kul'turologicheskiy aspekt)* [Management of semantics of "Soviet language" (cultural aspect)]. *Russkiy yazyk segodnya*. 2. pp. 247–256.

Shvedova, N.Yu. (ed.) (2000) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy: V 6 t.* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary systematised by classes of words and meanings. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Azbukovnik.

Shvedova, N.Yu. (ed.) (2003) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy: V 6 t.* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary systematised by classes of words and meanings. In 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Azbukovnik.

Serio, P. (1999) *Russkiy yazyk i sovetskiy politicheskiy diskurs: analiz nominalizatsiy* [Russian and the Soviet political discourse: analysis of nominalizing transformation]. Serio, P. (ed.) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow: Progress. pp. 337–383.

Bilodid, I.K. (ed.) (1970) *Slovník ukraíns'koj movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1971) *Slovník ukraíns'koj movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1973) *Slovník ukraíns'koj movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1976) *Slovník ukraíns'koj movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1979) *Slovník ukraíns'koj movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka.

Belodid, I.K. (ed.) (1980) *Slovník ukraïns'koï movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 11. Kyiv: Naukova dumka.

Triposkaya, T.A. & Bulygina, E.Yu. (2015) Ideological semantics as the object of lexicographically different-temporal dictionaries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (24). pp. 28–40. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1502.02

Atakhovich, K.K. (ed.) (1977) *Tlumachal'ny slounik belaruskay movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 1. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsylapedyya.

Atakhovich, K.K. (ed.) (1978) *Tlumachal'ny slounik belaruskay movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 2. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsylapedyya.

Atakhovich, K.K. (ed.) (1980) *Tlumachal'ny slounik belaruskay movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 4. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsylapedyya.

Atakhovich, K.K. (ed.) (1984) *Tlumachal'ny slounik belaruskay movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 5. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsylapedyya.

Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (1998) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Linguistic change]. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences.

Tubalova, I.V. (2014) Institutional speech patterns in person-oriented discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5(31). pp. 38–52.

Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Shipitsyna, G.M. & Gerashchenko, M.B. (2010) Otrazhenie v tolkovykh slovaryakh dinamiki konnotativnykh znacheniy slov russkogo yazyka [The reflection of connotative meaning of Russian words in explanatory dictionaries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 24(8). pp. 83–90.

Shcherbin, V.K. (2013) Belorusskaya leksikograficheskaya traditsiya: istoriya i sovremennost' [Belarusian lexicographic tradition: history and modernity]. In: Chernyshov, M.I. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavonic Lexicography]. Moscow: Azbukovnik. pp. 21–60.

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Tubalova Inna - Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Молчанова Полина Анатольевна – магистрант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Molchanova Polina - Tomsk State University (Russia).

E-mail: poph.sun@gmail.com

Наземцева Мария Андреевна – магистрант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Nazemtzeva Maria - Tomsk State University (Russia).

E-mail: mnazemtseva@gmail.com

УДК 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/15

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ПИСЬМАХ А.В. СУВОРОВА

И.Я. Конончук¹, Ю.В. Филь²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: ineskon@mail.ru

²E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

Рассматривается отображение славянского мира второй половины XVIII в. в письмах русского полководца А.В. Суворова. О высоком статусе этой личности в истории России свидетельствуют его военная деятельность, в том числе участие в военных кампаниях в Германии, Польше, Швейцарии, Турции, на Кубани, в Крыму, в подавлении восстания в Польше, в конвоировании Пугачева, а также незаурядные способности Суворова: знание математики, философии, истории, владение немецким, французским, итальянским, польским, турецким языками. Авторы статьи исходили из предположения, что в письмах Суворова как внимательного свидетеля (и непосредственного участника) сложного периода в истории славянских государств нашли отражение как славянские реалии, так и рефлексия полководца по поводу них, позволяющая дополнить наши знания о славянском мире XVIII в. Анализ писем А.В. Суворова показывает, что славянский мир представлен в них через: 1) обращение полководца к темам военных кампаний и воинской службы в целом, его общение с представителями разных славянских народов; 2) активное упоминание славянских географических реалий (городов, сел, рек, а также рельефа местности, погоды) и их описание; 3) обращение к русским, польским и другим славянским адресатам; 4) указание на многочисленные славянские персоналии (как отдельные личности, так и народы в целом), их сравнение и оценивание в личностном, социальном, общечеловеческом (реже национальном) контексте. В эпистолярной Суворова также нашло отражение влияние на русский язык польского, которое проявилось в использовании заимствованных из него единиц.

Ключевые слова: языковая личность, А.В. Суворов, эпистолярный Суворов, славянские реалии, заимствования из славянских языков.

SLAVIC WORLD IN A.V. SUVOROV'S LETTERS

I.Ya. Kononchuk¹, Yu.V. Fil²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: ineskon@mail.ru

²E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

This paper focuses on the depiction of the Slavic world of the second half of 18th century in the letters by Russian general A.V. Suvorov. Suvorov achieved a high status in Russian history due to his military deeds and activities, in particular his participation in the military campaigns in Germany, Poland, Switzerland, Kuban and Crimea, including the riot suppression in Poland and convoying Pugachev. He was also famous for remarkable knowledge of mathematics, philosophy, history, German, French, Italian, Polish and Turkish. As Suvorov was a thoughtful witness (and direct participant) of many events in the history of Slavic states, the authors assumed that Suvorov's letters might contain both Slavic culture-specific elements and his introspection on them, which can enhance our knowledge about the Slavic world in the 18th century. The analysis of Suvorov's letters has shown that the Slavic world is represented in them by means of: 1) address to the topics of military campaigns and military service in general, Suvorov's communication with people of different Slavic nationalities; 2) active use of Slavic geographical realities (cities, villages, rivers as well as local topography and weather) and their description; 3) appeal to Russian, Polish and other Slavic addressees; 4) indications of the numerous Slavic personalities (both individuals and nations), their comparison and evaluation in personal, social and universal (rarely national) contexts. Suvorov's epistolary also reflects the influence of Polish on the Russian language, which is manifested in the use of borrowed Polish units.

Keywords: linguistic person, A.V. Suvorov, Suvorov's epistolary, Slavic realities, borrowings from the Slavic languages.

Языковая личность Александра Васильевича Суворова характеризуется особым статусом в истории России второй половины XVIII в. Об этом свидетельствуют его военная и военно-теоретическая деятельность, прекрасное знание математики, философии, истории, европейской культуры и литературы, владение немецким, французским, итальянским, польским, турецким, частично арабским, персидским и финским языками. Участие в военных кампаниях в Германии, Польше,

Швейцарии, Турции, Италии, на Кубани, в Крыму и в других походах сопровождалось неустанным, пристальным вниманием полководца к особенностям быта, культуры, языка представителей разных национальностей. Это отразилось в его эпистолярном наследии. В отечественной науке описана длительная история сбора суворовского эпистолярия (В.А. Алексеев, М.И. Антоновский, П.И. Бартенев, С.Н. Глинка, Г.П. Данилевский, Н.М. Коробков, В.А. Левшин, В.С. Лопатин, Г.П. Мещеряков, Н. Рыбкин, Е.Б. Фукс) и его изучения в историографическом и биографическом направлениях (Д.А. Милютин, П.М. Сакович, С.Н. Глинка, А.Ф. Петрушевский), в аспекте исследования военной и научно-педагогической деятельности русского полководца (М.И. Драгомиров, Н.Ф. Дубровин, Н.А. Орлов, А.Н. Петров и др.). Представлены и немногочисленные работы, рассматривающие письма А.В. Суворова как источник для собственно лингвистических исследований (И.А. Вотякова, И.Я. Конончук, О.В. Никитин).

Обращение к суворовскому эпистолярию представляется научно продуктивным и в другом аспекте: оно дает возможность посмотреть на славянский мир второй половины XVIII в. глазами конкретной языковой личности. При этом именно частная (а также деловая) переписка зачастую характеризуется как наиболее объективный, не подверженный общей цензуре авторитетный источник лингвоперсонологии, исторической лексикологии и т. п. Так, в письмах русского полководца широко представлены славянские и другие реалии эпохи и мнение Суворова о них; данные письма хранят следы узнавания, понимания и притяжения / неприятия отдельной личностью национальных особенностей славян в целом и конкретных исторических личностей того времени, событий, с ними происходивших, в частности.

Следует отметить, что на данном этапе лингвоперсонологические исследования обращены к изучению не только современных языковых личностей, но и исторических (Иванцова 2005), характерных для определенного временного периода, обусловленных общими социокультурными и языковыми чертами этого периода (см. работы о языковой личности позднего Средневековья Л.П. Рупосова; писца деловой письменности XVIII в. И.А. Малышевой; личности князя А.М. Курбского В.В. Калугина; князя Воронцова Е.В. Барсуковой, Ф.М. Достоевского Е.М. Залогойной и др.). В результате исследований подобного плана получены сведения, позволяющие уточнить представление о языке соответствующего временного периода, а также об экономике, политике, культуре эпохи, в конечном счете – о картине мира определенной языковой личности.

Это относится и к А.В. Суворову, содержание писем которого (их тематика, спектр адресатов, упомянутые персоналии, зафиксирован-

ные реалии и языковые особенности) является отражением не только личности самого полководца, но и исторической личности второй половины XVIII в. Для этого периода характерны значительные перемены практически во всех областях: в экономике (высокий рост производственных, торговых, культурных связей России с другими странами и становление морского дела), политике (многочисленные военные кампании и передел границ России, Польши, Турции и т.д.), культуре (активное книгопечатание, развитие письменной традиции в целом, появление первых словарей и грамматик), языке (массовые заимствования, многоязычие, ломка и замена языковых норм в разных подсистемах (Биржакова 1972)). Мы исходили из гипотезы, что исследуемая языковая личность (прежде всего, в силу своей военной деятельности) должна была отразить в письмах многочисленные контакты с представителями разных народов, мнение о них, их национальных особенностях. Анализ писем Суворова позволит описать славянский фрагмент картины мира русской личности второй половины XVIII в., его рефлексии по поводу места русского человека в истории славянских государств.

Не останавливаясь подробно на уже описанных особенностях языковой личности А.В. Суворова, свидетельствующих о его широком кругозоре, образности мышления, свободном владении средствами не только родного, но и других языков, проявляющемся в широком спектре используемых лексических и стилистических средств языка, новаторстве в обращении с иноязычными единицами, используемыми им наряду с русскими для обозначения реалий жизни, яркой способности к языковой игре (Конончук 2007; Никитин 2004), обратимся к тому фрагменту картины мира русского полководца, который связан с его представлением о славянском мире.

Прежде всего, отметим ряд тем, раскрывая которые, А.В. Суворов обращается к славянской тематике:

- служба в Казанском, Астраханском, Суздальском и других полках и общение с сослуживцами разных славянских национальностей;
- назначение начальником русских войск в Люблинском районе с последующим участием в военных действиях в Польше против Барской конфедерации;
- прошение перед властью имущими за польских офицеров, оказавшихся в плену;
- служба в обсервационном корпусе, Первой армии, в том числе на Дунае, строительство оборонительных сооружений против турецких войск;
- обсуждение вопросов честности и казнокрадства при выделении средств на армейские и другие расходы;

- участие в сражении против турецких войск при Козлудже;
- преследование остатков войск Емельяна Пугачёва после его решающего сражения с отрядом И.И. Михельсона и конвоирование Пугачёва в Симбирск;
- служба в Крымском и Кубанском корпусах, укрепление позиции русских войск в Крыму;
- руководство укреплением обороны Кинбурн-Херсонского района, строительство укреплений на Тамани, в Крыму, по Днестру, на Черном море, обсуждение хода строительства и финансирования укреплений;
- поход на Брест, наступление на Варшаву, взятие Праги – предместья Варшавы;
- командование армией на юге России со штабом в Тульчине;
- пребывание в Праге по пути в Краков (Суворов 1986).

Типичным примером письма полководца можно считать письмо к Д.И. Хвостову (1792 г.), в котором А.В. Суворов характеризует участников европейского противостояния, говоря о том, что король Станислав Август переходит на сторону конфедерации, Пруссия за часть Польши выставляет свои войска против Франции, у России с Пруссией заключен договор: *«Марсовы дела польские кончены, и король приступает к Конфедерации... Кутузов с 18 000 к французам, кои уже в Польше отделены... С Королем прусским утвердительный трактат....Россия возведена на высшую степень. Великая Монархиня вечна»* (Суворов 1986: 235).

Список тем суворовского эпистолярия, отражающих представления данной исторической личности о славянском мире, не ограничивается перечисленными, отдельные высказывания о нем можно встретить и в письмах на иные темы:

- обсуждение дел в поместье и торговых сделок;
- отдельные хозяйственные распоряжения;
- переписка с друзьями и дочерью по поводу ее замужества и др.

Славянская составляющая эпистолярия проявляется в умелом включении Суворовым в текст русскоязычных писем отдельных фрагментов на польском языке. Одно из них отмечено в письме 1773 г. А.С. Милорадовичу: *«Не оставь, братец, милостию своей Максимовича. **Calue ziemka kohanego** Як[ова] Вас[ильевича]»* (=Крепко целую любезного Якова Васильевича) (Суворов 1986: 33).

При анализе писем прежде всего в фокусе исследовательского внимания оказываются **наименования славянских географических реалий**, отобранные из исследуемого эпистолярия (690 писем преимущественно военной тематики). Сам жанр письма предполагает указание места нахождения адресанта, при этом письма военного человека, меняющего свое местоположение, описывающего те или

иные места, где он находится, содержат значительное количество наименований географических объектов, которые в данном случае представлены русскими, польскими, украинскими, болгарскими, чешскими (и моравскими) топонимами. Это *Польша* и польские города и селения *Познань*, *Прага*, *Варшава*, *Люблин*, *Сендомир*, *Пулав*, *Кельце*, *Седлице*, *Коцк*, *Вильна* (современный Вильнюс), *Ковно* (современный Каунас), *Бялосток* (*Белосток*), *Гродно*, *Слоним*, *Крупчиц*, *Бржесц* / *Брежст* (современный Брест), *Завихост* и др.; чешская *Прага*; украинские *Красностав*, *Херсон*, *Екатеринослав* (современный Днепропетровск), *Елисаветград* (современный Кировоград), *Тульчин* (Винницкая область), *Килия* (Одесская область), *Одесса*; болгарские *Болгария*, *Силистрия* (Силистрия), *Козлуджа*; современные белорусские *Несвиж*, *Шклов*, а также *Кубань*, *Севастополь*, *Керчь*, *Ботня* (Тульская область), *Красное Село*, *Смоленск*, *Сызран* (Сызрань), *Яиц*, *Санкт-Петербург*, *Москва* и т. д.

Как показывает анализ писем Суворова, по вполне объективным причинам, связанным с его военной деятельностью, преобладающее большинство славянских реалий, описываемых полководцем, являются польскими. Однако славянские географические объекты представляют для Суворова непрерывный континуум вместе с соседними молдавскими, румынскими, французскими, австрийскими, немецкими, финскими, шведскими объектами:

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «*Et transportez-moi à Posen; c'est là mon poste d'honneur!*» / «*Меня же Вы переведите в Познань, – мое место там, клянусь честью!*» (Суворов 1986: 15, 17);

– П.А. Румянцеву, 1794 г.: «*Остерегаясь малейшего раздробления так, что, занимая от Несвижа – Вильну, Ковну, Гродну, Бялосток с Слонимом, – Варшава не получила бы прокормления с правого боку Вислы*» (Суворов 1986: 278);

– П.И. Турчанинову, 1792 г.: «*На маневрах под Красным Селом вошел и вышел скорым маршем без больных и мертвых; тож из Ладоги в Смоленск... От корпуса за Дунаем до Козлуджи 3 недели, больных отправлять назад было некого, и все живы... От Копыла с корпусом быстрым маршем за Кубань и Лабу; умер один*» (Суворов 1986: 244).

Особое значение для Суворова, в том числе как для военного человека, имеют **реки** – *Лаба*, *Двина*, *Дунай*, *Висла*, *Нева*, *Таргун* и др. Данные единицы выполняют в эпистолярной не только номинативную функцию, маркируя границы современного Суворову мира, но и характеризующую: полководец наделяет их особыми коннотативными смыслами. Особенно ярко это проявляется в письмах Суворова к близким ему адресатам, как, например, в письме 1772 г. Александру Ильичу Бибикову, военному деятелю, главнокомандующему войсками в

борьбе с польскими конфедератами, непосредственному начальнику Суворова, к которому последний относился с особым уважением и проявлением дружеских чувств: *«La Dwina ne m'est plus un fleuve d'oubli comme je regardais le Danube dans un autre tems. Je chéris la Vistule puisque Vous y êtes, et je serai plus attaché à la Newa si Vous y sériés»* / *«Двина не служит уж мне рекою забвения, каковой некогда почитал я Дунай. Люблю Вислу потому, что Вы там, а еще сильнее был бы привержен к Неве, когда б Вы там находились»* (Суворов 1986: 24).

Славянский мир в письмах А.В. Суворова раскрывается и в описании **рельефа местности, ее географических характеристик, погоды** через описание бесконечных военных походов, отдельных сражений и военной службы в мирное время; сама природа может помогать или мешать в военном походе:

– И.И. Веймарну, 1770 г.: *«Висла ныне очень мелка, и между Сендомира и Пулав в разных местах можно переправлятьца вплавь и почти вброд»* (Суворов 1986: 11) (Польша);

– Н.А. Зубову, 1796 г.: *«Чрез Шклов до света 14 ч. марта мы рассеялись на пути по недостатку лошадей, порче повозок, по переменной зимней и летней худой дороге»* (Суворов 1986: 302) (Могилевская область);

– А.И. Набокову, 1769 г.: *«Représentez Vous le village Orechow comme une espèce de citadelle, les flancs couverts par des bois marécageux, le dos d'un gros étang et le front par un long défilé où il y a avoit trois ponts...»* / *«Вообразите деревню Орехов – своего рода цитадель: фланги прикрыты болотистыми лесами, тыл большим прудом, а фронт длинным дефиле, через кое перекинуты три моста»* (Суворов 1986: 9–10) (Брестская область);

– И.И. Веймарну, 1770 г.: *«Около Покрова будет не жарко, а грязнее, мокрее и следнее, они будут обсушатца в избах, и легче на них нападуть отсюда по Пилице и к Кельцу. А тяжелее им будет из-за гор отвечать и между Сендомира и Пулав переправлятьца. Пуще всего не хочетьца мне, чтобы они появились между Красностава и Рубешева из-за Любашевских лесов»* (Суворов 1986: 11–12) (Польша).

Несмотря на частую непогодицу, славянская природа ближе Суворову, чем чужая:

– П.И. Турчанинову, 1792 г.: *«Лес здесь против Финляндии почти десятилето, много в сравнении сего по драгоценности, кроме что в приобретенной области»* (Суворов 1986: 246) (О Херсоне);

– А.И. Бибикову, 1772 г.: *«Je m'ennuie ici dans les solitudes sans faire rien du tout»* / *«Скучаю в здешних пустынях без всякого дела»* (Суворов 1986: 24) (О Литве).

Приведенные контексты свидетельствуют еще об одной особенности суворовского понимания пространственных границ и географических характеристик мира: для данной языковой личности, по всей видимости, не существует жесткого деления на славянский и иной мир, мир для русского полководца делится на «свой» и «чужой». Границы своего мира не всегда совпадают с политическими границами Российского государства, они антропоцентричны, определяются через отношение к людям, населяющим то или иное пространство. При этом и в своем, и в чужом мире автор писем находит преимущества и недостатки, которые могут быть связаны с характером осуществляемой деятельности, окружающими людьми и т. п. Так, *пустыни* (речь идет о месте недалеко от Вильнюса), о которых говорится в приведенном выше письме, оцениваются отрицательно не только как географическая реальность, но и как место, в котором нет дела (чего А.В. Суворов не любил, предпочитая всегда быть занятым). Пример проявления «своего» мира и соответствующего к нему хозяйского отношения находим в письме 1790 г. Н.А. Суворовой, написанном в «чужом» Берладе (в Молдавии), где находилась штаб-квартира корпуса с военными припасами: *«У нас в поле и в лесу дикая петрушка, пастернак, свекла, морковь, салаты, трава – зеленые спаржи и иного очень много. Великие овощи еще не поспели и фрукты. Гуси маленькие ай да такие выросли большие! Караси белые больше скрыпки, стрепеты да дунайские стерляди и овечье толстое молоко»* (Суворов 1986: 197).

Другой стороной проявления славянского мира являются **персоналии**, представленные в письмах Суворова, которые условно можно разделить на **адресатов** писем и **лиц**, о которых пишет полководец.

Круг **адресатов** Суворова, к которым обращены письма на «славянские» темы, необычайно широк: от Академии наук и царствующих особ (*Екатерина II, польский король Станислав Август*) до известных деятелей Российского государства, таких как сослуживец Суворова, его покровитель, государственный деятель *Г.А. Потемкин*, полководец в период Русско-турецкой войны, которого Суворов считал учителем, *П.А. Румянцев*, *Г.Р. Державин*, *М.И. Кутузов*, командующий русскими войсками в Польше *И.И. Веймарн*, советник русского посла в Варшаве *Я.И. Булгаков*, военный и государственный деятель *А.И. Бибииков*, фаворит Екатерины II, получивший влияние после смерти Потемкина, *П.А. Зубов*, старший брат *П.А. Зубова*, муж дочери Суворова *Н.А. Зубов*, друг Суворова *Д.И. Хвостов*, дочь полководца *Н.А. Суворова (Зубова)* и др. Обращение к каждому из адресатов маркируется определенным образом в соответствии со статусом адресата, отношением к нему Суворова, тематической и жанровой направленностью послания (прошение, записка, личное письмо и т.п.):

– прошение Екатерине II о зачислении на военную службу, 1742 г.: *«Всепресветлейшая, державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, Государыня Всемилоостивейшая!»* (Суворов 1986: 392);

– польскому королю Станиславу Августу, 1794 г.: *«Sire! Je viens de recevoir la lettre, dont Votre Majesté m'a honoré du 4 novembre»* / *«Государь! Получил я письмо от 4 ноября, коим Ваше Величество меня почтили»* (Суворов 1986: 281);

– Г.А. Потемкину, 1773, 1787 гг.: *«Высокородный и Превозходительный г. Генерал-Маиор и Кавалер Государь мой!»* или *«Батюшка Князь Григорий Александрович! Простите мне в штиле, право силы нет, ходил на батарею и озяб»* (Суворов 1986: 26, 115);

– дочери Н.А. Суворовой, 1787, 1789 гг.: *«Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмом от 9 ноября; больше порадуешь, как на тебя наденут белое платье; и того больше, как будем жить вместе»* или *«Цалую тебя, любезная Сестрица Суворочка»* (Суворов 1986: 122, 193).

Адресаты писем имеют разный социальный и национальный статус, а также значение в истории России и жизни самого полководца. Следует отметить, что адресаты писем легко становятся объектом описания (переходят в другой тип славянских персоналий – круг описываемых лиц), может меняться и их статус в глазах полководца. Так, например, в послании 1794 г. Платону Александровичу Зубову Суворов обстоятельно докладывает о положении дел в Польше, рассуждает о «практической истине»: *«В Польше начальникам нашим место того, чтоб быть в невежественной нерешимости и плавать в роскошах, надлежало соблюдать непрестанное бдение, перу их со-товариществовать их мечу и искру, рождающую пожар, последним в миг затушать»* (Суворов 1986: 270–271).

Однако в письме 1793 г. своему другу Дмитрию Ивановичу Хвостову Суворов пишет: *«Сателлиты П[етра] И[вановича] Т[урчанинова] тут только против меня орудие к интересам Г[рафа] Н[иколая] И[вановича] по Г[рафу] П[латону] А[лександровичу]»* (Суворов 1986: 250), – подразумевая, что интриги Зубова и Турчанинова являются причиной задержки денег, которых он ждет из Санкт-Петербурга.

В письме 1792 г. к государственному деятелю, секретарю Екатерины II Александру Андреевичу Безбородко Суворов характеризует Зубова, фаворита Екатерины, в руках которого при дворе сосредоточена большая власть, следующим образом: *«Но милое дитя мешает службе»* (Суворов 1986: 239), – отказывая ему в военной компетенции, считая, что служба ему доверена по принципу «чем бы дитя не тешилось...».

Круг **лиц**, описываемых Суворовым, характеризуемых им как «герои» или «злодеи», не менее широк. Среди них правящие монархи и

известные военные и государственные деятели славянских государств (чаще России и Польши), герои военных сражений и побежденные, пленные офицеры и солдаты, поверженные мятежники, обычные солдаты, служившие под командованием полководца, рядовые жители, близкие и знакомые полководца: *Екатерина II, Павел I, граф Борис Петрович Меллин*, кавалеристы которого осуществляли погоню за Пугачевым, *Емельян (Емелька) Пугачев, граф Румянцев, князь Репнин, граф Салтыков, Валериан, Николай и Платон Зубовы, генерал-майор Цицианов, граф Чернышев, князь Волконский, любимец Суворова полковник Фанагорийского гренадерского полка Василий Иванович Золотухин, предводители Польской конфедерации господа Пулавские, предводители отрядов конфедератов Заремба, Даманский, Коробейский, Пржендецкий, Мощинский*, крупный польский магнат *Франциск Браницкий*, полковник польских королевских войск *Леттау* (Летаво), бунтовщик *Костюшко / Косцюшко*, сербский бригадир *Милорадович*, полковник Сербского гусарского полка *Иван Древиц*, гетман *Огинский*, войсковой атаман *Степан Ефремов*, подполковник Воронежского драгунского полка *Алексей Елчанинов* (Ельчанинов), подполковник Санкт-Петербургского карабинерного полка *Иван Елагин*, майор *Ушаков*, командир казачьей сотни *Корнеевич*, ротмистр 3-го кирасирского полка *Иван Вагнер*, *Сава казак*, квартирмейстер, капитан Суздальского полка *Петр Васильев*, поручик Суздальского полка *Евсевьюшка Еремеев*, а также соседи и родственники Суворова – помещица *Варвара Петровна*, соседка *Матрена Антоновна* и др., дочь, реже жена и друзья полководца. Славянский мир Суворова предстает в совокупности разных персоналий, с которыми Суворову приходилось общаться по долгу службы, вследствие хозяйственной деятельности, по дружбе:

– генерал-губернатору М.Н. Кречетникову, 1770, 1771 гг.: «*Выпросите у графа сюда хотя б **Елчанинова**, пусть он обменяет его на полтысячи человек, коли Вы сами назад не будете*» (Суворов 1986: 13); «*Помощию Бога войски Ея Императорского Величества команды моей разбили **гетмана Огинского** внятеро сильные нас... **Гетман** ретировался на чужой лошади в жупане, без сапогов, сказывают так!*» (Суворов 1986: 21);

– генерал-квартирмейстеру И.И. Веймарну, 1770 г.: «*О **Зарембе** слышно, что он уехал лечитца в Шлезию, вся же шайка почитаетца ста два-три или ста три-четыре. К Пилицу – **Суак с Вилконским** малосильнее того; **Даманский** поудалился за Присухи, **Пржендецкий** с товарищи маловажен, **Коробейский** и **Мощинский** разбиты из Опатова **майором Ушаковым***» (Суворов 1986: 11);

– советнику Государственной коллегии иностранных дел А.И. Набокову, 1769 г.: «*Mrs. Pulawsky ont perdu leur pucelage, jamais ils n'ont*

été réellement battu» / «Господа Пулавские невинности лишились: в самом деле, никогда их так не разбивали» (Суворов 1986: 9);

– другу Д.И. Хвостову, 1796 г.: «У **К[нязя] Репнина** экзерциции нет, но приказано: тихий марш и залпы, опасное и вредное. Мои, кои к нему достались, очень пеняют» (Суворов 1986: 305);

– выполняющему поручения главнокомандующего И.М. Рибасу, 1788 г.: «*Si je vis, et serai chés le Prince, moi Russe, je ne souffrirai pas d'être offusqué par ces M[onsieu]rs, C[omt] Brfanitzky, P[rince] de L[igne] sont des personnes respectables*» / «Коли останусь жив, буду у князя. Я **русский**, не потерплю, чтоб меня теснили эти **господа. Граф Браницкий, принц Де Линь** – люди почтенные» (Суворов 1986: 167, 169);

– командиру летучего корпуса И.И. Моркову, 1794 г.: «...вся та куча мятежников, что чрез внезапное нападение в Минскую губернию нас всех там встревожила, 26-го сего августа под Любонью **Генерал-Маиором Цициановым** в плен взята...» (Суворов 1986: 277);

– крестьянам села Ундол, 1786 г.: «Ныне быть старосте на три года **Роману Васильеву** и вступить ему в эту должность с нового года. Ежели будет исправен, то его правление продолжится паче, ежели в его правление крестьяне разбогатеют, а паче того, коли из некоторых выгонит лень и учинит к работе и размножению скота и лошадей радельными, то в работах ему будет помощь...» (Суворов 1986: 108–109).

Разнообразие лиц и имен в письмах Суворова объясняет многообразие вариаций оценок, которыми он наделяет данные имена. При этом суворовская оценка не всегда совпадает с общепринятой, она может быть личностной. Для оценивания тех, с кем он встречается, общается, воюет, полководец применяет отнюдь не социально-статусные критерии. Славяне, как и другие народы и их представители, оцениваются по собственно суворовским критериям: противник является врагом только до тех пор, пока он не сложил оружие, к пленникам следует быть снисходительными; война должна быть четко подготовлена, продумана, по возможности бескровна, но не спонтанна; солдаты накормлены и здоровы, награждены за подвиги, храбры, терпеливы; командующие должны быть обучены военному искусству, проявлять заботу о вверенных им людях, не должны воровать. Многие из этих правил применимы и к гражданским людям: по его мнению, человек должен быть честен, занят делом и компетентен в нем. Здесь, как и при определении границ мира, Суворов делит людей, исходя из перечисленных (не национальных) параметров, на «своих» и «чужих». Характеристика «своих» отражена в письмах ближайшему сотруднику Потемкина В.С. Попову, 1788, 1789, 1790 гг.: «Что же это, голубчик: Егор Петрович П.

скончался? Вечное ему блаженство! Боже мой! место этого честного и верного человека лутче бы мы потеряли дюжину пустокоормов» (Суворов 1986: 132); «Долгой век Князю Григорию Александровичу! Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!» (Суворов 1986: 190); «У меня Золотухин. Служба его непорочна, должности с трудами их в его должности замыкались, и храбрость его надлежала быть ограждена не одною смелостью, как часто в частных, но руководствуема искусством и мужеством» (Суворов 1986: 198);

– правителю канцелярии Потемкина П.И. Турчанинову, 1792 г.: «Бр[игади]р Танеев – честный человек. Попросите, чтоб выдал рубашки...» (Суворов 1986: 244).

«Чужие», как демонстрируют письма полководца, есть среди русских, поляков и др.:

– И.М. Рибасу, 1794 г.: *«P[rince] D[olgoroukow] commande en Finlande et S[aint]-P[éters]*B[ourg] à la place du C[omte] I [van] S[altikow] qui ici est mal, y tramoit le grand personnage fut démasqué par le changement arrivé: j'y suis à mon ordinaire enroulé avec politesse»* / «Князь Долго-руков командует в Финляндии и в Санкт-Петербурге вместо Графа Ивана Салтыкова, который здесь никуда не годится, а корчил из себя важного господина и был разоблачен происшедшею переменою...» (Суворов 1986: 269, 270);

– И.И. Веймарну, 1770 г.: *«Genug ist der letzte Umstand von Opatow wo mich wieder ein Drewiz-Volk aushebt unter Romanische pretexten, eigentlich aber um sein haab u[nd] pack nach Cracau durchzubringen»* / «Достаточно последней истории с Опатовым, где солдаты Древица опять испортили мне кровь, – под вымышленными предложениями собственно ради того, чтобы дать его трусливой сволочи добраться до Кракова» (Суворов 1986: 14, 16).

В этой связи представляется интересным отношение Суворова к мятежникам и бунтовщикам:

– Г.Р. Державину, 1774 г.: *«О усердии к службе Ея Императорскаго Величества вашего благор[одия] я уже много известен; тож и о последнем от Вас разбитии киргизцев, как и о послании партии за сброднею разбойника Емельки Пугачева от Карамана...»* и *«Иду за реченным Емелькою, поспешно прорезывая степь»* (Суворов 1986: 36, 38).

Как показывает анализ, Пугачев не удостоивается в письмах положительной оценки, именуется исключительно как бунтовщик, в то время как отношение Суворова к польскому мятежнику Костюшко двойственно, вопреки его статусу противника храбрость и воинские достоинства Костюшко заслуживают уважения:

– И.М. Рибасы, 1794 г.: «*Kostiuszko à Wola sous Warsowie, les Polonais dit-on s'y battent bien en escarmouches avec le Roi de Prusse qui devoit les battre en peu de jours en combat general*» / «*Костюшко в Воле, под Варшавою, поляки, по слухам, славно дерутся там в стычках с Прусским королем, которому должно бы их побить в несколько дней в генеральном сражении*» (Суворов 1986: 276, 277);

– И.М. Рибасы, 1794 г.: «*Ce malheureux avec q[uelque] chose des siens est là bloqué dans les bois...*» / «*Несчастный Костюшко с небольшим числом своих окружен в тамошних лесах...*» (Суворов 1986: 270);

– генералу-поручику И.П. Салтыкову, 1794 г.: «*Вследствие победы над мятежниками, одержанной в 29-й день сентября, которая тем важна, что и сам главный возмутитель Костюшко захвачен...*» (Суворов 1986: 280);

– графу П.А. Румянцеву, 1794 г.: «*В мятежнике довольно искусства!*» (Суворов 1986: 275).

В эпистолярии Суворова встречаются **наименования отдельных славянских народов и их представителей**. Они значительно уступают в количественном отношении наименованиям персоналий, однако имеют, как правило, не только (и не столько) номинативную функцию, но и характеризующую, что поддерживается общим контекстом письма. Такие номинации вызывают особый исследовательский интерес, так как демонстрируют представления конкретной языковой личности о славянских собратьях. К таким наименованиям (помимо нейтральных *русских, казаков*) можно отнести единицы *поляки* (а также *Польша* в метонимическом употреблении), *сарматы, кроаты, яны*.

Упоминания о *поляках* (в силу того, что значительное количество писем содержит описание отношений России с Польшей и внутри нее, ее разделения, русско-польского противостояния в целом) встречаются наиболее часто, отношение к ним варьирует, чаще в сторону негативного или ироничного:

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «*Nach einen ehrlichen Streich in Lithauen wo ich bewiesen daß ich mit wenigen Volk ohngefahr so viel Buntowniks wie dererselben ein benannter Drewiz nach Groß-Pohlen eingelockt zu schlagen verstehe werde ich Post-Commisa.ir!*» / «*После честно нанесенного удара в Литве, где я доказал, что с немногочисленным отрядом умею разбивать столько же бунтовщиков, сколько заманил их в Великую Польшу вышеупомянутый Древиц, – я превращаюсь в почтового коммисара!*» (Суворов 1986: 14, 16);

– Г.А. Потемкину, 1790 г.: «*В высокославной прусской армии быстрая польская конница умокнет...*» (Суворов 1986: 196);

– Д.И. Хвостову, 1792 г.: «*Дальновидности сходны с польскою кратковидностью...*» (Суворов 1986: 237);

– Г.А. Потемкину, 1790 г.: «Поляки двояки и переменчивы...» (Суворов 1986: 200).

Второе обозначение поляков, которое встречается в письмах, – *сарматы* (так себя именовали представители высших польских кругов, намекая на их якобы существующее родство с древними сарматами и, соответственно, на особое противопоставление шляхты и простолюдинов), используемое, как правило, не оценочно, а как синонимичное к *полякам*:

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «*Das schönste Vorwand war die Gefahr, da doch Opatow eine Mauer hat welche sicher einen Sarmatischen Anlauf von etwa gegen 700...*» / «Лучшим предлогом служила опасность, хотя у Опатовой есть стена, которая наверное выдержит нападение 700 сарматов...» (Суворов 1986: 14, 16);

– И.М. Рибасу, 1788 г.: «*...il y a une grosse disproportion entre les Sarmates et les Gaulois dans les mœurs par le local*» / «Разница велика меж сарматами и галлами в местных нравах» (Суворов 1986: 129, 130);

– подпоручику квартирмейстерской части Ф.Т. Матушинскому, 1794 г.: «*Крепок лагерь местом. Смотреть в оба. Сарм[аты] близко*» (Суворов 1986: 277).

Хорватов Суворов называет *кроатами*, по-видимому, из-за того, что в числе кроатов – воинов легкой австрийской конницы – было много хорватов; подобная номинация скорее свидетельствует не о национальной принадлежности, а о воинской (в этом еще раз проявляется особенность данной языковой личности – военного типа):

– записка А.В. Суворова о службе, 1790 г.: «*...к[нязь] Ю. Долг[оруков] полк[овник] кроат, коих не было*» (Суворов 1986: 394).

Очевидна и единичная в письмах номинация чехов *янами* (по имени наиболее известных представителей чешского народа – Ян Гус, Ян Благослав, Ян Амос Коменский и т.п.):

– И.П. Салтыкову, 1794 г.: «*...выступаю к Праге на янов и венгров, куда и корпусы Генерал-Порутчиков Ферзена и Дерфельдена имеют быть*» (Суворов 1986: 280).

Несмотря на незначительное противопоставление внутри славян, проявившееся в письмах полководца, противопоставление русских другим (неславянским) народам вполне отчетливо, при этом чаще в пользу суворовских соотечественников:

– дипломату, посланнику в Вене С.А. Колычеву, 1799 г.: «*В здешних землях и способах цесарцы сведущее российских в продовольствиях по неспособности россиян, изобильны в военной амуниции... Вера, язык, нравы – россияне в союзных влияют: бодрость, храбрость, мужество, терпение, трудолюбие, постоянство, глазомер, быстроту, импульзию*» (Суворов 1986: 372);

– П.А. Румянцеву, 1794 г.: «*Немцев не любят. Нас обожают*» (Суворов 1986: 284);

– И.М. Рибасу, 1788 г. «*Voici le mystere d'un ruse Angloamericain qui n'a presque pas de Patrie que son propre bien-etre. A cela, je suis le meme, franc et sincere, il est trop tard de me changer...*» / «*Вот тайна англо-американца, у коего вместо Отечества – собственное его благополучие. Я же как был – искренний, открытый, поздно уж мне переменяться*» (Суворов 1986: 153, 154);

– «Три воинские искусства»: «*У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает*» (Суворов 1986: 399);

– «Наброски плана польской кампании», 1794 г.: «*Союзники ездят на российской шее. Король Прусский даже и варшавских мятежников обращает на россиян, если то не из газет взято*» (Суворов 1986: 396) (речь идет о прусских и австрийских войсках, которые не решались штурмовать Варшаву, перекладывая эту задачу на русские войска).

Славянский мир запечатлен в письмах исследуемой языковой личности посредством использования иноязычных слов, обозначающих реалии славянского (преимущественно польского) мира: **конфедерат** – участник конфедераций, временных политических союзов вооруженной шляхты в Польше для защиты своих сословных интересов (польск. *konfederat*) (Крысин 2003: 355); **ксендз** – польский католический священник (польск. *ksiądz*) (Крысин 2003: 372). Так, в письме 1768 г. своему петербургскому приятелю И.Н. Дернову Суворов пишет об А.И. Набокове, отправившемся на войну в Польшу: «*Супруга Алексея Ивановича от прокурорши сведение имеет, что он поехал на войну против **конфедератов***» (Суворов 1986: 7).

Существительное **ксендз** отмечено в адресованном генерал-поручику Ю.Б. Бибикову письме 1772 г., в котором полководец с нескрываемым раздражением и горечью выражает неудовольствие по случаю захвата французами и польскими конфедератами Краковского замка из-за беспечности его коменданта полковника В.В. Штакельберга: «*...здесь, как в знакомом ему месте, **ксендзы** и бабы голову ему весьма повредили... Опасаясь, чтоб **ксендзов** и баб никогда не тревожить, разрядил он ружья...*» (Суворов 1986: 21–22).

Кроме того, полководец активно использует заимствованные из польского или претерпевшие польское посредничество ксенолексемии, такие как **амуниция** – снаряжение военнослужащего (кроме оружия и одежды) (польск. *amunicja*); **вензель** – сочетание начальных букв имени и фамилии или имени и отчества в виде вязи (польск. *węzeł* – узел); **поручик** – военный чин, лейтенант (польск. *porucznik*); трактовать – рассуждать (польск. *traktować*); **цидула** (*цыдуля, цыдулка*)

– записка (польск. *ceduła*); *шкатула* (*шкатулка*) – небольшой ящик для ценных вещей (польск. *szkatuła*) и др. (Конончук 2007).

Указанные единицы, отмеченные в многочисленных контекстах писем А.В. Суворова, относящихся к разным периодам его жизни, дают представление о военных и мирных реалиях славянского мира:

– С.А. Колычеву, 1799 г.: «В здешних землях и способах цесарцы сведущее российских в продовольствиях по неспособности россиян, изобильны в военной **амуниции**...» (Суворов 1986: 371–372);

– Д.И. Хвостову, 1791 г.: «О **вензеле** Наташи не упоминайте, будет вязать обещаниями» (Суворов 1986: 22–23);

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «По просьбе из Рубешова разбирательство г. полковником Штакельбертом почти кончено; только еще требуется дополнение **поручика** Веденяпина...» (Суворов 1986: 12);

– И.П. Салтыкову, 1773 г.: «Полно, опять записался, письмо – **цыдулка**, не рапорт» (Суворов 1986: 28).

Тематический охват вышеперечисленной лексики, ее активное употребление автором писем в первую очередь свидетельствуют о роли славянских (преимущественно польского) языков в формировании словаря русского языка второй половины XVIII в., однако, судя по ним, можно говорить о том, в какой степени отрефлексированы конкретной исторической личностью реалии славянского мира, а также о широком кругозоре полководца и его языковой компетенции в целом.

Таким образом, славянские реалии широко представлены в эпистолярии Суворова как свидетеля неоднозначного и сложного периода истории России, изменений в ее политике, языке и культуре в целом, периода, наполненного событиями, связанными с переделом славянского и соседних миров, многочисленными контактами русских с иными народами. Это отразилось и в многоязычии представителей высшего сословия.

Исходя из анализа писем А.В. Суворова, можно сделать вывод, что «славянский» фрагмент его картины мира представлен *тематически* (через его эпистолярное общение с представителями разных славянских народов, обсуждение военных кампаний и воинской службы в целом, реже мирной жизни), *лексически* (через активное использование славянских топонимов, через описание географических реалий – рек, рельефа местности, погоды, упоминание славянских персоналий – адресатов и персонажей писем, преимущественно русских, польских, которыми могут являться отдельные личности и народы в целом, через использование ксенолексем, отражающих славянские реалии), *контекстуально* (через сравнение и оценивание реалий и персоналий в личностном, социальном, общечеловеческом, реже

национальном, планах, через придание единицам, их называющим, особых коннотативных смыслов).

Как у личности военного типа в центре славянского мира Суворова находятся реалии и персоналии, имеющие непосредственное отношение к воинской и государственной службе; мирная жизнь, ее бытовые и иные проявления оказываются на периферии. Анализ материала позволяет утверждать, что славянский мир исследуемой личности имеет свои границы, которые определяются не с национальных, а с военно-политических, государственных позиций. При этом славянский сегмент является лишь одной из составляющих данного пространства. Этот мир антиномичен: его представители делятся на «своих» и «чужих». Отнесенность к первым определяется исходя из простых человеческих понятий о чести, честности, справедливости, смелости, гуманности, прилежности, трудолюбия, воинской и иной компетентности и любовью к Отечеству. Сказанное позволяет характеризовать «славянский» фрагмент картины мира исследуемой личности как сложный и неоднозначный, соединяющий общие для эпохи представления о славянах с индивидуальными воззрениями русского полководца на своих собратьев.

ЛИТЕРАТУРА

Биржакова 1972 - Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.

Иванцова 2005 - Иванцова Е.В. Источниковая база лингвоперсонологии: Реальность и стратегии развития // Сибирский филологический журнал. 2005. № 3. С. 61–70.

Конончук 2007 - Конончук И.Я. Письма А.В. Суворова как источник изучения заимствованной лексики и процессов ее адаптации: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 308 с.

Крысин 2003 - Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2003. 256 с.

Никитин 2004 - Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 740 с.

Суворов 1986 - Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986. 808 с.

REFERENCES

Birzhakova, E.E., Voynova, L.A. & Kutina, L.L. (1972) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya* [Es-

says on the historical lexicology of the Russian language of the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka.

Ivantsova, E.V. (2005) *Istochnikovaya baza lingvopersonologii: Real'nost' i strategii razvitiya* [Source base of linguopersonology: Reality and development strategies]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 61–70.

Kononchuk, I.Ya. (2007) *Pis'ma A.V. Suvorova kak istochnik izucheniya zaimstvovannoy leksiki i protsessov ee adaptatsii* [A.V. Suvorov's letters as a source of studying borrowed vocabulary and the processes of its adaptation]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Krysin, L.P. (2003) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Russkiy yazyk.

Nikitin, O.V. (2004) *Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.)* [Business writing in the history of the Russian language (the 11th – 18th centuries)]. Philology Dr. Diss. Moscow.

Suvorov, A.V. (1986) *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Nauka.

Конончук Инесса Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Kononchuk Inessa - Tomsk State University (Russia).

E-mail: ineskon@mail.ru

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Fil Yulia - Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2017, № 2 (48)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 232 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 10.09.2017. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 400 экз.

Заказ 110.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2017 году международный исторический журнал

«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

ПАМЯТИ А.С. БУДИЛОВИЧА

Василий Иванов

Угас славянства верный друг,	Лелеял он в душе своей
Всю жизнь ему служивший свято...	Мечты высокие, святые,
И удручен славянский дух	В которых был всего святых
Той скорбью, тяжкою утратой...	Союз славянства и России...
Душой и сердцем славянин,	Любил славянский мир его
Хранил любви он братской пламя,	За правды бескорыстной слово,
От юных лет и до седин	Как брата, друга своего,
Держал славянское он знамя.	Всему славянству дорогого.
Служил науке русской он,	Скорбит славянский весь народ...
Как и славянству, честно, верно...	Молитва братская святая
И модных фраз красивый звон	С Балканских слышится высот,
Своею ложью лицемерной	С Карпатских гор, с берегов Дуная, -
Его души не соблазнял	О нем, - кто отдал жизни труд
На ложный путь политиканства...	Всему славянству на служенье,
В нем жил один лишь идеал:	О нем, чьи долго не умрут
<i>Христос, Россия и славянство...</i>	В славянских помыслах творенья, -
Постиг он чуткою душой	Чей дух средь тягостных годин
Славянских братьев все мученья	Дух одобрять славянский будет.
И от неволи вековой	Спи с миром, честный славянин!
Стоял за их освобождение...	Тебя славянство не забудет.

Источник: Московские ведомости. № 295. 20 декабря 1908 г. (2 января 1909 г.).

